

**Максимов Юрий
Христианский квартал**

Герои рассказов Юрия Максимова – с разных планет, из разных стран и времён, это храбрецы и трусы, борцы и предатели, ищущие Бога и отрицающие Его. Мир «Христианского квартала» непредсказуем, динамичен, опасен, но не хаотичен, потому что Творец, создавший Вселенную, помнит о каждом творении Своём и освещает его светом Своей благодати.

Юрий Валерьевич Максимов

ХРИСТИАНСКИЙ КВАРТАЛ
фантастические рассказы

Содержание

Христианский квартал

Больше, чем...

Двадцать минут

Мата

Небо всё видит

Пустяки

1

Псогос Валена
Рядовой
Символ
И поднялось терние...
Узник
Ветер перемен
Дерзновение пред лицом Божиим
Смерть атеиста
Бд-6: Дервиш
Девушка и фантаст
Герой, который остался дома
О путешествии наставника Ма и двух просветлённых
Лесоболотный массив
Бд-9: У самого синего моря...
Рубикон (термоядерная сказка)
Тот, кто думает о нас
Бд-7: Трон в крови
Сложноструктурированные органические объекты
Помощник
Сельский вечер
Микросхемы
Продаётся Америка
14:42 по Марсу

Христианский квартал

Сразу после завтрака Юнус отправил старшего сына на базар, вместо себя. Ильяс - парень смышлённый, подменять отца в лавке не в новинку.

Затем умылся, разгладил жёсткую бороду, накинул риду на плечи. Покивал с усмешкой на слова жены - та заметила, как Мария передавала надкусанное яблоко соседскому Кусте. И откуда только узнала этот знак багдадских девиц? Да, теперь такой возраст - глаз да глаз нужен.

Отстранив полог, хозяин вышел во дворик. Солнце уже высушило росу с листочков изогнутой маслины. В тени колодца разлёгся Тим-бездельник. Какие уж ему мыши, только и знает, что валяться, да шерсть свою вылизывать. Из хлева недовольно всхрапывает Огонёк - видно, так и не привык за ночь к соседству с чужим мулом.

А вот и Мати в незаправленной рубашечке выглянул из-за полога.

- Папа-а-папа!

- Да, сынок!

- А отец Хиостом правда в Иесалим идёт?

- Правда.

- И я хочу в Иесалим!

- Вот подрастёшь и поедешь.

- А я с собой Дато возьму... - показывает сшитую из тряпок коняшку.
- Возьми. Отчего бы не взять?

Наконец показался сам постоялец. Вытянутое бледное лицо, борода с проседью, густые брови, старая скуфья, да потрёпанная ряса до земли.

- Как спалось, авва, с дороги-то?
- Спасибо, Иона, на славу. - улыбается.
- Ну что, к епископу теперь?
- Конечно.

Скрипнула створка ворот, хозяин и монах ступили наружу, в переплетение узких улочек христианского квартала. Утреннее солнце вошло в силу, обжигая бледно-рыжие камни стенной кладки и тёмную брусчатку под сандалиями. Ноздрей коснулся запах пыли и конского навоза. Зашагали по затенённой стороне.

- Это дома христиан?
- Да, авва.
- И те, что мы прошли - тоже?
- Истинно так, авва.

- Богатые дома. - с удивлением покачал головой монах, - Я на прошлом переходе был в Тиннисе. Никогда не видывал я такой нужды, как среди тамошних христиан. Они говорили, что это из-за податей, которыми облагают их неверные, взимая по пяти динаров с головы. Как же вы умудрились избежать этого зла? Или с вас не взимают?

- Отчего же, взимают, и джизью и харадж, подушный и поземельный налог. Такой порядок везде, авва.

- Но вы не бедствуете, а против жителей Тинниса - сущие богачи! Как такое удаётся?

- Господь хранит. - ответил Юнус, отвернувшись, будто разглядывая стены, - Кроме нашего епископа никто из нас даже не видел лица сборщика податей.

- Видно, ваш епископ - святой человек. Хорошо, что повидаюсь с ним.

Юнус промолчал, раздумывая над тем, почему на улицах никого нет. Не бегают дети, не везут тележки хозяева, не идут женщины с кувшинами, покупать воду... Голые камни, еле слышный отзади шум базара, наглухо запертые двери. Нет, скрипнула одна, отворилась - Сержис, троюродный брат, выкатился, пыхтя и подхватывая пузо.

- Сержис!
- Юнус!

Обнялись. Юнус представил:

- Авва Хризостом. Из обители Каллистрата, что в Константинополе. Идёт на богомолье ко Гробу Господню. В Тиннисе отстал от группы. Теперь догоняет. Оказал мне милость, остановившись в нашем доме на ночлег. Веду знакомить с владыкой Михаилом.

- Ох ты, радость какая, батюшка, поведайте, как там в Царь-граде людям живётся? Что нового?

- Всё старое. Хлеб дорожает. Император дряхлеет. Слава Богу за всё.
- И то верно, батюшка, сказано. Помолитесь и о нас, грешных, во Святом Граде.

- Постараюсь.

Сергис повернулся к брату:

- Копты третьего дня в городе.

- Видел. Вчера ко мне шёлк смотреть приходили.

- Но приехали-то они не за шёлком.

- Знаю, зачем они приезжают.

- Да, утром караван из Ракки пришёл. Вот надумал я сходить, глянуть. Может, спасу хоть одного. И мне помощник давно в доме нужен.

- Сходи, сходи. Святое дело.

- А ты не хочешь пойти?

- Да у меня ж гость.

- И правда! Пустая моя башка, сам уже не знаю, что болтаю. А ты что к церкви авву по улице ведёшь, через ряды-то разве не короче выйдет?

- Давно ж ты у меня, Сергис, не был, если не помнишь, как от моего дома идти. - рассмеялся Юнус, обнажив белые зубы.

- И то верно. Прости, брат. Ну, Бог в помощь, пойду я. Авва, благослови.

И разошлись, Сергис засеменил вверх, к рядам и базару, а Юнус с монахом - вниз по улице.

- Что тебе Сергей предлагал купить? - переспросил отец Хризостом, по привычке произнося имена на ромейский манер.

- Сегодня на рынке партию мальчишек будут торговать. С Кипра все, ромеи. Мустафа захватил при набеге, ещё месяца три назад, ты, авва, не слышал разве?

- Дурные вести быстро доходят. - кивнул монах.

- Пленных ещё не всех распродали. К нам детей завезли. Здесь их копты скупают.

- Чтобы спасти от неверных?

- Ох, - Юнус невольно усмехнулся, - да ты, отец, я смотрю, совсем таких дел не знаешь. Оно, впрочем, может и ни к чему. Ремесло у коптов такое. Евнухов делают. Скупают мальчишек-рабов и кастрируют. Многие при этом умирают, но зато выжившие потом идут в двадцать раз дороже, чем были куплены. Спрос большой. Нынешний халиф так помешался на кастратах, что скупает их повсюду и держит возле себя днём и ночью. Белых называет своей саранчой, а чёрных - воронами. А за правителем и знать не отстаёт. Да, неверным это не в новинку. Их поэты чаще воспевают страсть к юношам, чем к девушкам, их законоведы изыскивают оправдание для разврата со своим рабом, а в кабаке всего за два дирхема постояльцу предложат девушку или мальчика на ночь.

- Господи, помилуй! - монах перекрестился и покачал головой.

- Поосторожнее бы ты, отец, с крестным знаменем. - нахмурился Юнус, озирая пустую улицу, стиснутую по обе стороны домами, - Не в Царь-граде

ведь. Запрещено здесь. Хоть по своему кварталу идём, а мало ли кто на пути встретится? У нас ещё не так строго, а в другом месте неверные не поглядят, что ты паломник.

- Да здесь, вроде, нет никого. - примиряюще заметил монах.

Юнус ещё раз мысленно подивился тому, как безлюдно нынче утром. Квартал словно вымер. Куда все подевались?

Они обогнули угол дома вдовы Ханна, поворот и - Юнус заморгал, замедлив шаг.

Ему бы сразу юркнуть обратно, за угол и - домой со всех ног. Даже Хризостома бросить, - тому всё равно ничего не грозит, чужеземец ведь. Можно, можно было успеть. Пока не повернулись в их сторону. Одно лишь мгновение - но ведь было оно!

А Юнус потратил его на то, чтобы растерянно моргать и пялиться на тощего араба в белоснежной риде, окружённого сахибами с длинными табарзинами на поясах. И епископ тут же, рядом, трясёт бородой в угодливом полупоклоне. На губах - вежливая улыбка, в глазах - усталость.

Поздно. Коснулось сердце гортани, мир потемнел в глазах. Когда Юнус сообразил, сборщик уже смотрел на него.

Вот, значит, какое у него лицо. Обрюзгшее, будто сморщенное, неподвижные чёрные глаза, кожа темнее, чем у здешних арабов, - видно, из кахланитов, с юга.

Ноги слабеют. Приходится их волочить, одна за другой, всё ближе.

- Там епископ? Кто с ним?

Но Юнус не отвечает отцу Хризостому, словно не слышит. Теперь уже ни до чего. Только шаркать сандалиями по острой брусчатке, сиюсь опомниться, осмыслить... Неужели это в самом деле?

И вот - дошёл, за четыре шага, как положено, остановился - на светлой стороне. Солнце жжёт затылок. Теперь - поклониться, коснувшись пальцами горячих камней, выдать на арабском:

- Мир вам, господин.

- Имя. - сухой, низкий голос.

- Юнус ибн Хунайн, господин.

- Чем промышляешь?

- Тканями торгую, господин.

- Готов уплатить положенное?

- Конечно, господин.

- Кто с тобой?

Юнус, чуть разогнувшись, обернулся на отца Хризостома, словно только что вспомнил. Тот спокойно стоял рядом, пропуская мимо себя речи на непонятном языке. Даже головы не догадался склонить перед арабом.

- Монах Хризостом, господин. Едет из Константинополя в Иерусалим, паломник. Отстал от группы в Тиннисе. Вчера остановился у меня на ночлег.

- Джаваз с собой?

- Авва, он просит показать твой пропуск. - перевёл Юнус.

Монах молча достал из рукава бумагу и протянул ему. Юнус передал епископу, а тот уже - сборщику. Поморщившись, араб долго разглядывал джаваз, и наконец, отдал его.

- Веди нас к себе.

- Да, господин.

С обеих сторон по трое стали сахибы, и - обратно, шурясь от слепящего светила, к злосчастному угловому дому вдовы Ханна. Гулко, как в колодце, раздаются среди пустой улицы шаги. Сзади епископ болтает с надменным арабом, по бокам шагают рослые мужики при оружии, поодаль плетётся удивлённый отец Хризостом.

Колотится сердце, кровь стучит в голове. "Неужели... неужели это со мной, Господи? Ясно теперь, отчего все попрятались. Но ведь... раньше срока... почти на два месяца раньше, на авваль же должно было пять выйти... Сколько там у меня? Может, хватит? Две тыщи - Марии на приданное, под шёлк, на заём... Десять лет копили... Всё прахом. Нет, не хватит... Господи! И Сержис - неужто не мог предупредить? Видел ведь из своих окон. А ведь предупреждал!" - догадался вдруг Юнус, - "На базар звал и через ряды идти уговаривал... И про коптов не зря помянул... А на меня словно затмение нашло. Тупица! Эх, что же делать-то теперь?"

- ...здесь, господин, о которых я говорил. Такая тонкая работа - в Ракке ничего похожего не найдёте. - доносится слащавый говорок епископа, - Может, заглянем? А то что потом возвращаться, ноги трудить?

Сахибы остановились - видно, кто-то скомандовал сзади. Юнус тоже замер, развернулся.

- Ступай, ибн Хунайн, - велит араб, равнодушно глядя на него, - Жди нас позже, приготовь, что положено. Постояльца своего отправь, в эту ночь ему придётся искать другой ночлег. Абдаллах, Муса - сопроводите.

Двое сахибов - высокий и сутулый - склонились, как и Юнус. Епископ бросил на него пронзительный взгляд, подошёл к воротам резчика Мансура и постучал. Сборщик перешёл на затенённую сторону улицы.

Юнус зашагал дальше, быстро припустил - сахибы еле поспевали. Топот сандалий сзади - отец Хризостом догнал.

- Иона, что тут?

- Беда, авва. - ответил Юнус, утирая пот со лба, - Пришли за податью. Это сборщик был. Владыка задержал его чуть.

- И много он с тебя возьмёт?

- Всё.

Сахибы подозрительно косятся на них, ну и пусть, всё равно по-гречески не понимают.

- Как так? Почему всё? Пожалуйся властям, это же грабёж, а не подать!

- Нельзя, авва. Уговор.

- О чём ты?

- Уговорились мы, давно уже, ещё отцы наши. Раз в пять лет приходит к нам сборщик, за то мы лично ему собираем пятьсот динаров. А подати

записывают на первого встречного. Он и должен за всех отдавать.

- Ты же сказал, что вы не видите даже лица сборщика?

- Те, кто здесь живёт - не видит. Кто увидел - тут уже больше не живёт, дом, лавка, жена, дети, сам - всё идёт на продажу в счёт уплаты. Зато остальные живут спокойно.

- Господи, помилуй!

- Авва, помоги мне!

- Что мне сделать, Иона?

- Возьми сына моего младшего, Матфея. Увези с собой. Сейчас домой придём, я сахибов отвлеку, а ты сажай его на мула и отправляйтесь как можно быстрее.

- Что ты говоришь, Иона, как я возьму его?

- Назовёшь племянником. Палестину будете проходить - там много монастырей, оставь где-нибудь на воспитание.

- Да все же знают, что у тебя был сын, погонятся за нами.

- Не погонятся. Сахибы не знают, а когда епископ подойдёт со сборщиком, скажу, что Мати умер недавно. Что они сделают, если вы уже будете далеко? Отец, смилуйся, спаси хоть его. Копты же купят, знаешь ведь, что с ним сделают... Пощади, авва!

- Ладно, возьму. - кивнул монах, сдвинув брови, - Даст Бог, и остальные поверят, что он мне племянник.

Вот уже подошли, скрипнули родные ворота. Кривая маслина, колодец, Тим всё также лениво дремлет в тени - недолго тебе осталось, новые-то хозяева вряд ли оставят, бегать тебе тогда по помойкам. Мати притаился за хлевом, с любопытством разглядывает незнакомых людей с мечами на поясах.

- Проходите, дорогие господа, отдохните в тени. - угодливо бубнит Юнус арабам.

И - внутрь, откинув полог, в прохладный полумрак. Анна встревоженно глядит на сахибов, сжав пальцы.

- Принимай гостей. - сухо, по-арабски велит Юнус, и, уже шёпотом, приблизившись, на греческом, одно лишь слово: - Налог.

Встретились взглядами - всё поняла. Поклонилась гостям, улыбнулась и - за порог, в комнаты.

- Господа, позвольте угостить вас с дороги, не отвергните нашего гостеприимства.

Солдаты не отвергают. Ещё бы - столько по солнцепёку мотаться. Подушки тут же, садятся, вытягивая обутые ноги на ковре, глазеют на узорчатые ковры и красно-зелёный свет, падающий от цветных стёкол на окнах.

Надо спешить!

Юнус метнулся в кладовую, вытащил круглый стол в проход, выволоч в комнату, поставил перед этими. Поклонился, растянув губы в улыбке. Дивятся, варвары, разглядывая чеканный узор по медной поверхности.

Дивитесь, дивитесь, шакалы. Скоро сможете это купить.

Анна принесла таз и ковш - руки помыть перед едой. Появилась Мария, в левой руке ваза с яблоками, в правой - кувшин с розовой водой. Дивитесь, шакалы - китайский фарфор, каймакский халандж!

Но "гости" смотрят вовсе не на посуду.

Юнус увидел, как глядит сутулый на его дочь и вздрогнул. Знаком ему такой взгляд - так придиричивый покупатель оглядывает ткани у него в лавке.

Стиснув зубы, снова улыбнулся "гостям". Мария вышла. Зазвенела струйка воды по дну таза, сахибы принялись мыть руки.

Всё, можно уходить, Анна справится сама. К пологу, шорох ткани и - за порог, во двор. Отец Хризостом уже вывел своего мула, навьючивает. Только бы успеть! Где же Мати? Двор проносится перед глазами - кривая олива, колодец, хлев - вот он, подглядывает сквозь круглые стёкла за "гостями".

Со всех ног к ребёнку, присел, развернул личиком к себе.

- Сынок, я тебе хочу кое-что сказать. - рука дрожит на плече сына.

- Да, папа.

- Отец Хризостом - это твой дядя. Мы не говорили тебе. Маме он приходится вторым братом.

- У меня есть дядя-монах?

- Да, сынок. И мы с мамой попросили дядю Хризостома взять тебя в Иерусалим. Помнишь, ты мне говорил утром?

- Правда? А когда мы поедем?

- Прямо сейчас. Пойдём к дяде. Съездишь, потом вернёшься и всё нам расскажешь.

Поднялся и быстрым шагом к монаху, таща за собой Мати, чуть не за шиворот.

- А ты с нами не поедешь? - малыш еле поспевает двигать ножками.

- Нет, мне ведь нужно работать.

"Господи, только бы успеть!"

- А Ильяс?

- Он должен мне помогать.

"Ильяс и в рабах не пропадёт. Крепкий, смышлёный. И не столь красивый, чтобы вызвать похоть неверных. А всё-таки надо будет по лицу ему ножом полоснуть, когда вернётся, - чтоб наверняка".

- А Мария?

- Она не поедет.

"А с Марией-то как быть?"

- Ой, я же не сказал маме "до свиданья".

- Я передам. Мама сейчас занята с гостями.

"Может, Сержис съездит, выкупит, успеет? Эх, да знать бы, куда ещё повезут!"

- Папа, я забыл Дато в комнате.

- Пусть побудет здесь.

"Нет, не выкупит. Девушка видная, арабы станут цену поднимать, он не

осилит".

- Нет, я его должен взять!

- Не стоит, сынок, ты уже большой, в Иерусалиме станут смеяться над тобой.

- Не станут, я его спрячу. Папа, ну можно я вернусь в дом...

- Нет.

- Ну я же обещал... Дато...

- Немедленно прекрати! - зашипел Юнус, - Ты отправишься с дядей. И никаких Дато! Делай, что велено! А ну не смей реветь! Только пикни у меня!

Насунился мальчик, слёзы брызнули из карих глазок, но притих. Дошли - Юнус подхватил сына под мышки и молча закинул на шею мула. Два шага - и вцепился в рукав рясы:

- Авва, спаси и дочь мою. Возьми с собой.

Хризостом, как стоял, так и бухнулся на колени:

- Иона, ну я же монах! Ну как я возьму её? Монах с девицей! Нас же не примут нигде! Как сберегу в дороге? Куда отдам? Умоляю, не проси, не могу я этого сделать.

- Ладно. Ладно. Вставай отец, а ну как увидит кто. Скорей бери мула, пока сборщик не подошёл. Сейчас из ворот - направо по улице, увидишь ряды, вдоль них до яковитской церкви, там уже подскажут, как из города выйти. Поторапливайтесь! С Богом!

Тронулся мул, Юнус побежал к воротам, сам отворил скрипучую створку. Глянул на улицу - никого. Раскланялись в последний раз с отцом Хризостомом и монах споро повёл животину на подъём.

"Что там арабы сделают со мной за это? За руку, вроде, подвешивают... Пусть".

Мати оглянулся, утирая рукавом заплаканные щёчки.

Юнус шагнул внутрь и захлопнул ворота. Теперь обратно, через двор, мимо крючковой оливы, колодца, хлева, кота, через полог в полутьму и прохладу, поклониться-улыбнуться сахибам, рассевшимся подле низкого стола, заставленного уже финиками и мясом, кивнуть жене на входе, выйти в комнаты ещё вглубь.

- Мария, брось!

Схватил руку дочери, вырвал нож.

- Ты что здесь удумала? - зашептал в ужасе, - Совсем рехнулась?

- Отдай, отец. - стиснув зубы, ответила, - Думаешь, я не знаю, что это за люди? Помню, как пять лет назад такие проходили к дому отца Елены, видела из окна. Думаешь, я не знаю, что меня ждёт? Лучше смерть!

- Перестань глупости говорить. Может, обойдётся ещё, управит Господь. Дядя Сержис выкупит тебя...

- Не лги мне, отец! Елену кто-нибудь выкупил?

- Всё равно погоди! Глупостей всегда успеешь наделать. Лучше стань на молитву, да молись как следует, а нам с матерью недосуг. Скоро сборщик придёт. Ильяс сейчас на рынке, ещё ничего не знает. Да, кстати: если спросят

про Мати, говори, что умер, утонул в реке неделю назад. Поняла?

- Отец Хризостом? - дочь вдруг улыбнулась и словно посветлела.

Отец поднёс палец к губам, глаза сверкнули в темноте.

- Да. - прошептала Мария, - Да, папа. Слава Богу!

Донёсся стук в ворота. Громкий. Чтобы в комнатах было слышно, это не рукой надо стучать, а... рукоятью меча, например.

Внутри резко потяжелело. Юнус вытер выступивший на лбу пот.

- Будь здесь. - бросил дочери, прошёл в залу. Сахибы, заслышав стук, поднялись из-за стола и скрылись за пологом, на дворе.

Юнус спрятал кухонный нож в рукав, зашагал следом. Высокий и сутулый топтались у колодца. Не решаются сами ворота открыть - "правильно, всё-таки пока ещё я здесь хозяин".

Он побежал к воротам, тяжело дыша. С тоской вспомнилось, как не стало пять лет назад семьи Яхьи, и десять годов уже, как сменил хозяина дом Петра Ассалья. Мелют, жернова судьбы, мелют... И не очень-то трогало - жаль, конечно, но не убиты ведь, просто в рабстве, в другом городе, может ещё повезло... Да уж, повезло... Проклятый уговор! Лучше бы так, как в Тиннисе...

Остановился у ворот. Вздохнул, отодвигая засов. Скрипнула створка - "теперь уж новые хозяева смажут"...

На улице стоял один из сахибов.

- Позови Абдаллаха и Мусу.

Юнус обернулся во двор, махнул рукой тем, двоим. Они вышли за ворота, новопришедший им что-то буркнул и все трое затопали вниз по улице, даже не попрощавшись с хозяином.

* * *

Долго ждал Юнус, но так и не появился сборщик. Жена и дочь молились в доме, а он всё мерил шагами дворик на солнцепёке, от волнения не находя себе места, то срывая листья с маслины, то сжимая рукоятку ножа. Лишь когда спал зной и Ильяс вернулся домой с базара, везя за собой тележку с тканями, хозяин решился выйти на улицу.

Здесь уже было оживлённо - многие возвращались с базара, ребятня носилась по улицам. Юнус спустился вниз по улице, забежал к брату. Сержис рассказал, что от самого епископа узнал - неожиданно за обедом у резчика Мансура сборщик податей вдруг ни с того, ни с сего онемел, так что и слова не мог выговорить. Через час отъехал из города, теперь ему не до налогов. А вдова Ханна говорит, что видела из окна, что в этот момент по улице будто бы проходил монах с мулом и ребёнком. Остановился он якобы напротив мансуровых ворот и сказал чего-то...

- Ильяс, седлай скорей Огонька, поедешь за город, надо догнать отца Хризостома! Возьми у него Мати, скажи, что всё исправилось, поклонись в пояс. Вот тебе десять дирхемов, если сахибы остановят - откупишься. Что стоишь?

- Что ты, отец? - удивлённо заморгал шестнадцатилетний

крепыш, - Мати утонул неделю назад. Четыре дня как похоронили.

- Вот как? - Юнус наморщил лоб и вдруг улыбнулся, - Вот оно, значит, как... Действительно поверили... Ну, значит, так надо. Да. Слава Богу. Слава Богу за всё.

Придёт время, и нагрянет новый сборщик налогов. Два раза в одно дерево молния не бьёт - значит, на кого-то иного выпадет злой жребий. Юнус прикинул, сколько на две тысячи можно выкупить? Если на дорогу ещё накинуть? Трёх-то точно... А комнат? Комнат, пожалуй, хватит. А позже, когда Ильяс возмужает, надо бы съездить в Палестину, походить по святым монастырям. Сердце подсказывало, что где-то обязательно встретится родное лицо.

Больше, чем...

В голове гудит колокол. Гигантская пасть, болтающая чугуном языком. Первый вздох, первый смех, первый шаг, первый плач. Игры, забавы, страхи, заботы. Дырки на штанах, костры в парке, ртутные шарики на полу, диснеевские мультики...

Откуда же это началось? Не могу вспомнить. Тысячи образов роятся в голове и проносятся стайками разноцветных рыб... Ночь. Луна. Не могу противиться... Замок. Башня. ...сосредоточиться... Медновласая принцесса с голубыми глазами. Доблестный рыцарь и серый волк. Рыцарь-волк. Волколак.

Книга читает...

* * *

Мне шесть. Запах водки и валокордина, вазы с конфетами. Много конфет. Шоколадных. У стены, в красном ящике застыл человек. Чем-то на деда похож, но не он -- разве у моего деда синие уши?

Взрослые забрали человека в ящике и куда-то ушли. А когда вернулись, сели за стол. Стали чавкать, скрести вилками, звенеть рюмками.

- Дядь Петь, а где дед?

- Умер, Сашок. Семён, наливай!

- Что сделал?

- Ушёл навсегда. Ну, вздрогнули. Пусть земля ему... пухом... ох, Марин, передай-ка огурчика!

- Дядь Петь, а я тоже умру?

- Ещё как! Но -- нескоро. Не думай об этом.

- Дядь Петь, а ты тоже умрёшь?

- Э... Сашок, на вот, конфетку покушай. Поминай деда. Скажи: пусть земля ему будет пухом...

Подумалось: неудобно будет деду по такой земле ходить. А через пару лет мама принесла книжку про Винни-Пуха. Я не стал читать, и забросил её под шкаф.

* * *

Первый класс. Первая драка. Первая сигарета. Первая любовь.

В магазин за хлебом, в кабинет за справкой, в овраг за гильзами, к завучу за журналом, на прогулку с собакой...

Броненосцы уходят под серую воду, всё ниже, вглубь, в самое сердце, оседая папиросным пеплом. *Где-то... где-то рядом, далеко, застыло тело...* Кудри мои русые, очи мои светлые травами, бурьяном да полынью поросли... *моё тело, с треклятым виртошлемом не башке ...* Кости мои белые, сердце моё смелое коршуны да вороны по степи разнесли...

Книга читает меня.

* * *

Мне десять. Через лифтовой чердак вылезаем с братом на крышу. Осень, серые облака над головами, пеньки соседних многоэтажек по сторонам, кляксы голубинового помёта на синем рубероиде. Подтаскиваем к краю старый аккумулятор. Внизу -- никого. Бросаем в двенадцатиэтажную пропасть, заморожено глядя, как чёрный брусок несётся к земле. А внизу открывается дверь, из подъезда выходит...

* * *

Не раньше, чем меня дочитают, я вернусь ... Готические замки зубьями башен рвут мою душу. *...я вернусь в своё тело ...* Небо плюёт сажей, чёрный снег застилает глаза, туманит память, остатки памяти, огрызки... *сброшу ненавистный виртошлем ...* Шелест травы, хрип. Лавины вервольфов бегут, пронизывая тьму красными углями глаз... *рухну с кресла, уставившись в пол ...* Латники чеканят шаг, выходя из сумерек, всплесков, шорохов, трелей цикад, ад... *а потом меня вырвет ...* Гнилой запах. Мокрые халаты, липнущие к коже. Удушье...

а потом, видит Бог, я найду того, кто это сделал со мной ...

Сколько там ещё осталось?

* * *

Мне пятнадцать. Поднимаюсь по мрачной бетонной лестнице. Площадка меж четырьмя дверьми, высвеченная жёлтой лампой. Засиженный мухами плафон. Кафель под ногами. На цыпочках подхожу к двери. Прислоняюсь ухом к обивке... из щели тянет теплом, доносятся голоса. Жадно вслушиваюсь, в надежде различить её голос. Я слышу! Кто-то с той стороны подходит...

* * *

Исписанная зачётка, пиво в парке: два литра на троих... *Были люди, которые разговаривали с Создателем как с другом, и Всевышний нисходил советовать с ними о судьбах мира.* Монотонный голос препода, парты полукругом, заснеженные ветви за окном. *Были люди, кто умел разглядеть в человеке Человека, и ценили это превыше всех благ.* Копна обесцвеченных волос, пустые глаза. *А ныне мы силимся разглядеть Человека в программе и нисходим к созданию рук своих, советовать о судьбах мира ...* Маш, а Маш, дашь иль не дашь?

Глобальная сеть... Мы попались. Я попался. Словно муха в янтаре.

Теперь, -- только терпеть и ждать, бессильно наблюдая, как электронная гадина холодными щупальцами шарит в моей голове, выкачивая память, преобразуя в вербальный ряд... яд... Распиная мою жизнь на сюжетно-фабульной дыбе. Обращая радости и беды в килобайты, мегабайты... Что же ищешь ты во мне, виртуальная тварь? Зачем выворачиваешь наизнанку?

* * *

Книга - друг... Мутный поток образов размывает сознание... книга - брат... не могу мыслить... складывать сам... книга - мать и отец... лишь сентенции, будто сорвавшиеся с чужих губ... какая книга взяла бы вас с собой на необитаемый остров? Господи, только б не потеряться... Ты ведь и здесь должен слышать...

Стиснуть зубы и ждать. Терпеливо. Пока она не высосет из меня всё, до последнего...

Сколько там ещё... до конца?

* * *

Рык, скрежет, лязг, вой. Лунные рыцари булавами крушат мои кости. Оборотни жадно вгрызаются в плоть. Кровь хлещет, растекаясь по жанровым схемам, напаяя соком сюжетные ходы, прорастая метафорами, застывая узорами стилистических изысков...

Родные и близкие растасованы по персонажам. Воспоминания расплавлены и отлиты в описания, интерьеры, экстерьеры... Монологи, диалоги, полилоги... Завязка, кульминация... Всё просчитано, выверено. Машина знает. Любовь и ненависть рассыпались блёстками штампов и осели на аляповатый коллаж, наструганный из моей жизни.

Внутри всё пылает, ментальный сканер выжигает остатки... Догорай!

Ну же! Что тебе ещё надо? Вот я, перед тобой! Моя злость, моя боль, моя страсть -- забирай! Что ещё? Неужели этому не будет конца? Господи...

* * *

Волны Волги словно волки... Нейронный распад. Инверсия. Логические связи истончаются... рвутся... тают... Я тону, захлебнувшись образами. Мне уже не вынырнуть. Гаснут последние отсветы мыслей. Остаётся лишь одно, невыразимое. То, что глубже слов и тоньше ощущений. Наверное, оно и есть моё "я"... Или что-то ещё? Кто-то ещё?

Броненосцы с глухим стуком касаются дна. Многотонная тяжесть ложится на грудь. Сердце не выдерживает и рвётся, выплёскивая чёрно-бурую слизь...

Беспроглядной тенью сгущается ото всех сторон... моя слабость, мой позор.

И из этой чёрной тени не восстань мне...

Nevermore

* * *

Выхолощен. Темнота. Тяжёлое дыхание. Пустота и гул в голове, как после удара колокола. С меня снимают шлем. Щурюсь на яркий свет. Синие

лампы, зелёные стены, фигуры в белых халатах...

И я вижу того, кто это сделал со мной.

- Потерпите ещё чуть-чуть. - говорит он мне, коля иглой предплечье, - Мы предупреждали, что будет немного некомфортно.

Разлепляю пересохшие губы, пытаюсь сказать. Из горла вырывается кашель.

- Ещё немножко. Сейчас станет легче.

И правда -- становится. Память возвращается. Кусками. Вспоминается реклама... "Автобиограф. Больше, чем книга, больше, чем программа". Разговоры... А сегодня пятница. Гляжу на табло -- хм, прошло-то всего пятнадцать минут. Ох, неужели я ещё за это деньги выложил?

А образы откатывают, блекнут, мелеют, только неприятный осадок остаётся, будто черви копошатся в желудке...

- Ну как, лучше?

- Угу.

- Хотите кофе? Помогает.

Мотаю головой.

- Обработка завершена. Перед сеансом вы настаивали, что желаете получить сигнальный экземпляр сразу же после выхода. Вспомнили? Вы подтверждаете своё намерение?

- Ну... да.

Хлыщ в белом халате потянулся куда-то за моей спиной. Затем вынул небольшой томик и сунул мне в руки. Ещё тёплый. Броская обложка. Твёрдый переплёт. Бумажные страницы. Эстетика уходящего века. На обложке -- гравюра. Ночь. Замок. Принцесса на балконе и рыцарь с серым волком у ворот.

Открываю.

Глаза машинально скользят по строчкам, сознание распознаёт буквы, переводит в слова, слова -- в образы... Странно. Будто смотрю себя на просвет. Вижу...

Чёрно-бурую слизь.

Как я лгал, предавал, как глумился, как я... Да, даже это есть. Невесело усмехаюсь, листая страницы. Так вот, значит, как ты выглядишь, моя совесть.

Двадцать минут

Тихо. Дело к шести. Сумрак в храме понемногу сгущается. Синие огоньки лампадок, кажется, проступают ярче перед высокими, тёмными иконами. От приоткрытых дверей с улицы тянет прохладой и сиренью.

Влад потянулся к выключателю и зажёл настольную лампу. Вспыхнув, жёлтый круг выхватил стопки рыжих свечей, иконки и крестики с той стороны стола. Почесав подбородок с проступающим пушком, парень достал из кармана книгу, и углубился в чтение.

«Начало колонизации Ио было положено в 2117 году совместной экспедицией...».

Влад зевнул и выдвинул ящик стола. Где-то у Вити здесь мятные ледяшки обретались. Так, листки для записок, коробка с мелочью, карандаши, поминальная тетрадь - нету, облом. Надо было спросить, когда сменял. Теперь уж Витя, небось, на полпути к дому. Ладно, всего полчаса осталось до закрытия. А потом - в сторожку, чай пить с пряниками. И - снова читать эту нудятину про спутники Юпитера. Послезавтра зачёт по «освоению».

Хорошо хоть, народу нет. Вообще вечером, когда не служат, людей заходит мало. Так и сегодня. Только один пилот заглянул, из Космопорта, трёхкредитку на канун поставил; да ещё две тётки, проездом с Марса, - вон их свечки мерцают на золотистых подсвечниках перед Спасителем и Богородицей.

Влад уж было вернулся к конспекту, как дверь приоткрылась, и в храм протиснулся заросший серой шерстью гигант в бежевом халате. Цистерцианин. Сторож невольно нахмурился.

Гость, не глянув на него, неторопливо, чуть покачиваясь, прошёл к центру храма и встал, аккуратно под куполом. И смотрит неотрывно на лики святых в иконостасе. «Будто молится» - усмехнулся про себя Влад, но тут же отогнал эту мысль.

Видно, турист. Зашёл поглазеть. Обычно такие днём приходят. С ними Витя хорошо толкует. Глядит мечтательными голубыми глазами, бородищу свою рыжую теревит, то слушает, то говорит... Шутили, что одна пара ригелиан каждый год специально сюда прилетает, чтобы с ним поболтать. Да, Витя - мужик разговорчивый. А вот Влада такие вещи напрягают. Надо ж было припереться этой мохнатой зверюге за полчаса до закрытия!

«Впрочем, для туриста одет он странновато» - подумал Влад, разглядывая пришельца со спины. Цистерциан не часто встретишь даже здесь, в Космопорте, но несколько раз он их всё же видел. Всегда на них роскошная одежда из тонкой ткани, и всегда они подчёркнуто опрятны. А этот весь помятый, вон, уже испачкался где-то, шерсть какая-то... всклокоченная. «Только цистерцианских бомжей нам здесь не хватало. От своих отбою нет».

Двухметровый гость неторопливо развернулся и двинул к выходу.

Влад демонстративно уткнулся в книгу. «Пусть бы хоть прошёл побыстрее» - но внутри уже зрело досадное предчувствие, что нет, не пройдёт, полезет ещё разговаривать.

Так и случилось. Цистерцианин подобрался и встал по ту сторону стола. Кажется, с минуту он стоял молча, а Влад упрямо продолжал «читать книгу». В конце концов, он - сторож, а не продавец. Не ему лезть первым с разговорами.

Наконец сухой, явно непривыкший к человеческой речи голос пробормотал:

- Извиняюсь.

Тут уж делать нечего, пришлось поднять голову. С невольной неприязнью Влад глянул в заросшее лицо пришельца. Чёрные глаза-пуговицы блестели совершенно бесстрастно. «Как у плюшевых игрушек».

- Щенник. - донеслось из-под серых усов.

- Чего? - сощурился Влад.

- Щенник. - повторил цистерцианин и добавил: - Ся.

- Священник? - внезапно догадался Влад.

- Ся щенник. - кивнул гость.

- Священника нет. - объяснил сторож, - Домой уехал. Завтра утром приходите на службу. Тогда будет священник.

- Утром поздно. - цистерцианин шевельнул ушами, - Утром сутки кончатся.

Владу стало совсем муторно от этой галиматьи.

- Тогда послезавтра. - буркнул он, - А ещё лучше в воскресенье. В это, или ещё когда-нибудь... Потом.

- Потом сложно. - сообщил пришелец, - Потом меня не будет.

«Понятное дело, рейс» - подумал Влад, но вслух ничего не сказал. И ещё подумал: «Чего бы тебе, милый, не пойти в своё капище, или как оно там у вас называется?»

Цистерцианин тем временем тоже о чём-то соображал.

- А других церковь здесь есть? - спросил он вдруг.

- Есть. - на секунду охватило желание отправить его в Скорбященку, чтобы отделаться поскорей, но Влад справился с искушением - жалко всё-таки, - Там сейчас тоже службы нет. Не положена сегодня служба. Нет священников.

Мохнатый гость снова замолчал. Чёрные, без зрачков, глаза невыразительно блестели бликами от лампы.

- Можно я посижу здесь?

Влад нахмурился и кинул взгляд на часы.

- Через двадцать минут церковь закроется. Двадцать минут можете посидеть.

- Спасибо.

Цистерцианин повернулся и всё той же «качающейся» походкой прошёл к левому окну. Там присел на лавку у кануна, молча созерцая, как перед распятием потрескивает трёхкредитка пилота, на квадратном столике для заупокойных свечек.

Влад попытался было вернуться к «началу колонизации Ио», но - куда там. Чтение уже не шло. То и дело приходилось поглядывать на застывшую перед окном фигуру, - а ну как сопрёт чего? Минут через пять цистерцианин поднялся. Тут уж Влад и не тешился надеждами, обречённо наблюдая, как двухметровая мохнатая туша снова приближается к столу.

- А ты не можешь... поговорить?

- В смысле?

- Как ся щенник. - объяснил пришелец и ткнул себе в грудь пальцем, - Дела плохие. Надо говорить. Чтоб не было.

- А, исповедь. - снова догадался Влад, - Нет, не могу. Только священник. А я здесь просто сторож.

- А ся щенник завтра?

- Да, завтра утром.

- Поздно. - констатировал собеседник.

«Надо же, про исповедь знает!» - вдруг дошло до Влада. Впрочем, он не шибко удивился. Многие инопланетяне почитают какие-нибудь церковные обряды. Ригелиане, например, всё время пытаются детей своих покрестить. Хотя имеют на это, видимо, какие-то свои причины, ведь и жизнь и мораль их от христианства отстоят весьма далеко. А уж что творится на Богоявление! Тут и гаотрейды, и ялмезяне, и имкейцы приползают, в общем, всякой твари по паре. И все толкаются в километровых очередях за крещенской водой, а при самом разливе чуть не до драк дело доходит, так им всем отчего-то вода святая нужна. Хотя, собственно верующих-то среди них - единицы...

- А чего ты... того... - Влад покрутил в воздухе пальцами, - к своим священникам не пойдёшь? Ну, цистерцианским?

- У нас нет. Жрецы у цистерциан. А я не такой. Я у вас здесь... - гость задвигал бровями, силясь подобрать слова, - в воде меня... ся щенник...

- Так ты крещённый? - с некоторым удивлением выговорил Влад. Ригелиане-то - известное дело, а вот про цистерциан он ещё такого не слышал.

- Крещённый. - повторил гость. - Отец меня. У вас. Другая церковь. Катон. Много зим назад. Солнце было яркое. Маленькие огоньки. Окна с лицами. Вода. Вибрация звука приятная. Ся щенник говорил со мной. - пришелец прервался, а потом добавил: - Хороший был день.

- Понятно. - Влад покосился на часы. До шести осталось 12 минут, - Может, на Катоне когда будешь, там и поисповедуешься.

- Не успею. Утром сутки кончаются.

- А потом куда?

Цистерцианин наклонил голову.

- Хорошо бы... к Богу. - ответил он.

- Чего? - оторопел сторож.

- Завтра угасну я. - постарался объяснить пришелец, - Старики так решили. Виноват я. Плохое дело сделал. Сутки мне дали. Спасибо. Это ради отца. Хороший он у меня потому что был.

Влад захлопнул книгу.

- Погоди-ка, тебя что, завтра... убьют?

- Убьют.

Сторож ошалело заморгал на невозмутимого пришельца.

- Серьёзно?

- Сутки дали. - повторил цистерцианин, - Спасибо, не всем дают. Жену вот устроил. Дочку. Завещание. Долги отдал. Сюда пришёл поздно. Ся щенник нет. Я не знал, что нет. Надо было утром придти. Не знал. - он опять шевельнул ушами.

- Так что ж ты здесь? - Влад всё никак не мог поверить, - Тебе в полицию надо. Беги скорей, скажи, что тебя убить хотят!

- Старики у нас... как полиция.

- Да ты сюда, в земную!

- Нельзя так.

Влад уже и сам догадался, что нельзя. Цистерциане сделают официальный запрос и его всё равно выдадут...

- Слушай, да ты же в Космопорте. Садись сейчас на любой звездолёт и дуй куда подальше!

- Нельзя так. Найдут.

- Можно улететь туда, где не найдут. - заверил Влад, силясь припомнить названия окраинных планет. Чего там Сухарь на «планетологии» втирал?..

- Можно. - согласился цистерцианин, - Но так нехорошо. Жену мою тогда. И дочку. Угаснут. Вместо меня. Разве лучше? Нехорошо так. Люблю я их. Я сам должен.

Они помолчали.

- К тому же искать когда. Сюда придут. Тебя спрашивать будут. Разве хорошо?

Влад представил допрос цистерциан, и невольно поёжился.

- А может... ещё обойдётся, а? - предположил он, - Поговори со стариками своими. Скажи, мол: виноват, исправлюсь. Про дочку скажи. Может, простят они тебя?

Цистерцианин качнул головой по диагонали:

- Такого у нас не бывает. Старики... не как Бог. Я виноват. Они не простят. Спасибо им. Сутки дали. Другим не часто дают.

- Да что ж ты натворил-то такого?

- Виноват. Сильно виноват. Угасли три цистерцианина. Моя вина. Хотел вот говорить ся щенник. Ся щенник скажет, простит меня Бог или нет.

- Ты что же... убил их?

- Нет. Не я. Руда. Камень падал. Внизу они. Я виноват. Из-за меня.

- Несчастный случай, что ли?

- Так.

- Так объясни им, что ты не хотел. Что это случайно всё. Скажи, пусть по-другому накажут, убивать-то зачем?

- Они знают. Разницы мало. Три из-за меня. Плохое дело. Я виноват.

Цистерцианин замолчал. Влад тоже. Чего уж тут скажешь? Дичь какая-то. Витьке, что ли, позвонить, посоветоваться? Ан нет, тот ещё в дороге, а у него тариф экономный - в космосе не берёт.

«А может, гон это всё?» - спохватился вдруг Влад, - «сколько уж раз, бывало, придёт тоже какой-нибудь страдалец, уж такие трели заплетёт, всю

душу вывернет, а под конец отвесит: «так, у тебя братишка, кредиток двести не найдётся, а? На дорогу?»

- Нет ся щенник. - снова забубнил пришелец, - Жаль. Утром надо было. Мы, цистерциане, такие. Главное всегда на потом оставляем. Так у нас принято. А потом иногда поздно бывает. Жаль. Пустая жизнь.

- Да погоди... может, Господь ещё управит всё. Знаешь, так часто случается: люди по одному решают, а Бог - совсем по другому. И не выходит у людей ничего. Бог, Он ведь всё может. Он сильнее любых стариков.

- Ты лучше знаешь. - просто ответил пришелец.

Снова оба замолчали. Влад напряжённо соображал, что бы сделать. По хорошему-то, отцу Глебу в первую очередь надо звонить. Да в отпуске настоятель, до четверга не вернётся. А отец Кирилл, что подменяет его, контактов не оставил...

- Можно мне... Маленький огонёк зажечь? - попросил цистерцианин.

- Чего?

Пришелец ткнул лапой в бурую горку свечей.

- А, это... Да бери, пожалуйста.

Мохнатый гость порылся в помятом халате и вытащил кубик.

- Хватит столько?

- Бери-бери, всё в порядке. - махнул Влад.

Гость взял тоненькую двухкредитку и пошёл к алтарю. На столе остался рифлёный металлический кубик с переливающимися гранями. Влад настороженно покосился на диковинную оплату, и решил не трогать - «мало ли, может, оно радиоактивное, или ещё чего».

Часы пикнули - без трёх минут шесть. Пора готовить церковь к закрытию. Влад поднялся, сунул книжку в карман пиджака, щёлкнул выключателем лампы. Двинулся вдоль левой стены, останавливаясь у каждой иконы и гася лампадки. Повернул возле аналая. Задул две оплывшие свечки тёток с Марса. Выдернул и бросил в коробку у подсвечника.

Цистерцианин тем временем стоял, как столб, у кануна, и глядел, как мерцает, чуть подрагивая, поставленная им свечка, а рядом - сократившаяся уже трёхкредитка. Влад приблизился, погасил свечку пилота. Цистерцианскую трогать не стал. «Пусть себе горит. Завтра только надо будет не забыть огарок выковырять, чтобы Марфа не ворчала».

- Кончились двадцать минут. - то ли спросил, то ли констатировал пришелец.

- Кончились. - кивнул Влад. - Пора закрываться.

На секунду стало боязно - а ну как не захочет эта громадина уходить? Что тогда?

Но нет, цистерцианин послушно повернулся и зашагал «вразвалочку» к дверям.

Влад перекрестился и кивнул в сторону сокрытого алой завесой алтаря.

Вышли они вместе. Щёлкнул замок. Молодой сторож подёргал на всякий случай за ручку, чтоб удостовериться. Всё в порядке.

На улице было тепло. Душистый аромат сирени. Сотни спящих аэрокаров на фоне огненного предзакатного неба. Вдалеке высились башни мегаэтажек, а справа - тонкие шпили Космопорта.

Цистерцианин стоял на ступенях, замороженно глядя на пышные кусты с белыми гроздьями цветов.

- Куда ты сейчас? - спросил Влад.

- Пойду. Богу говорить буду. Много надо сказать. Жена, дочка - одни остаются. Тяжело так. Надо ей новый муж. Новый отец. Пусть будет хороший.

- А это у вас обязательно? Ну, вдовам замуж выходить?

- Нет. Не обязательно. Но одной жене тяжело. И дочке. Люблю я их. Пусть новый будет муж. Так лучше. Лишь бы хороший.

Влад потупил взгляд. «Оставить его, что ли, в сторожке? Некуда ведь ему сейчас идти. Да нет, не выйдет. Олег Саныч если узнает - так потом задаст, что допрос цистерциан сказкой покажется».

Влад вздохнул.

- Слушай, а во сколько у тебя... сутки кончаются? Может, ещё успеешь утром со священником встретиться? Он сюда в 7 часов придёт!

- У меня - в 26 конов. - цистерцианин задвигал бровями, а потом развёл лапы, - Не знаю, сколько по-вашему. Постараюсь придти. Может, успею.

Они ещё немного постояли. Потом цистерцианин шагнул вниз. Обернулся:

- До свидания, - серые усы приветливо приподнялись, - брат. Спасибо. Что говорил со мной.

Влад протянул руку. Чуть помедлив, пришелец подал мохнатую лапу.

- Ну, с Богом. - пробормотал сторож.

Цистерцианин кивнул и спустился по лестнице на асфальт. Вышел за ворота. И пошёл, чуть покачиваясь, по дороге в город.

Влад постоял немного под сиренью, а затем свернул налево, в сторожку.

Включил свет в узкой комнатке. Подошёл к столу, вытащил книжку из кармана. Как-никак, а зачёт по «освоению» на носу. Подумав, набрал воды в пластмассовый чайник, щёлкнул кнопкой. Достал с полки пакет пряников.

«Жалко, имя у него забыл спросить. Чтоб хоть помолиться...» - Влад вздохнул и опустился на стул.

Так сидел он долго, слушая, как шипит вода в чайнике, и жевал пряник, да глядел в окно, где в густеющих сумерках всё чётче и веселее светились далёкие огни мегаэтажек.

Мата

С Матой мы познакомились в Мавритании. Нам продал её отец.

Где-то около трёх, когда зной идёт на убыль, я проходил по замызганной улочке Нуакшота, озираясь в поисках аптеки или чего-то подобного. Катя в это время мучилась от мигрени, лёжа в апартаментах.

Итак, я брёл по пустой улице, слева изредка проезжали доисторического вида машины, справа тянулись лавки, да всё не те. Но вдруг из очередной вынырнул сморщенный чернокожий старик, в засаленном халате и с белой бородкой.

- Здравствуй-здравствуй! - пробормотал он на английском, - Заходи, купи, всё есть.

- Обезболивающее есть? - громко спросил я на случай, если старик глуховат, - Чтобы боли не было, понимаешь? Голова у моей жены болит, понимаешь? - для верности я ткнул пальцем в свою бейсболку, и по инерции добавил: - Жена, понимаешь?

- Заходи-заходи. - он схватил меня за рукав и увлёл в темноту лавки, приговаривая: - Всё есть, всё.

Мы оказались в крохотной комнатке с пыльными окнами. Старик усадил меня на резную лавку и скрылся за внутренней дверью, бросив на ходу: "одна минута". Я смотрел на развешанные по стенам выцветшие ткани, всё крепче сознавая, что обезболивающим здесь и не пахнет, а просто очередной торговец открыл охоту на редкого в этих краях иностранца. И теперь мне предстоит минут десять отбиваться от навязчивых предложений купить "кароший ткан". Подмывало просто встать и уйти, в один миг я почти решил, но... выходить из прохладной каморки на солнцепёк, вонь и загаженный асфальт... "ничего, посижу немножко" - подумал я.

Много раз потом об этом пожалел.

Старик действительно вернулся через минуту, ведя за собой... ну, по нашим меркам ещё ребёнка, а по мавританским вполне годную на выданье девушку лет пятнадцати. Серое платье до пола, платок обрамляет симпатичное смуглое личико. Мавританцы делятся на "белых" мавров - чистых арабов, "чёрных" мавров - берберов, смешавшихся с неграми, и собственно негров. Но цвет кожи девочки был куда светлее, чем даже у чистых арабов. При совершенно восточных чертах лица. На редкость интересное сочетание.

Гадать о причине долго не приходилось: видно, жена старика лет пятнадцать назад пала с белокожим иностранцем. Неудивительно, что в доме её нет. С этим здесь строго. Таких по шариату после родов побивают камнями. Закапывают в землю по грудь и каждый проходящий мимо добрый мусульманин бросает в торчащую голову булыжник. Скоро от неё остаётся одно лишь кровавое месиво. Такая экзотика до сих пор практикуется в ряде самобытных стран вроде Бангладеш или той же Мавритании.

Однако я отвлёкся.

А тогда вышла презанятная сцена. Старик привёл девушку, та глядит в пол, я хмурюсь с недобрыми предчувствиями, а он и говорит:

- Бери. Хорошая жена.

- Простите?

- Бери дочь. Жена тебе будет. Жена, понимаешь? Хорошая. Всё умеет. Умная. - тут он повторил мой жест, показывая на голову.

- У меня уже есть жена. - я вскочил с лавки, как ошпаренный.

- Вторая будет. - ничуть не смутившись, парировал старик и добавил: - одна хорошо, а две - лучше.

В этом я совсем не был уверен, и сообщил, что мне вполне достаточно одной жены, и вторую заводить я не собираюсь. И это, кстати, была сущая правда. К тому же, российский закон отнюдь не поощряет многожёнства.

- Возьми как служанку. - настаивал старик, снова ухватив меня за рукав, едва я попятился к выходу.

Далее последовала весьма жаркая тирада. Всю её я уже не упомяну, к тому же по ходу туземец сбивался то на арабский, то на французский, то жутко коверкал английский. Но смысл был такой, что живётся ему очень плохо, что не под силу уже одному содержать дочь, что здесь её ничего хорошего не ждёт, умолял взять "ко мне в страну", где ей "будет лучше", и даже "пусть она примет вашу веру", ну а кроме того, расхваливал саму девушку, которая так и стояла - молча и потупившись, - какая она, мол, умница да красавица, нравом смирная, на все руки мастерица, и прочая, и прочая.

Я понял, что попал.

И не придумал ничего лучше, как откупиться. В конце концов, местным от иностранцев не нужно ничего, кроме денег. На эмоциях я вытащил две стодолларовые купюры - гигантская сумма по мавританским меркам, - сунул старику, после чего пожелал ему и его молчаливой дочери удачи и спешно ретировался. По улице припустил чуть ли не бегом, словно опасаясь, что за мной погонятся.

Не зря, кстати, опасался. Но не будем забегать вперёд.

Итак, спешил я по заплёванной улице Нуакшота мимо лениво снующих арабов и усиленно прокручивал в голове две мысли: как я объясню Кате исчезновение двухсот баксов и сколько раз до меня предприимчивый старикан проворачивал этот фокус с наивными иностранцами?

Впрочем, так ли он стар, как кажется? В знойном климате и каторжных условиях люди стареют стремительно, средняя продолжительность жизни у мужчин не достигает здесь и пятидесяти лет. Скорее всего этому мужику немногим более сорока. Удивляло другое. Большинство негроидных племён здесь, насколько я слышал, остаётся в рабстве, формально отменённом в 1980 г. Или он из "чёрных" мавров? Их я на глаз не отличу. Всё равно странно, что ему удалось стать торговцем, когда эту сферу, судя по рынку, крепко держат "белые". В общем, странный и неординарный тип. Английский знает, опять же. Ладно, Бог с ним.

Уже у двери номера я вспомнил, что обезболивающего так и не достал.

Кате было всё также плохо. Она лежала на постели под гул кондиционера и нервно отмахивалась от надоедливых мух. Я присел рядом, поцеловал её, посочувствовал, повинился, что не сумел найти даже занюханной анальгинины. Про двести долларов решил пока не говорить - не при мигрени такие разговоры. Хотя, разумеется, утаить бы это не

удалось - контора выделила нам нежирно, едва ли не впритык.

Не припомню точно, что было после, но где-то через час в номер постучали. Я в это время был, извините за фактологию, в туалете, поэтому подойти пришлось Екатерине. Я слышал, как хлопнула дверь, но не придал значения, сочтя за очередное глупое предложение от администрации отеля.

Ага, если бы.

Когда я вышел в прихожую, то натурально оторопел: передо мной стояли и говорили на английском Катя и та самая девушка-подросток из лавки тканей.

- Петя, объясни мне что-нибудь. - обратилась ко мне супруга, - Это дитё утверждает, что её купил какой-то господин отсюда, и теперь она наша служанка.

Тут уж пришлось всё рассказать.

То есть, разумеется, не совсем всё. Но около того.

Я рассказал про старика, расписал, в какой жуткой нищете они прозябают, как умолял он взять на попечение свою дочь, и как я отказался, но пожертвовал их семье две сотни баксов - тысяч тридцать угий на местные деньги. И теперь, видимо, ошалевший от радости папаша прислал дочку нам в помощь в виде благодарности.

К счастью, скандала не последовало. Катю эта история растрогала, что называется, до самых фибр. Ещё бы - когда перед тобой стоит живая иллюстрация и смиренно моргает, глядя в пол, даже мёртвый не останется равнодушным. Супруга призналась, что не ожидала от меня такого благородного поступка.

Однако оставлять служанку Катя, естественно, не собиралась. Что за дичь? Что подумают люди? Девочку надо немедленно отправить домой.

Но тут гостя сама заговорила:

- Я могу делать массаж. Госпожа нуждается в массаже. Традиционный мавританский. Пусть госпожа позволит. Пожалуйста.

Она произнесла это, или нечто подобное, а мне подумалось, что старик, должно быть, давно готовил дочку к путешествию в дальние страны - вряд ли здесь кто-то ещё кроме горстки богачей учит своих детей английскому. Вслух же я заметил по-русски, что неприлично было бы отвергать добрые порывы туземцев, и чем скорее местные сочтут, что выполнили долг благодарности, тем скорее отвяжутся.

Но, конечно, решающую роль сыграли не мои доводы, а каткина слабость к массажу вообще, и к местной экзотике в частности.

Через четверть часа удивлённая супруга сообщила, что мигрень совершенно прошла, а мне в голову забрела забавная мысль: старик таки не обманул, и я всё же достал для жены обезболивающее. Хотя и за весьма приличную сумму - средний мавританец в год зарабатывает не больше ста баксов. Да-да, именно сто, и именно в год. Не помешает поразмыслить над этой цифрой тем россиянам, кто любит плакаться о том, какие мы нищие. Слава Богу, настоящая нищета нам даже и не снилась. Кто хочет её

увидеть - пусть едет в Африку.

Однако, я опять отвлѣкся.

Помню, после мы сидели на балконе, созерцая раскинувшийся внизу серый одноэтажный мегаполис с бледно-жирными пятнами мечетей, и пили ароматный чай, который приготовила Мата (к тому времени она уже представилась). А вечером мы втроем гуляли по рынку и наша провожатая называла подлинную стоимость товара, чем приводила в неопишную ярость торгашей. В таких странах - это всё равно что знать прикуп в преферансе. Я не преувеличиваю. Мы тогда сэкономили баксов сорок на покупках, а затарились прилично.

Потом поблагодарили Мату, попрощались с ней, велели передать поклон отцу и разошлись, полагая, что на этом знакомство благополучно кончилось. Мы шли по освещенной огнями "Новотеля" улице имени де Голля и смеялись, обсуждая, как расскажем друзьям в Москве о нашем дневном приключении.

Знали бы мы, что рассказывать придется намного больше.

* * *

Улетали мы на следующий день. И немало удивились, встретив в аэропорту знакомую фигурку в том же сером платье до пола и черном платке. Мата сказала, что пришла нас проводить. Катя моя расчувствовалась аж до слез, даже попросила меня дать девчужке еще полтинник для отца. Мавританка приняла купюру молча, с легким поклоном. Перед паспорт-контролем они расцеловались, а дальше нас закрутили уже предполетные хлопоты: проверка, посадка, нервное ожидание взлета и восемь убийственно долгих часов среди облаков, с пересадкой на Канарах.

И вот наконец - с трапа в московскую ноябрьскую слякоть. Хорошо! На родной земле и дышится легче. Не знаю, кому как, а у меня всегда по возвращении с загранки дикий прилив сил наступает. Родина, всёж-таки.

Уже в аэропортовой скотовозке я заметил, как мелькнуло меж людьми похожее серое платье, да еще подивился: надо же, кто-то с Мавритании затарился местным текстилем.

Шок наступил после таможни. Едва мы дождались, наконец, багажа, и, навьюченные, выползли в зал к галдящим наперебой мужикам: "Такси! Такси недорого!", меня кто-то осторожно тронул за рукав.

Мы с Катей поочередно обернулись и просто онемели, застыв посреди человекопотока. Соотечественники толкали нас сумками, таксисты надрывались, зазывая, а мы молча пялились, как вы уже догадались, на Мату.

А та, как ни в чём не бывало, тянет руку и просит разрешения взять у Кати пакет, "чтобы помочь".

Тут дар речи к нам вернулся. Катю прорвало. Кричать она начала почему-то на меня. Будто это я всё подстроил. Будто это моя дурная шутка. Будто... ладно, всего и не упомнишь. В общем, всякие обидные глупости.

При этом мы упорно мешали проходу, и парень в синей форме попросил нас отойти в сторонку. Так мы и поступили. В сторонке Катя взяла себя в

руки, и мы попытались разобраться. Мата продемонстрировала нам заграничный паспорт Исламской Республики Мавритания и я в который раз подивился предусмотрительности старика-негра. В паспорте стояла российская виза - поддельная, даже мне это было видно. Однако же поверх неё синел штампель КПП "Шереметьево" как памятник халатности российских пограничников. Впрочем, немудрено: одного взгляда на этих размалёванных сонных клуш в погонах было достаточно, чтобы понять, что эффективность работы они утратили уже много часов назад.

Но больше всего меня поразило наличие билета на наш рейс. Его стоимость многократно превышала те двести баксов, что я всучил папаше-негру. Ума не приложу, как он мог его достать. То есть, позднее у меня появились некоторые соображения, но оставляю их при себе. Всё-таки я не знаю наверняка.

Как бы там ни было, но пришлось нам Мату из аэропорта взять с собой. А что делать? Обрато отправить? На какие шиши? В аэропорту не бросишь. Сама она продолжала называть нас "господами", а себя - нашей служанкой, и говорить, что я купил её у отца за двести долларов. В общем, конфуз по полной программе.

То, на что ниже я отведу два абзаца, на самом деле заняло куда больше времени, ещё больше денег, и ещё больше нервов и сил.

По здравом размышлении мы решили оставить Мату у себя. С отцом её связаться не удавалось. В Мавритании девочку действительно не ждало ничего хорошего. К тому же "квартирный вопрос" позволял - в наше отсутствие преставилась баба Тая, и по прилёту нас ждало наследство в виде просторной сталинской трёшки на Ленинском (опустим полугодовую мороку с правами наследования). Девочка удивительно легко прижилась в нашей семье. Детей у нас тогда не было, и мы оформили опеку над Матой, а затем и российское гражданство. Разумеется, без помощи двоюродного братца Мишки с его мохнатой лапой в МИДе это было бы нереально. Отец Маты, Халид Айуб, резво подписал и переслал необходимые документы, хотя прежде игнорировал мои письма с намёками забрать дочку обратно.

Мата взяла на себя почти все обязанности по дому (и в доме, кстати, стало намного чище), а Катя взамен с энтузиазмом принялась обучать её русскому, а позднее и школьной программе. Девочка оказалась и впрямь очень способная, схватывала, что называется, на лету. Хотя что-то ей давалось тяжело, та же алгебра, например. Но всё равно - к шестнадцати говорила по-русски почти без акцента, а в семнадцать экстерном получила аттестат о среднем образовании. Уживались мы с ней на удивление легко, как я уже, кажется, писал. И немудрено - ни разу она не ослушалась ни меня, ни Катю, всё, что просили, выполняла неукоснительно. Она даже тот полтинник баксов, что я дал ей в аэропорту Нуакшота переслала потом отцу международным телеграфом. Между прочим, мы и с Катей стали лучше ладить - перед такой воспитанницей ссориться как-то неудобно. А может, сыграло роль то, что у супруги прекратились мигрени - "традиционный

мавританский массаж" всегда был в нашем распоряжении.

Разумеется, "господина" и "госпожу" мы сразу отменили и превратились в "дядю Петю" и "тётю Катю". Что уж говорить о том, какой резонанс вызвала эта история. Друзьями, родственниками и знакомыми дело не ограничилось. Нас показывали по телеку (репортаж на первом канале был, может, видели) и три раза писали в газетах, правда, половину переврали, журналюги без этого не могут.

Мата поступила на филологический в РГГУ и год успешно отучилась, потом ушла, по моей просьбе. Катя была беременна и ей требовалась помощь. А уж когда Ванятка родился - тут и говорить нечего, без Маты мы бы просто не справились. Хорошую няньку в Москве нанять - дело расточительное.

* * *

Ну и что? - спросите вы. История как история, к чему были все эти нагнетания в духе "много раз потом об этом пожалел" и прочая?

Объясню.

Дело в том, что у Маты была одна... особенность.

То, о чём не разнюхали репортёры, о чём не знали друзья и о чём не подозревала, кажется, даже Катя.

Не знаю, как бы это сказать... но, в общем...

Мата убивала людей.

Нет, не собственноручно, конечно же.

Просто все, кто угрожал или вредил Мате, либо, с её точки зрения, мог угрожать или вредить нам с Катей, очень быстро умирали. Самоубийства или несчастные случаи. И я в какой-то момент обратил внимание, что в дни смерти наша девочка по-особому выглядит - глаза блестят, подбородок вздёрнут, дыхание тяжёлое.

Такое случалось, наверное, и раньше, но заметил я это на гинекологине. Известное дело, что в этих кабинетах обычно сидят, говоря возвышенным языком, не лучшие представители рода человеческого. Да, в платных консультациях встречаются приличные люди, которые к тому же и разбираются в своей специальности. А вот в бесплатных... Ну, может, где-то и есть, не спорю. Но нам не попадалось. И нашим знакомым тоже. И знакомым наших знакомых. А попадалось безграмотное хамьё, которое больше вредило, чем приносило пользы.

А ходить всё равно приходится. Не всегда есть деньги на платную. Жизнь ведь такая - то густо, то пусто. Вот пошла как-то Катя по своим делам, простите за фактологию, в этот кабинет, к той психопатичке. Вернулась, что называется, в состоянии стресса. Мне ничего особо не говорила, а Мате рассказала, чтобы девочку подготовить - ей ведь, скорее всего, в тот же кабинет придётся в своё время ходить. Да и сдружиться они уже успели. Воспитанница наша редко чувства выказывала, но тогда, помню, весь день была прямо не своя. Через две недели супруга снова направилась к психопатке, как вдруг - другое имя на кабинете, а в очереди болтают, что

прежня-то скопытилась, - да отчего! - рак матки на поздней стадии обнаружился. За несколько дней "сгорела".

Следующим был водила маршрутки. Зазевался он как-то по дороге, считая деньги для сдачи, а спереди автобус остановился. Мы чуть не впечатались, в последний момент он по тормозам дал и в салоне все с кресел посваливались. А я с Матой сидел на переднем сиденье, ехали подарок Кате ко дню рожденья выбирать. Я кричу:

- Смотри на дорогу, урод! Угробить нас хочешь?

А грузинчик этот, - нет чтобы извиниться, как человек, стал на эмоциях орать мне, что не моё дело, что виноват водила автобуса, что я сам такой и прочая.

Вот и доорался дурак - на следующее утро, выезжая к работе, на полной скорости вмазался в пустую остановку. Говорят, пока "скорая" ехала, ещё был жив.

Но последнее, что меня убедило - наркоманы. Ошивалась в нашем подъезде всякая шваль, которая там, судя по окуркам, бутылкам и шприцам, курила, выпивала и кололась. По вечерам проходить мимо было боязно, сам-то я нож в кармане носил, но за Катю опасался, да и за Мату, конечно, тоже. И вот, как-то приходит она вечером сама не своя, гляжу - да, глаза, да, подбородок, да, дыхание. И сразу же, как был, в тапках, вниз по лестнице. На третьем пролёте глядь - так и есть, лежат голубчики, без движения. Трое. Наша дежурная по подъезду страшным шёпотом говорила после, будто у всех троих одновременно лопнули мочевые пузыри. Оказывается, от этого тоже умирают. А может, и приврала старуха. Откуда бы, скажите, знать ей результаты вскрытия?

Так я убедился, что моя воспитанница убивает людей. То, что я не понимал, как это возможно, меня ни капельки не смущало. Как работает автомобильный мотор я тоже не представляю, однако это не мешает мне признавать, что автомобили ездят, и именно благодаря мотору. А над всякими непознанными феноменами пускай учёные голову ломают, им за это деньги платят. Впрочем, не думаю, что ботан, который решил бы исследовать Мату, проживёт достаточно долго, чтобы привести замысел в исполнение.

Если вы представили себе какое-нибудь мавританское вуду с уродливыми истуканами в клубах удушливого дыма и тряпичными куклами, утыканными иглками, то выбросьте немедленно эту дрянь из головы. К тому, о чём я пишу, это не имеет никакого отношения. Не занималась она колдовством. Тут дело в другом. Я себе так объясняю: есть люди с необычными способностями. Кто-то, как магнит, металлы притягивает. Кто-то, как рентген, людей насквозь видит. Есть ведь такие, факт. А у Маты была особенность привлекать несчастья к конкретным... индивидам.

И чему тут удивляться, если вспомнить, что Мату вынашивала женщина, которая знала, что после родов будет убита? Почему-то мне кажется, что все, кто метал в эту женщину камни, давно уже сами тлеют в мавританском песке. Должно быть, с них всё и началось. Маленькая девочка желала смерти

тем, кто лишил её матери, и они один за другим действительно помирали...

А может, всё было по-другому. Не знаю. Эта гипотеза пришла мне в голову за пивом. Ничем подтвердить её не могу. Да и не хочу. И пивком-то усугублять я начал не с радости.

Кто-нибудь скажет, что это, может, и неплохо иметь эдакого личного ангела-карателя. Ну-ну. Языком-то легко чесать, а поглядел бы я на него, будь он на моём месте.

Убивала-то Мата не только явное отребье вроде тех же наркоманов. Однажды мы с Катей обсуждали на кухне мой заторможенный карьерный рост. Шуточный разговор-то был. И надо же мне было ляпнуть, что, мол, если б не Виталик, сидел бы я уже в кабинете этажом повыше. А Мата в это время тут же была, посуду мыла.

Через два дня не стало Виталика. А мне дали кабинет этажом повыше.

Крепко ж я тогда напился. И ещё крепче разозлился. Думал - устрою ей взбучку, так что мало не покажется. Но не устроил. Даже не сказал ничего. В конце концов сам ведь виноват. Нечего было языком почём зря чесать. Вот уж действительно, от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься.

Жалко Витальку, честно. Иногда аж до слёз. Будто это я убил. Потом вдове его, Маринке тайком деньжат посылал по почте. Когда от Катерины удавалось что-нибудь значить. Года два слал, пока Маринка с Пашкой из второго отдела не сошлась.

А на язык я с тех пор осторожнее стал.

* * *

Может, вы не поверите, но Мату я не боялся. Совсем. Всегда чувствовал, что против меня и моих близких она ничего не сделает. На всякий случай глянул свидетельство о смерти бабы Таи - всё чисто, благодетельница наша отошла в лучший мир за три дня до того, как Халид Айуб представил мне свою дочь.

Скорее я боялся за Мату. Должно быть, так чувствуют себя родители эпилептиков. Никогда не знаешь, когда будет следующий приступ, и чем он кончится. Совесть жевала меня изнутри всё больше с каждой смертью. И постоянный страх - что будет, если Катя узнает?

Часто хотелось напиться и забыться, но сдерживался, - а ну как ненароком проболтаюсь?

Девочка ведь действительно мне стала как родная. Затрудняюсь, правда, соотнести с традиционными схемами родства. Наверное, это как если бы пришлось воспитывать младшую сестру. Или племянницу. Хотя не совсем так. Сестра вряд ли бы говорила с братом, уставившись в пол, и только когда её спрашивают. Сложно. Вот с Катей Мата держалась куда свободнее, и в глаза ей смотрела, и болтали они, и смеялись, и ходили вместе по магазинам, и прочая.

Тревожило меня то, что Мата сильно замыкалась на нашей семье. Первые два года друзей у неё так и не появилось, несмотря на наши попытки познакомить девочку со сверстниками (через детей знакомых и родни, в

основном). Со всеми гостями она была одинаково вежлива, но заинтересованности ни к кому не выказывала и отношений поддержать не стремилась.

Хотя Антончик, старший мишкин, втрескался в неё, что называется, по уши. Звонил каждую неделю, а то и чаще, иной раз и в гости заехать норовил. Но юная мавританка была с ним подчёркнуто холодна. Типичный разговор по телефону:

- Да. Хорошо. Зачем? Я тебе вышлю е-мейлом. Нет. Я занята. И в четверг тоже. Вряд ли. Пока.

Первые годы это было ещё уместно, но время шло, Мата взрослела и, кстати, всё более красивела, как спеющие яблочки наливаются соком. Да, мы к ней привыкли и привязались, но не могла же девочка всю жизнь провести при нас. Это нездоровье. А уж когда открылась её особенность... Нет, не то чтобы я хотел Мату куда-нибудь сбегать. Просто мне казалось, что если она влюбится, если появится у неё, так сказать, простое женское счастье, то начнётся для Маты иная жизнь, в которой уже не будет места... ну, вы понимаете, о чём я.

Как потом оказалось, мои предположения были, в общем-то, недалеко от истины.

Антончик - парень хоть и башковитый, но шепутной. И Мате он не нравился. Надо было ей серьёзно расширить круг знакомств. Во многом именно поэтому мы стали готовить её к поступлению в ВУЗ. "Выйти удачно замуж", как шутили в прежнее время. Даже специально на "факультет невест" направили, чтоб наверняка. Разумеется, ей я ничего о своих планах не сообщал. Мата поступила, под чутким руководством Кати и при тайной финансовой подстраховке с моей стороны.

Только когда она уже начала ходить на первые занятия, до меня дошло, что же я натворил. Отводя от горящего дома, вывел на минное поле. Того и гляди, начнут пачками дохнуть неадекватные преподы и хамоватые студенты. Вам, может, смешно, но посмотрели бы вы моими глазами!

Риск был велик. В какой-то момент, на второй неделе, я уж собрался забрать её. Но не стал. Ведь это, может, последний шанс для девочки нормально влиться в общество. С замершим сердцем я ждал. Неделя, другая. Первый месяц, второй. Конец семестра... Всё, вроде, шло замечательно. Мате нравилось. Впрочем, нравилось именно учиться. Мои надежды на социализацию не оправдались. Число звонков заметно увеличилось, уже не один Антончик звонил, и другие ломающиеся голоса извинялись в трубке, прося позвать Мату. Но та всех методично отшивала. Помню, рассказывала она как-то про учёбу, и я спросил между делом:

- А как там у вас в группе, парни есть симпатичные?

- Не знаю.

- Как это? Ты же учишься с ними.

- А я на них не смотрю.

Хотел было спросить: "почему?", но сдержался. Лучше не задавать

вопроса, если не готов услышать ответ. Но выслушать всё равно пришлось - пару лет спустя.

* * *

Мне всё было беспокойно. Всё хотелось проконтролировать. Уберечь. Начал я отпрашиваться с работы, заходил к Мате на переменах, познакомился с преподами и сокурсниками. В основном, естественно, там были сокурсницы, если не считать трёх худосочных очкариков. Я лебезил перед этими сопляками и соплюхами, расписывая, какая у Маты трудная жизнь, что с ней нужно помягче... Пивом угощал. Эх, дурак-дурак. Хотел их от беды уберечь, а вышло-то совсем наоборот.

Это было в мае, когда сессия уже вступала в апогей. Я узнал - причём случайно, - что Валя Гурьина, одна из сокурсниц, с балкона прыгнула. Жива осталась, но... восстановится вряд ли.

Тогда я решился наконец поговорить с Матой. Выбрал время, - Катька беременная на перине почивала, телек смотрела, а мы вдвоём в магазин пошли. И вот, идём, на солнце шуримся, тополиный пух ботинками разгоняем. Обошлись без вступлений:

- Вальку-то за что?

Не удивилась, и взгляда не подняла. Ответила ровным голосом:

- Она вас оскорбляла, дядя Петя.

С тоски даже усмехнулся собственной тупости. Догадывался, что нелепо выгляжу со своей чрезмерной опекой - всё-таки первый курс, а не первый класс. Но не думал, что могу превратиться в объект насмешек. Да что там могу - обречён. И автоматически обрёл тех, кто насмеялся. Но...

- Это же ерунда, Мата. Мне ведь от этого ни холодно, ни жарко. Я даже не знал и не узнал бы никогда.

- Я знала. Такое нельзя терпеть, дядя Петя.

- Мата, это ненормально, когда за шутку, пусть даже злую... люди расплачиваются жизнью.

- Дело не только в шутке. Все, кто умерли, заслуживали этого.

- Может быть. - я вздохнул и покачал головой, - Но на сердце-то всё равно тяжело...

Она помолчала чуть, а потом вдруг кивнула, еле заметно:

- Тяжело.

Мы прошли до конца дома. На перекрёстке подождали зелёный свет, хотя машин не было.

- Я бы хотел попросить тебя на время оставить учёбу.

- Да, дядя Петя.

- Кате нужна помощь. А потом ещё больше понадобится.

- Конечно, дядя Петя.

На этом разговор закончился.

Мне хотелось верить, что дело прояснено и трагедий больше не последует.

Но всё оказалось не так просто...

* * *

Не хочу, чтобы вы представляли Мату, как какую-нибудь болезненную маньячку.

Она очень задорно улыбалась, хоть редко, но, что называется, метко. На её улыбку сразу же хотелось улыбнуться в ответ. Вообще была очень живая по натуре. Субботними вечерами мы втроём смотрели избранные фильмы, я сам выискивал их по прокатам, - только качественное. А потом обсуждали впечатления на кухне, за сушками и чаем. У Маты случались интересные наблюдения.

Катя научила её красиво одеваться. Ни о каких серых платьях до пола уже и речи не было. Вместе они мотались по рынкам, вместе подбирали. Ей нравилось светлое - белый, бежевый, бледно-голубой цвета. Ещё она очень полюбила зиму. Из-за снега. Могла часами смотреть из окна на метель и мотающиеся на ветру плакучие ветви берёзок во дворе. Как японцы на свои сакуры смотрят. Запомнилось: в синих сумерках на фоне окна неподвижный девичий силуэт, тонкая такая, с двумя косичками...

Но часами - это если дел по дому не было, а такое выпадало нечасто.

Я уже писал, что почти все хозяйственные обязанности взяла на себя воспитанница. При этом, находясь в полном послушании, Мата всегда держалась очень самостоятельно. Всегда чувствовалось: она делала так, потому что сама хотела и сама для себя решила, а не потому, что кто-то решил за неё, или она не могла иначе. Могла.

А не любила, кстати, позднюю осень. Слякотные ноябрьские дни, вроде того, в который она прибыла на российскую землю.

С отцом Мата переписывалась, но довольно вяло. Судя по её словам, старый негр неизменно передавал мне поклоны. Ну-ну.

Как-то я заметил - Мата забыла на кухне блокнотик. Он оказался мелко исписан арабской вязью. Письма отцу? Дневник? Стихи? Или... списки обречённых? Не знаю, с арабским я не в ладах, но в любом случае какая-то отдушина у неё была.

Месяцев через семь после пополнения нашего семейства, Мата крестилась. Сама. Мы с Катей никак её к тому не подвигали, вера - сугубо личное дело человека. Может, так она исполняла волю отца. Может, так на неё повлияли крестины Ванятки. А может, ещё что. Она любила читать много разного. Почти всё свободное время или читала, или по интернету бродила. Комп с подключением мы ей ещё на аттестат подарили. Я надеялся, что она хоть по сети друзей найдёт. Но - куда там. Самообразованием занималась. С Россией знакомилась. Религии изучала.

* * *

Кажется, целый год, или даже полтора смертей не было. Но и о социализации пришлось забыть. Мата грела питание, стирала пелёнки, подмывала Ванятку, нянчилась с ним, когда Катя отдыхала. Интересные песенки она ему напевала. Национальные. Я подслушивал через дверь. Это даже не арабский был, наверное, волоф или ещё какой из негритянских

языков Мавритании.

Поневоле вспоминалась жара, приземистые улицы Нуакшота, сморщенный чёрный старик с белой бородкой и пыльный запах тканей. В такие моменты я размышлял: как сложилась бы наша с Катей жизнь, пройди я тогда мимо? Отчего-то картинки выходили всё очень скучные и блеклые.

Однажды ночью, уже в начале осени, я проснулся от криков. Кричали на улице. Первые секунды думал: пьянь песни горланит. Но нет. Кого-то избивали.

- Петя, звони в милицию. - тревожно сказала Катя. Она тоже не спала.

Я откинул одеяло, встал, нашарил в темноте тапки и зашаркал в коридор. Ванька мирно сопел в кровати, слава Богу, со сном у него полный порядок.

Только потянулся включить свет, как вдруг понял, что крики прекратились. Будто выключили их.

И в наступившей тишине - тяжёлые вздохи из-за двери напротив.

Я шагнул, помедлив, коснулся ладонью холодной доски и замер - в темноте, посреди коридора, слушая прерывистое, с хрипом, дыхание.

- Мата...

Шорох, шлёп босых ног о пол, шёпот с той стороны:

- Да... дядя Петя?

- Тебе чем-нибудь помочь?

- Нет... я... сейчас справлюсь... спасибо...

Так мы ещё какое-то время стояли, молча, по обе стороны плотно закрытой двери...

* * *

Утром я сидел на кухне и глядел в окно, сквозь позолоченные сентябрём берёзки. Человечки в серой форме что-то рассматривали возле дома напротив. Трупы увезли ещё раньше. Мата была тут же, гремела посудой под шум льющейся воды. Катя только что пошла с Ваняткой на прогулку.

- Тебя что-то печалит, Мата.

- Да, господин. - вода смолкла, - Я устала забирать жизни...

Несколько листиков слетели с жёлтых веток и закружились к земле.

- ...я бы хотела... дать жизнь.

Слова заставили обернуться. Мата смотрела на меня. Большие тёмно-карие глаза.

- Так ведь... - горло вдруг перехватило, пришлось откашляться, - придёт время, ты сможешь найти жениха... В университете, когда восстановишься, или ещё где... Да тот же Антончик...

- Мой отец отдал меня в жёны вам, господин.

Сердце стянуло. Я опустил взгляд, уставившись в пол перед Матой.

Всё стало ясно.

Мата знала, что я не могу взять её в жёны. Знала, что вольна здесь выбирать себе любую жизнь. Знала, что в России никто не швырнёт в неё камнем. Но то, что дало ей страшный дар, сидело очень глубоко - глубже

разума, глубже чувств. Разрушить оковы можно было только внутри этой логики.

Но... я не мог этого сделать. Верите, или нет, но я никогда не изменял Кате, не искал "леваков" и был вполне счастлив. И саму Мату я воспринимал... совсем иначе.

Но не мог и оставить всё как есть. Теперь, когда знаю...

* * *

Как только у нас это получилось, Мата ушла. Ветреным ноябрьским утром я остановился у ларька купить пива, и мои пальцы нашарили в кошельке вместо купюр сложенную бумажку. На листке, аккуратно вырванном из блокнота, синела надпись: "вы ведь не отказали бы мне, попроси я об этом". И это, кстати, была сущая правда.

В тот миг я понял, что больше не увижу её.

Странно теперь себя чувствую. Зная, что где-то живёт женщина, которая, как сказали бы древние, носит под сердцем моего ребёнка. То есть, оно, конечно, совсем не под сердцем, но древние умели говорить красиво. И при всём том - я не познал её, ни разу не целовал, и даже не касался. Странное чувство. Вы уже, должно быть, догадались. Экстракорпоралка - дело затратное, тут одних моих заначек было мало, пришлось к Мишке в долг влезать. До сих пор ещё с ним, кстати, не расплатился.

Итак, что в сухом остатке? Вроде и желание Маты осуществил. И Кате, вроде, не изменил.

А на сердце всё равно как-то не так... тяжело...

Иногда, напившись, напоминаю себе, что обычный спермодонор в точно таком же положении живёт себе, и в ус не дует. А ещё думаю, что новые технологии неизбежно уродуют привычный нам уклад жизни. Как знать, не станет ли мой случай прообразом семьи будущего? Но - чего стоят эти самоутешения?

Наверное, надо попробовать на исповедь сходить. Так, пожалуй, будет правильно. Но не могу. Тяжело пока. Не соберусь никак. Вот эти писульки, может, окажутся чем-то вроде репетиции. Подготовки. Посмотрим.

Наверное, пару строк надо черкнуть, что называется, вместо эпилога. Ну... Ванька говорит уже вовсю. В доме стало заметно грязнее. Катю опять мучают мигрени, а я хожу за обезболивающим в аптеку, что на нашей улице. Антончик всё ещё позванивает иногда - не вернулась ли она? Удивительное постоянство, не ожидал от племянничка. Ведь уже четыре года прошло с тех пор, как он стал ей названивать.

Когда Мата исчезла, большой переполох вышел. Катя долго привыкнуть не могла. Я придумал сказку, будто Халид со смертного одра в очередном письме вызвал дочь, и та немедленно улетела в Мавританию. Так себе сказочка, но поверили родные.

А куда им деваться?

P.S.: Купил недавно щербаковский учебник арабского. Учю теперь,

самоуком, когда минутку выкроить удаётся. Туго идёт. Эти... породы глагольные, да по пять вариантов написания у каждой буквы... мрак! Но - надо. На листке том, что Мата мне в кошелек сунула, с другой стороны что-то этой самой вязью выведено. Интересно узнать. А к переводчику обратиться не решаюсь - мало ли...

Второй вариант концовки:

Мата окончила читать, но ещё несколько секунд глядела на исписанный листок. Невольно вздрогнула, слышав:

- Что-нибудь ещё? - официантка дежурно улыбнулась.
- Счёт, пожалуйста. - такой же улыбкой ответила Катя.
- Одну минутку.

На столике между двумя женщинами располагалась лишь синяя папка со стопкой исписанных листков, да две чашки кофе, - нетронутая, и полупустая.

- Ну, как устроилась? - поинтересовалась та, что постарше, машинально поправляя выбившийся локон.

- Спасибо, хорошо. - та, что моложе, отложила последний листок в папку, - Хороший город. Тихий. Детей много на улицах. А дома так поставлены, что всегда дует ветер. Это... интересно. Как Нуакшот.

- В смысле?
- Нуакшот переводится как: место, где дуют ветра.
- Да, забавно.

Несколько секунд обе молчали, глядя на синюю папку.

- Как... он?

- Поначалу пил много. - Катя невесело улыбнулась и подняла полупустую чашечку, - Но месяц назад взял себя в руки. Вроде, привыкает потихоньку. Хотя я все ещё думаю насчёт врача.

- Он не пойдёт.

- Это точно. Он ведь действительно считает, что ты их всех убивала! Это какой-то ужас был. Спасибо, что отнеслась спокойно.

- Ну что вы, тётя Катя. Я вам многим обязана. А это... не такая уж страшная болезнь.

- Да ладно. Какая я теперь тебе тётя? - одним глотком допила кофе и отставила чашку, звякнув о блюдце.

- Иногда мне кажется, - проговорила Катя, глядя на гогочущих парней в коже за соседним столиком, - что он это всё специально придумал, чтобы тебя от нас не отпускать...

Мата съежилась.

- Не смотри так. Я тебя ни в чем не виню. Просто...
- Ваш счёт, пожалуйста.

В этот раз официантка не улыбалась, сухо взглянув на две сиротливые чашки.

Катя полезла в сумочку, щёлкнул замок кошелька. Забрав две купюры,

девушка молча удалилась.

- Ладно, пойду я. - Катя подхватила папку со стола, - Звони, если что, на мобилу. Номер знаешь.

- Знаю.

Одна из двух женщин, сидевших за столиком, поднялась и, не оборачиваясь, вышла.

Вторая осталась, отстранённо смотря перед собой, - на чашку с остывшим, потемневшим напитком. Бледная девушка с заплетёнными в узел чёрными волосами.

- Красавица, ничего, если я подсяду? - кто-то сверху дыхнул перегаром. Один из кожаных парней с соседнего столика.

- Лучше не надо, - ровным голосом ответила Мата.

- Ну, зачем же так грубо-то сразу, а? - неловко выдвинув стул, парень плюхнулся, оперевшись локтями о столик. Кривая ухмылка, маленькие глазки с мутным блеском, - Давай-ка знакомиться...

Мата молча подняла взгляд. Парень закашлялся, словно поперхнувшись. Успел чертыхнуться, схватился рукой за горло, будто сдерживая всё новые спазмы. Столик дёрнуло, остывший кофе расплекался.

Девушка встала и вышла, оставив за спиною судорожно кашляющего мужчину.

Небо всё видит

Жил некогда в Совином Углу парень, именем Катху. Отца своего, Отхи, не помнил - чужаки убили того в числе первых при Порабощении.

После этой беды ещё многие годы в Совином Углу мужчины были в редкость, пока дети не подросли; а стариков-то - тех и вовсе по пальцем можно было перечесать: рыбак Татху, вождь Коби, да Миду - говорящий-с-ветром.

Катху вырос юношей крепким, красивым, и не бывало такого, чтобы, уйдя в лес, он вернулся без добычи. Когда вошёл в возраст мужа, женился на красавице Уомэ, родился у них сынишка, а после и дочь. За силу и смекалку охотничью многие уважали его.

Но не был спокоен Катху. Всё хотел за смерть отца отомстить. Как застоявшаяся в ложбине вода чернеет и смердит, так год от года копилась в нём злоба к чужакам, отравляя покой.

Мало в Совином Углу нашлось бы семей, где не оплакивали павших при Порабощении.

Ибо явились чужаки с огнём и грохотом, и были одеты в панцири, которых ни стрелы, ни копыя пробить не могли, и разили они невидимой смертью из чёрных колдовских палок. После же поставили свой лагерь вверх по реке, и завели порядок в летние месяцы забирать половину урожая тайры, не говоря о том, что приглянется при сборе подати.

Многих жёг огонь ярости, но смирились, ведь за каждого убитого

чужака те казнили по десять мужчин, и даже тела казнённых не возвращали семьям. Строго-настрого запретили старики поднимать руку на чужака, дабы не навлечь большей беды на селение, дабы не вымер Совиный Угол.

Покуда их не трогали, чужаки хранили мир. Своим чередом сменялись зимы и лета, раны в душах зарубцевались, дети выросли, селяне свыклись с соседством чужаков, и с податью, и с шумом летящих в небо железных птиц, и с тем, что по весне течение приносит от лагеря чужаков отравленную воду, от которой болеет скот и дети, если станут пить или купаться.

Один Катху не мог простить. Со старшими только и говорил, что об отце своём, да временах до Порабощения, а со сверстниками - ругал и хаял чужаков. А уж когда его сын отравился речной водою, так и вовсе почернел от недобрых дум.

* * *

...а ещё... а ещё, батюшка... в молодости, когда служил на базе Ормон-3, я... ну... гарнизон там совсем маленький был, все свои, вокруг джунгли, в трёх милях деревня туземцев... и... у меня друг был, Коэн...

* * *

Катху подолгу следил за чужаками, когда те выходили из лагеря поохотиться. Крался, как тень, незаметнее воздуха, следопыт он отличный был, делу охотничьему обучил его Уби, дядя по матери. Много узнал, многое подметил, и выносил хитрый замысел.

Но прежде пришёл на совет к Миду - говорящему-с-ветром. Тот был человек мудрый и проницательный, в души глядел, как рыбак на воду.

- Беду хочешь привести к нам? - спросил он юнца, - Разве не знаешь, что за каждого убитого чужаки убивают десять наших?

- Я знаю, как погубить чужака так, что никто не увидит. - ответил Катху.

- Зачем тебе это?

- Они убили наших отцов. Они травят наших детей. Они забирают наш урожай. Разве можно оставить это безнаказанным?

- Хочешь наказывать. - заметил Миду, качая седой головой. - А готов ли сам понести наказание? Ты же ничего не знаешь. Слушаешь глупых старух, да тех, кто застал Порабощение юнцами. А я-то хорошо помню, как оно было.

- Как? - спросил Катху.

- Чужаки сначала пришли к нам с миром. Как гости. Шестеро их было. Много даров принесли. Диковинки показывали. Но вождь тогдашний, Саду, а с ним ещё немало мужей, задумали злое, и ночью перебили всех гостей, всех шестерых, пока те спали, и захватили диковинки их. Был среди этих разбойников и отец твой, Отхи. Учитель мой, Паггин, много отговаривал вождя, дабы не творил тот кровопролития, но тщетно. Говорил Саду: их мало здесь, и они без оружия, ничего нам не будет. И отвечал Паггин: небо всё видит, вождь, не остаётся ни одно злое дело без наказания. Так и вышло: года не прошло, как нагрянули чужаки большим числом, да с оружием, и покарали убийц, и тех, кто одобрял их. И стали мы рабами. И платим подати

с тех пор. Таково наше наказание. Если вынесем его, то получим облегчение в свой срок, не я, не ты, так твои дети увидят это. А если будем множить зло, то и наказание наше горше станет.

В крайнем смятении покинул Катху хижину старого Миду, всё лицо его пылало от гнева. Трусом называл он мудрого старца, и на деле вздумал доказать свою удаль, и жажду ненависти вражьей кровью утолить.

* * *

- ...у туземцев брали пищу и, раз в год, часть урожая тайры, из неё лекарство делают, тайрин, наверное, слышали... чуть ли не всё лечит... в общем, контактировали понемногу. Коэн даже познакомился с одним дикарём по имени Барху... Я хорошо запомнил это имя, единственный туземец, имя которого я знал... от Коэна...

* * *

Барху умел говорить с чужаками, он и подсказал Катху, когда те выйдут на охоту. Так и случилось: пошли двое чужаков в лес, и как только углубились довольно, начал Катху их путать - то шебуршать, то хрюкать по-сапсиному. А те обрадовались, что на сапса попали, мясо-то у него вкусное да жирное... Вот и достали свои диковинные палки с невидимой смертью, принялись обходить Катху с двух сторон.

Он же умело обводил их, то здесь подавая голос, то там, пока не стали они друг против друга, не видя из-за деревьев. Тут же Катху закричал по-сапсиному и громко зашуршал кустами, и выстрелил один из чужаков, и насмерть поразил второго, и много плакал над ним, когда нашёл его мёртвым.

А Катху прокрался мимо и, довольный, вернулся в Совиный Угол. Много же бахвалился перед сверстниками, и те кивали уважительно, и дел никаких не делали, только рассказы Катху слушали, да настойку корня пинны на радостях пили. И всё дивились его ловкости и смекалке, и смеялись, говоря: теперь, наверное, чужаки десятерых из своего числа поубивают; и другие подобные глупости.

Но чужаки всё знали, и пришли перед закатом, были же они все в броне, да с оружием. Взяли десятерых мужчин, среди них и вождя Коби, и Миду - говорящего-с-ветром, и Барху, и многих других. Только Катху не взяли. Он стоял возле хижины и смотрел, как уводят на казнь связанных друзей его, и вождя, и почтенных мужей, и последних старцев.

Обернулся тогда связанный Миду, глянул в глаза убийцы, и не мог Катху вынести того взгляда. И сидел до ночи у себя в хижине, не смея показаться перед овдовевшими женщинами и осиротевшими детьми.

* * *

- ...я не видел его, батюшка, честное слово... сапс зашумел прямо передо мной, я выстрелил в заросли, и... услышал крик Коэна. Когда подбежал, он уже был мёртв... Я убил его, батюшка... но... это ещё не всё...

* * *

А ночью всё село собралось возле дома Катху. И заперли снаружи двери,

и подожгли стены. Когда пламя перекинулось на крышу, Катху и жена его, Уомэ, стали выбрасывать детей из окон, что спаслись хоть они. Но подбирали их селяне и бросали обратно, в дом, мальчика и девочку. Так стояли все и смотрели, пока не смолкли крики, и не обрушился потолок. И оставили на месте том пепелище даже до сего дня в память для всех, одержимых злобою.

И не было с тех пор в Совином Углу ненависти и коварных замыслов, ибо всякий, замышляющий злое, проходя мимо пепелища, вспоминал, что небо всё видит, и ни одно дурное дело не остаётся без наказания.

* * *

...испугался трибунала, и сказал полковнику, что во всём виноват туземец. Барху. Единственный, кого я хоть как-то знал... полковник понимал, что если будет разбирательство и узнают про охоту, ему тоже не поздоровится. Так что поверил про туземцев. И в тот же вечер мы арестовали Барху и ещё девять местных, и отправили их пожизненно на плантацию тайры, что в южной оконечности полуострова. Туда ссылали всех провинившихся туземцев. И с нашего гарнизона, и с Третьего, и с Первого... Но местным мы говорили, что убиваем их. Ну, понимаете, для порядку. Это ещё до нас так придумали, в прежние смены. С дикарями иначе нельзя... Лет за двадцать до нас они перерезали первую экспедицию...

И, вроде бы, всё нормально устроилось. Но с каждым годом всё чаще вспоминается эта история, и снится по ночам, и всё тяжелее на душе. Я убил Коэна. А расплачивались за меня десять ни в чём не повинных туземцев. Сколько жизней поломал... и их семьям тоже... а всё лишь бы не лишиться жалованья, лишь бы не выгнали с позором... но потом всё равно выгнали... за чужую провинность... и жизнь вся наперекосяк пошла... и ничего не в радость... и чернота внутри, с того раза, всё больше... будто пепелище в душе... с каждым годом... я уж и к мозгоправам ходил, только всё это временно... вот, решил к вам... батюшка, сделайте что-нибудь, как у вас принято... чтобы черноты этой не было... пожалуйста...

Пустяки

Утро. Туман. Сыро. Холодно. Тихо. Лишь скрип песка под разбитыми сапогами, да постукивание посоха Кэнтоза. Его сутулая фигура еле проступает впереди. Если не смотреть вниз, кажется, что оказался на дне бескрайнего молочного моря. Или что небо упало, и облака теперь ползают по земле. Где-то впереди в этом облаке кроется замок. Замок, который должен стать твоим. Так сказал Кэнтоз, а старик не из тех, кто сорит словами.

Есть что-то в этом из детства - плыть в августовском тумане, доверяя спутнику как отцу, почти не играя мыслями, наслаждаясь тишиной и густой, матовой белизной.

К спине прирос мешок с пожитками. Пояс с правой стороны привычно оттягивает кистень. Любимое оружие. Он как религия - доступен всем и

каждому, но настоящую пользу принести может лишь тому, кто отнесётся к нему серьёзно и не пожалеет нескольких лет для обретения навыка.

Да, требуется изрядно терпения и усилий, чтобы обуздать эту стремительную мощь, разящую от малейшего движения руки. Но в бою об этом не придётся жалеть. Пусть лучше враг пожалеет о годах, потраченных на фехтование, да о золоте, потраченном на щит и латы.

Один уверенный, точный нажим - и цепочка, растущая из древка, легко огибает щит, обходит любой блок, а шипастая гирька, как чёрная молния врезается в спину врага, круша лопатки и рёбра, перешибая хребет... Хотя ни искусство, ни добротность оружия не сохранят в пекле сражения, если в голову залепит пущенный умелой рукой камень из пращи, грудь пронзит копьё, или обрушится с неба град стрел. Не говоря уж про потоки горячей смолы, что извергаются со стен осаждённых городов, обращая людей в живые, пляшущие факелы...

Ты взмахиваешь головой, стряхивая с глаз спутанные волосы. Вдыхаешь густой, переполненный сыростью и прелым запахом тины воздух. Огонь, крики, кровь, топот, страх, боль, дрожащая земля - всё позади. Больше не для тебя.

* * *

- Карманы проверь. - сказал Володя, как только мы прошли через дыру в белом бетонном заборе. - Ручки, зажигалки, календарики, проездные - всё прячь во внутренние. А то они живо обшарят, потом бегай за ними полчаса, упрашивай вернуть.

Послушно перекладываю мелкие предметы из наружных карманов во внутренние.

- Денег им не давай. - деловито продолжает напарник, пока мы шагаем по направлению к широкому четырёхэтажному зданию. - И вообще ничего не дари, кроме того, что заранее подготовил. Им и не нужно это, на самом-то деле. У детдома хорошие спонсоры. Дети каждое лето отдыхают на море, а каждую зиму ездят за границу. Вон, в Швейцарии были тот раз. Игрушек - завались. На завтраках мандарины дают. А они всё попрошайничают. На самом деле так они внимания просят. Персонального.

Огибаем угол, хлюпая по луже, и я гляжу под ноги, как идёт рябь от наших шагов по низкому октябрьскому небу. Выходим во двор, где на качелях сидят двое тощих подростков. Справа - ступеньки к закрытой деревянной двери.

- Помнишь, что нужно сделать? - тихо переспрашивает Володя, берясь за ручку.

- Да.

- Я покажу тебе его.

Входим в тёмную прихожую с характерным "детским" запахом игрушечной пластмассы.

* * *

Кэнтоз остановился. Пройдя пару шагов, замер и ты, рука привычно

скользнула к тёплому, гладкому древку кистеня, продевая кисть в петлю. Бормотание шагов затихло и в тишине стал различим еле слышный плеск рыбы в реке... или во рву?

- Уже близко. - молвит длиннородый спутник. - Готов?

Готов ли ты? Глаза напряглись, проницая матовую пелену. На мгновение показалось, что впереди чуть заметно темнеет какая-то глыба, но нет - ничего рассмотреть невозможно.

- Туман ведь. - говоришь ты.

- В туман и надо идти. Лучники со стен не разглядят.

- Тогда пойдём.

Снова скрип песка от шагов, да постукивание посоха - но уже тише, осторожнее. Возвращается собранность, строгость ума. Кэнтоз прав: лучше не рисковать с лучниками. Щита нет, только прикрытый плащом колостырь бережёт местами грудь и спину, но не более.

Но вот проступает обрыв, чёрнеет ров, впереди туман рисует странные, смутные очертания...

- Прикажи им опустить мост. - говорит Кэнтоз. - Только громко и уверенно.

Набрав в грудь пропитанного речным запахом воздуха, ты выдыхаешь, надрывая глотку:

- Опустить мост!

Ничего. А нет, какой-то звук перелетел через ров... Чуть погода послышался скрип досок и повизгивание цепей. Чудо - но мост опущен!

Ты настороженно ступаешь на старые, крепкие доски. С каждым шагом всё чётче проглядывает арка ворот и фигуры стражников. Четверо. Ты щуришься, пытаешься разглядеть оружие. Сердце падает: алебарды! Ещё несколько шагов - и становятся различимы налатники и шлемы, бледные усталые лица - видно, утренняя смена ещё не заступила. Тощий юнец, чернородый толстяк, коротышка с рыжими усами, плечистый здоровяк со сломанным носом...

- Их четверо! - шепчешь ты Кэнтозу.

- Вижу. - тихо отвечает он, - Справимся. Прикажи им открыть ворота.

- Открыть ворота!

Левая ладонь сжимает рукоять меча, правая - древко кистеня. Кэнтоз стоит свободно.

Двойной стук в створку. Треск проворачиваемого изнутри колеса. Ворота медленно ползут вверх, открывая непроглядную черноту.

* * *

- Папа Вова, папа Вова!

Не меньше дюжины детишек с радостными криками облепили Володю. Двое устроились на коленях, ещё один залез с ногами на скамейку и ухватился за плечо, кто-то взял за руку, остальные тесно обступили, галдя наперебой.

Глядя на лицо напарника, я изумился. Даже не думал, что эта мрачная,

грубая физиономия может преобразиться такой счастливой улыбкой.

- А как вас зовут? - одна смугленькая девочка подошла ко мне.

- Дима.

- Папа Дима. - она улыбнулась. - А меня - Маша. А кем ты работаешь?

- Метанастройщиком. Вместе с дядей Вовой. Это очень важное дело.

Мы спасаем миры.

По возможности, детям всегда надо говорить правду. Им и так слишком часто врут. Стоит ли удивляться, что потом вырастают люди, напрочь разочарованные в жизни?

- Правда? А как вы их спасаете?

- Когда нас просят, пытаемся перенаправить вероятностные векторы...

Ну, то есть представь, что на краю стола стоит ваза. Если дёрнуть с другого края за скатерть, ваза упадёт на пол, верно?

- И разобьётся!

- Да! Но представь, что под столом стоит свеча, которая вот-вот должна догореть до пола и устроить пожар. И ваза, свалившись на неё, погасила огонь. И пожара не случилось. Здорово?

- Здорово! Папа Дима, а ты мне что-нибудь принёс?

Улыбаюсь:

- Скоро увидишь.

Справа, со скамейки, Володя машет мне рукой:

- Познакомьтесь с дядей Димой. Дядя Дима кое-что приготовил для вас...

Дети разом обернулись ко мне и напарник за их спинами ткнул пальцем, указывая Ильюшу. Худющий белобрысый мальчуган, с большим коричневым солдатиком в руке. Помню биографию. За неполные семь лет этому человечку столько довелось пережить, что никакими морями, швейцариями и мандаринами уже не компенсируешь. Даже по глазам видно. Слишком серьёзные и почти всегда настороженные.

Выхожу на середину холла.

- Я знаю одну классную игру, и сейчас мы в неё сыграем. Для победителей у меня есть призы. - показываю дюжине восхищённых глаз переливающийся всеми цветами кубик, который тут же, сам собой превращается в шарик, а потом - в пирамидку. - Я расскажу правила. Но сначала давайте отложим все игрушки. Так надо.

Дети поворачиваются к Ильюше, и он, озираясь, кладёт на пол солдатика. Собственно, единственный, кто был с игрушкой. Видно, с каким внутренним усилием ему это даётся. Я знаю, что он даже в кровать берёт солдатика. Кажется, это единственное, что у него осталось из прежней, додетдомовской жизни.

- Отлично! А теперь - слушайте внимательно... - ненароком отступаю к окну и детишки подтягиваются ближе. Володя тем временем, осторожно ступая, подходит с той стороны, наклоняется, бесшумно меняет ильюшиного солдатика на точно такого же.

* * *

- Проходите. - говорит усатый, - Вук ждёт вас.

- Мы идём не к вуку. - чеканит Кэнтоз.

Словно звук горна... Рухнуло отточенное лезвие алебарды тощего стражника и ринулось к тебе.

Бросок. Удар. Блеск секиры. Блок. Прыжок влево. Кисть винтом. Шлем на части! Труп у стены. Тень справа. Лезвием в спину. Боль! Разворот. Шаг-вдох. Кисть полукругом. Чёрная молния бьёт в плечо. Крик! Замах ? гирька вниз. Заткнулся. Враг летит на землю.

Всё?

Кровь гулко стучит в висках. Спина ноет от удара, несмотря на спасительный колостырь.

Слева ничком растянулся юнец. У ног конвульсивно дёргается усатый, наполовину без головы. Чуть дальше плечистый стражник неподвижно застыл у стены, свесив голову. Из кровавого месива правой глазницы торчит рукоять ножа. Справа Кэнтоз бьётся своей пикой-посохом с толстым стражником. Бой на копьях - такое нечасто увидишь. Древко алебарды длиннее древка короткой пикой, а два лезвия позволяют не только колоть, но и рубить. Кэнтозу приходится нелегко. Ты идёшь в их сторону, удивляясь про себя резвости своего седобородого друга. Но твоя помощь не нужна: лишь на мгновенье толстяк отвлекается на тебя и тотчас же горло его вспарывает острое лезвие. Хлещет кровь. Всё кончено.

Оглянувшись, Кэнтоз вскрикивает:

- Сзади!

Ты поворачиваешься, но поздно: удар в спину, что-то дёргается внутри и ты с недоумением смотришь на торчащее из твоего живота красное остриё меча. Лезвие проходит обратно, уступая место внезапной муке. Кэнтоз кричит твоё имя и спешит к тебе. Тело вдруг становится таким тяжёлым, ноги подкашиваются мир крутится вокруг, земля бьёт по лицу и всё гаснет...

* * *

Я был уверен, что Ильюша заплачет. Сам бы на его месте точно хлопнул, хоть разок. А он - нет. Только повторял тихо:

- Сломался. Сломался.

Подошёл Володя с озабоченным лицом, присел на колени рядом, обнял мальчугана за плечи:

- Ну ты что, Илюх? Не кисни! В следующее воскресенье принесу тебе точно такого же. Обещаю!

- Правда?

- Разве я когда-нибудь не сдерживал обещания? Конечно принесу. Точь-в-точь. Только не грусти, ладно?

- Хорошо. Спасибо, папа Вова!

- А, пустяки...

Когда выходим на улицу, холодный воздух кажется оглушающе свежим. Обдувает горящее лицо. Вдыхаю полной грудью, а всё равно внутри легче не

становится. Противно скрипят качели под теми же тощими подростками.

Володя на ходу достаёт "планшетник", прокручивает страницы "бегунком".

- Порядок! Отклонился метеорит. Димон, поздравляю!

- Угу.

Поворачиваем за угол. Напарник засовывает мини-компьютер в куртку, достаёт солдата. Настоящего, несломанного.

- В следующий раз верну. - говорит он мне зачем-то. - Надо будет только царапины заделать, чтобы как новый выглядел. А то узнает.

- Ну да.

- Что-то ты какой-то мрачный? Устал? Да, с детьми поначалу трудно. Привыкай! Без них в нашем деле никуда. В девяти случаях из десяти через детей вектора проще всего менять. Откат минимален. Сам видишь, всего один средневековый мужичок. А на другой чаше весов - три миллиарда центавриан! Вот удача, а! Если бы не Ильюша - мы бы точно очередное цунами словили... Димон, чё молчишь?

- Да так... думаю.

Через дыру в белом бетонном заборе выходим во внешний мир. Редкие прохожие. Дорога. Машины. Редяющие кроны деревьев.

Вспоминаю володину улыбку, когда он разговаривал с детьми. Интересно, неужто такое можно подделать?

Псогос Валена

Мерзкий Вален извержен был материнской утробой на планете Коок IV, - месте, неизвестном решительно ничем, кроме непроходимой тупости тамошних обитателей. Мать его, как сказывают, была из тех женщин, что ходят к космопорту, так что, если бы кому вдруг вздумалось поинтересоваться об отце этого злодея, тому пришлось бы, по крайней мере, поднять из местных архивов списки экипажей кораблей, кои в тот год не брезговали посещать это презренное захолустье.

Отроческие годы несчастного прошли в безделье и мелких пакостях. К учёбе он был напрочь негоден, а от лени, да отсутствия родительской порки, соображал столь туго, что даже среди самих коокян считался за глупого. И, чтобы не принял читатель это за басню или пустые слова, присовокуплю и своё свидетельство. Ведь мне выпало несчастье служить переводчиком при Валене, когда тот осквернял своим задом кресло губернатора Хтагии, и я собственноручно слышал, как досточтимый Ханок, преисполнившись ревности, не побоялся спросить тирана, сколько станет два, помноженное на два. Сей же, окаянный, изменился в лице, заметался туда и сюда, вращая глазами, как полоумный, и, не найдя, что ответить на столь невинный вопрос, повелел досточтимого Ханока вытолкать в зашей. И это лишь меньшее из злодеяний, коими опозорил себя нечестивец, попирая нашу священную землю. Но о том поведаем в свой черёд.

По всему видно, что ещё сызмальства был он одержим жаждой человекоубийства. Толкаемый этой лютой страстью, негодяй, едва достигнув совершеннолетия, поступил на службу в Космофлот. Империя изнемогала в те дни от войны с таукитянами, но презренный Вален, трусливый перед лицом противника, не выказал себя способным ни к чему дельному, кроме как пить, ширяться да дерзить командованию. В упомянутых занятиях и протекали все дни его службы.

Лишь однажды, понуждаемый командиром, и не имея возможности открутиться, вышел этот пьяница в рейд. Был же он младшим канониром двухпалубного флаера. Едва радары показали приближение врага, и пилоты стали готовиться к бою, подлый Вален покинул боевой пост, словно чтобы справить нужду. Тотчас же таукитяне поразили флаер резонатором, но, по злосчастному стечению обстоятельств, смертоносный луч пронзил не отхожее место, где скрывался жалкий трус, а рубку с боевыми панелями. Когда же срамник осмелился выползти и увидел бездыханные тела товарищей, то, не в силах вынести такого зрелища, немедленно напился до беспамятства и, рухнув где пришлось, случайно задел гашётки самонаводящихся ракет.

Как говорится, раз в сто лет можно и бриллиант найти в сточной канаве, - так и от падения никчёмного наркомана корабль произвёл залп и полностью поразил крейсер таукитян. Вален же в то время дрых, храпя среди неостывших ещё тел братьев по оружию. Один из эвакуаторов, кому довелось извлекать их из подбитого флаера, свидетельствовал мне в личной беседе, что канонир этот, пока его вытаскивали, не мог ни стоять, ни связать и пары слов, а лишь дышал на всех перегаром, рыгал да сквернословил.

На базу же в то время, как на беду, прибыла журналистка, охочая до дутых сенсаций. Похотливый Вален, намереваясь соблазнить её, едва увидел, стал бахвалиться, выставляя себя героем, и скопом пороча всех прочих обитателей базы. Скорее от скуки, или же от извращения, коими славятся жители галактической столицы, журналистка отдалась Валену, хотя все знают, что он был на редкость уродлив и нестерпимо смердел. Так провела она всю командировку, перемежая скотские совокупления со слушанием вздорных хвастливых басен дерзкого наглеца.

Вернувшись, глупая баба не придумала ничего лучше, как вывернуть на всеобщее обозрение бесстыжий валенов бред. Тут поднялась невообразимая шумиха, какую под силу взбаламутить лишь журналистам да женщинам, результатом чего вышла предосаднейшая ошибка. Порой и совершенным не чуждо заблуждаться, - так и прославленный адмирал Гдек-хоу решил представить Валена к Ордену Доблести, хотя, если разбирать по справедливости, то награды куда достойнее оказались бы сам флайер, или даже выстрелившие ракеты.

Как бы там ни было, указом Галактического Совета непросыхающий от дирты тупица был произведён в лейтенанты и награждён орденом, который он, впрочем, неоднократно впоследствии пропивал или закладывал, играя в

го.

Гонимый боязливостью, Вален спустя некоторое время перевёлся в тыл, на подготовительную базу. Но чему мог он выучить новобранцев, кроме пьянства, матерщины, да игры в го? Отсюда видим, как малая ошибка впоследствии рождает великие. Начавшись с одной награды, дело пришло к тому, что волка поставили пасти овец. Зная отчаянное самодурство сего индивида в его губернаторские годы, мне остаётся лишь оплакивать тех несчастных, кому довелось проходить обучение под началом Валена, ибо злее судьбы и не придумаешь.

Один из тамошних офицеров по неосмотрительности проникся доверием к сему окаянному и лютому волку, быть может, скорбя о попрании самого естества человеческого и льстя себя надеждою через ласковое обращение отвратить безумца от свинообразной его жизни. Тот же, преисполнившись коварства, сделал вид, будто не до конца ещё сгнила душа его, и сдружился с вышепомянутым офицером.

В то время Их Императорское Величество намеревались посетить сию учебную базу, дабы самолично принять присягу нововоспитанных воинов и тем поощрить на подвиги и непостыдное служение. Уведав об этом, злосмрадный Вален заявился к своему названному другу-офицеру и, выказывая притворное беспокойство о безопасности предстоящего визита, сказал: "мы не готовы принять Высочайшего гостя, к нам ходит, кто хочет". Друг же начал его успокаивать, убеждая, что угрозы ниоткуда нет, и что охрана блокирует любую попытку покушения, а для пущей наглядности даже показал на своей панели несколько вариантов неудачных нападений.

Известно, что в дурных людях мало ума, но много коварства, так и дикий Вален, хотя и отличался по жизни запредельной тупостью, всё же умудрился измыслить подлость, тем самым употребив и последние проблески атрофированного интеллекта на зло и предательство. Когда Их Императорское Величество торжественно прибыли на базу, он заревел, как бешеный, требуя аудиенции и объявляя, что офицеры замыслили покушение. И как только люди из Спецконтроля стали допрашивать его, подлец с готовностью оболгал своего единственного за всю жизнь друга, а вместо доказательств кивнул на те самые файлы со схемами покушений, что остались в его персоналке. Ректор училища и глава базы, заслуженный генерал, пытался было оправдать несчастного, но тогда Вален не постыдился и его объявить в числе заговорщиков, ибо всегда отличался неудержимой тягой ко лжи, так что и прежде, переполняясь ею, нередко марал бумагу, называя себя писателем, который будто бы описывает вымышленные миры. Достойное ли дело для боевого офицера и орденосца?

Как бы то ни было, в Спецконтроле поверили клевете Валена, в результате чего генерала-ректора, и ещё некоторых офицеров базы, в том числе несчастного друга, по решению трибунала пустили на донорские органы, а подлинный предатель получил новый орден и был произведён в полковники. Но, сознавая к себе всеобщую ненависть обитателей базы, а

вдобавок и обленившись создавать даже видимость какой-либо работы, Вален вышел в отставку, справедливо полагая, что полковничьего довольствия вполне хватит для его скотоподобной жизни.

Все последующие годы он провёл в беспробудном пьянстве, играх, да разврате, деградируя, ниспадая и погрязая всё глубже во всевозможных пороках. Их Императорское Величество, человеколюбиво думая о подданных лучше, чем они того заслуживают, а также взирая на высокие награды, определили своим Высочайшим указом быть лжеполковнику губернатором нашей благословенной Хтагии.

О несчастный день! О невыносимое испытание! Знала ли вся наша история более проклятое время?

Едва прибыл сюда нечестивец, немедленно начал рычать и злобствовать, повелев запретить мужчинам мыться в общих банях вместе с женщинами, порицал субботние порки в школах, публично подвергал осмеянию праздник всеобщего смещения, бесстыдно изрыгая эти и подобные тому злоумствия и безумства, за которые ему давно бы следовало усечь язык.

Чтобы издеваться над окружающими, Вален регулярно поливал себя вонючей водой, её хранил он в особом пузырьке, который на непристойном своём языке называл "декалоном". Едва завидев кого-либо, проклятый немедленно строил гримасу, вытягивая губы так, чтобы обнажить клыки; и хищным оскалом встречал едва ли не каждого посетителя. Бывало, за самые безобидные вещи наказывал он с беспримерной жестокостью. Помню, как на одном из собраний, продолжительном сверх меры, достопочтенный Когт осмелился пожаловаться на духоту и усталость, на что Вален, оскалившись, повелел ему выйти и встать на ветру. И мне ведь самому пришлось перевести тот ужасный приказ! Смиловившись тиран лишь в среду, послав за достопочтенным. Так старцу пятидесяти лет пришлось выстоять двое суток на скале за одно лишь неосторожное слово!

Кажется, не было ни одного древнего порядка, установленного от времён первой колонии, который не пытался бы этот зверь отменить. Не постыдился посягнуть даже на закон о праве на интеллектуальную собственность, отчего многие гаремы в тот год опустели и сотням женщин пришлось работать. Никто из прежних губернаторов не был помрачён рассудком настолько, чтобы отвергать подарочных детей или отправлять созерцательных роботов на уборку навоза с улиц!

Великое множество и других бесчинств учинил он, дорвавшись до высокого поста, но рука моя не выдержит подробно описывать все дурные дела его, произведённые здесь, да и не много в том нужды, так как все у нас, к несчастью, слишком хорошо о них помнят даже доселе.

Надлежит же поведать здесь о его гнусной кончине. Будучи на выезде в провинции Ситтак, Вален, как обычно, обкурившись дури, вышел в отхожее место, а это оказался общественный нужник. Доски, прогнившие настолько же, сколь и душа мерзавца, не выдержали веса его переполненного пороками тела, и жалкий безумец провалился в нечистоты. От дури же не сообразил

окаанный, куда надобно стремиться, чтобы вылезти, но напротив, стал ползти всё глубже по стоку. По некотором времени охрана, обеспокоившись, осмелилась войти в нужник. Застав там вышеописанную картину, гвардейцы стали звать губернатора, залезшего уже по горло, чтобы он полз обратно к дыре и они бы вытащили его.

Но этот безумец сказал им в ответ лишь одно:

- Я так долго погружался в это дерьмо, что разучился мечтать о месте, где его нет.

С этими словами он шагнул ещё раз и немедленно захлебнулся, достойно скончав своё бесстыдное и позорное прозябание.

Таков конец всех, творящих зло.

Примечание :

Средневековый жанр псогоса требовал от автора исключительного очернительства. Еще в античной школе риторики преподавалось искусство поношения оппонента - по-гречески это называлось "псогос" (хула, поругание).

Рядовой

1.

Мерный гул. Полутёмный салон. До высадки ещё минут пятнадцать. Автоматный ствол холодит колени. Твой взгляд рассеянно скользит по лицам - больше просто нечем заняться. Почти у всех одинаково отрешённый вид - наверное, такой же и у тебя. На левом рукаве краснеет буква "У" - Усмирители.

Сержант. Скуластое лицо стянуто, будто заперто на замок - видать, зачистку предстоящую обмозговывает.

Рядом с ним, у шлюза, долговязый пулемётчик Кларк. Дальше - хмурая незнакомая физиономия - новичок, вместо Иса. Рядом с новичком сидит Пирс - ты считаешь его другом, и он считает тебя другом, но всё же вы не друзья. Вы знакомы пять лет, один раз ты спас его, он тебя - два раза, вы любите посидеть в баре, поговорить, но всё же вы не друзья.

Аккурат напротив тебя - парень с голубыми глазами. Весь в себе. Ты глядишь на него, и откуда-то в душе вдруг всплывает и барахтается чёрными пауками уже знакомое чувство... предчувствие... Миг - и, словно очнувшись, он вскидывает взгляд. Глаза в глаза. Ты улыбаешься и киваешь ему: "всё, дескать, будет хорошо".

Питт устался, как обычно, в потолок, да губами шевелит.

Дальше - Ларсон, ухмыляется чему-то своему.

А за ним угрюмая морда с полуприкрытым левым глазом - Герберт, бывший майор.

Аманд, - улыбчивый рыжеволосый снайпер, слушает оживлённую болтовню Эдмонда-гранатомётчика, тот присел с краю.

Багряная вспышка сигнальной лампы. Пол вздрагивает, сержант с шумом раздвигает шлюз. Высадка. Рядом с тобой грузно встаёт Велвет. Питт, поцеловав крестик, прячет под гимнастёрку. Ты вскакиваешь, хватая автомат. Всё, твоя очередь. Прыжок - бултых обеими ногами в грязную лужу, несколько быстрых шагов вправо, стоп. Застыв на миг, глядишь по сторонам.

Густая, матовая пелена. Обугленные руины, груды обломков, искорёженные автомобили... трупы. Чёрные. Тяжёлый, вкуса гари воздух. То здесь, то там, словно свечи мерцают сквозь туман огоньки - объятые пламенем развалины.

Скрежет шлюза, натужный стрекот за спиной, - вертоплан отрывается от земли. Те, что высадили соседние "Альфу" и "Гамму", уже, небось, в небе.

Сержант на секунду встаёт. Кларк и Аманд заняли позиции. Можно двигаться. Не глядя на тебя, сержант взмахивает рукой, показывая, куда идти. Пригибаясь, ты бежишь до следующего дома, хрустя по грудам битого камня, осколкам стекла, клочкам бумаги, жидкой грязи, пеплу... Сквозь молочную мглу едва проглядывают тёмные окна - за каждым может поджидать снайпер.

Тебя прикрывает Герберт. Фигуры остальных начинают расплываться, теряя очертания. Где-то далеко справа, там, где "Альфа", защёлкали выстрелы. Здесь пока тихо. Под ногами скрипит каменная крошка, чавкает грязь. Большая чёрная птица, завидев тебя, расправила крылья, два взмаха - и скрылась в белой мгле. Туман начинает понемногу рассеиваться. Тишина.

Сержант жестом командует: «стоп!» - надо дождаться Кларка и Аманды.

Слева выстрел. Снайпер! Кто-то падает. Свинцовой дробью со всех сторон огрызаются автоматы. Прыжок - и ты за обломком стены. Плечом в камень. Сзади, из-за пикапа, строчит короткими Герберт. Ты напряжённо слушаешь. Четыре, нет, три точки - окно на втором, груды щебня слева и просвет меж домов. Убойный, с присвистом, грохот пулемёта Кларка.

Выдох - выглядываешь, вскидывая автомат. Три раза на спуск. Три пули в кучу щебня. На третьем выстреле что-то тёмное дёрнулось - голова, - готов! Справа Ларсон, вскочив, кидает гранату в окно на втором. Вспышка, грохот...

Тишина. Пара секунд - перевести дыхание. Все осторожно встают. Сержант поднимает пистолет. Ждёт. Из-за груды щебня выскакивает тень с винтовкой. Выстрел. Тело мятежника сползает по щебню. Всё кончено. «Матов» было только четверо. У вас все целы. Новичку пробили бронезилет.

Через двадцать минут вы уже на площади. Из раскорёженной груды металла торчит треугольник с гербом Империи - сбитый мятежниками бомбардировщик. Трупы, трупы... Над одним из них неподвижно, как статуя, склонился лысый старик.

Справа стоит собор, исчезая куполами в тумане. Совсем не пострадал, только мраморные ступени прорезала трещина.

Один из трупов притягивает взгляд. Девушка лет двадцати, наполовину завалена обвалом. Остывшие глаза, разорванное платье на белой груди, чёрные волосы рассыпаны по земле и перемешаны с пеплом. Правый сапог

наступает на них...

...Надрывный грохот, пальба, всполохи трассирующих. Ты вжимаешься в землю, скрываясь за стенкой песочницы. Это уже полчаса спустя, да на другой улице... Теперь матов много. Крепко сидят, собаки.

Грязное небо над козырьком каски. Изъеденные остовы высоток по краям. Искорёженные кроны табов в клочьях редющего тумана. Слышится уэрбиль - гулкий долбёж с машинным подвыванием, до костей пробирает. Где-то снаружи остался Питт. Скосили первой же очередью, скоты. Возле этой проклятой коробки... детсада, или что здесь было?

Осторожно зыркаешь по сторонам - где там сержант? А, вот. Нашёл. За поваленным табом. Машет кому-то. Ага, - голубоглазому: «голову убери!». Справа высунулись Ларсон и Герберт. Жарят очередями в обе стороны. Чего это? Кларк вскакивает, бежит, в три погибели. Велвет - за ним. Ясно, прикрывают.

Фонтанчики песка взмывают справа от тебя. Дёрнув затвор, привстаёшь и - две короткие очереди по тем, кто между табов. Вдруг - удар в грудь, валишься на спину, переворот и снова к стенке песочницы. Да, не ахти защита.

На груди расплавленная задница пули, - спасибо бронежилету. Боль от удара стихает - спасибо транквилизатору. Вдох-выдох, локтями в землю, выглянул и ещё раз, навскидку, теперь по этим, за обвалившейся стеной. Снова вниз. Все места пристрелены!

Но самое палёное - пулемётчик с уэрбилем на втором этаже детсада. Эх, Эдмонду бы жахнуть, да где тут встанешь под таким градом? Всё строчит и строчит, гад, и с боков добавляют. Дрянь-дело - того и гляди в кольцо возьмут, а то и подкрепление к ним подвалит. Не дай Господь!

Что там сержант? Глядит на тебя, словно ждал. Тычет пальцем, дугу крутит, ясно: "обойди с тыла". Ещё два взмаха в сторону Аманда и новичка: "они прикроют". Понятно. Ты достаёшь из сапога штык, цепляешь к стволу.

Ремень автомата в правую руку - и пополз. Осторожно. Под обстрелом. По холодной земле да шершавым обломкам. Гремят выстрелы, сзади беспорядочно лупит новичок, щёлкает виновка Аманда. Кажется, всего дважды.

Ползёшь вперёд. К детскому домику. За ним - остатки бетонной стены. Там двое или трое матов. Дальше - само здание, пулемётчик на втором...

Что-то мокрое, тряпичное под руку - игрушка, рыжая собачка. Выдох. Перед тобой падают две пули, третья со звоном отлетает от шлема, шлёпаешься оземь, замираешь. Сзади рёв мотора и лязг гусениц - танк матов, хорошо, если один. Пришло-таки подкрепление. Ладно, не твоя забота. Ухает взрыв. Дождь песчинок падает с неба, шуршит по каске, стекает змейками по ладоням. Приподнимаясь, ползёшь дальше. Оглушительный взрыв дёргает землю, как скатерть. Вдох-выдох. Домик уже близко. Рывок - и ты за ним.

Садишься. Привстав на колени, выглядываешь. Два мата спинами к тебе, худой и толстый. Совсем рядом. Третий валяется на боку, вымазан в крови.

Ты вытираешь ладонь о штаны, поднимаешь автомат и, под очередное завывание уэрбиля, - выстрел! Толстяк падает навзничь. Худой поворачивается, и дёргает головой, поймав следующую пулю. Сползает по стенке. Уэрбиль продолжает строчить. Согнувшись, подбегаешь к матам. Толстый уставился стеклянными зенками в небо - готов. У худого вся морда раскровянилась, мозги - на стене. А третий-то, оказывается, жив! Лежит с простреленной грудью и щурится на тебя. Затравленно. Совсем мальчишка. Хрипит что-то:

- Пощады... Пощады...

Штыком, с замахом. Тело вздрагивает, из перерезанного горла со свистом, хлещет кровь, забрызгивая тебе бронежилет. Секунд пять глядишь в мутнеющие глаза. Мёртв.

А дальше, за стеной, груды битого камня. Труп с раскинутыми руками; вместо правого глаза кровавая дыра, - работа Аманда. Переступаешь. Чуть дальше - ещё один, ничком застыл в камнях. Молодец Аманд, освободил проход.

Вот ты и у здания. Угол. Сунулся - и сразу обратно: во дворе седой мятежник. Глянул второй раз, видишь, как он убегает, пригнувшись, за тот угол. Порядок. Три шага - и ты во дворе. Коленом о подоконник, перемахнув, сигаешь через окно внутрь, в полутьму. Под ногами скрежещет битое стекло. Приклад к плечу. Никого. Слава Богу! Выходишь в тёмный коридор. Пусто. По остаткам лестницы взбираешься на второй. И здесь чисто. Крадёшься, заглядывая в двери. Впереди знакомый вой и грохот. Вот он где, голубчик... Третья дверь распахнута. Осторожно, по-кошачьи ступая, заходишь. Пулемётчик, полулёжа, шпарит по тем, кто внизу. Пять шагов до него. Четыре. Три. Два. Один. Штык вонзается в спину. Мат вскинул голову и обмяк. Ползущая по полу лента остановилась. Плоский ребристый ствол уэрбиля взметнулся вверх и замер.

Вдох-выдох. Вытаскиваешь штык из его спины.

Осматриваешься. Потолок, обвалившись, раздавил стол, а вот чёрный фалан уцелел. Перевернутые красные стульчики, игрушечные зверушки. Зелёный узорчатый пол усыпан кусками штукатурки и гильзами. У окна три коробки патронов для уэрбиля. На правой стене рисунок с корявыми коричневыми домами. Слева покосившийся шкаф.

Тыходишь к окну, глядишь вниз. Всё как на ладони. Грамотная точка. В «подкову» вас взять хотели. Метров за пятьдесят коптит «Гусь-семёрка» с вывернутой башней. Танкисты, видно, с тыла хотели вдарить, чтоб кольцо замкнуть. Чуть левее, скорчилась фигурка Питта, рядом Пирс с аптечкой. Ещё левее - голубоглазый парень за камнем. Выстрелов почти не слышно. Осталось только три мятежника. Вот они, справа. Их окружают фигурки в камуфляже - сержант, Герберт, Велвет, Кларк. Сзади подбирается Ларсон. Двое матов один за другим валятся под кинжальным огнём. Остаётся один - седой. Резко вскакивает с пистолетом в руке, тут же падает. Всё кончено. Наступает тишина.

Вдруг шаги из коридора - разворот, прицел на дверь. Голос Аманда:

- Всё нормально, это я.

Ты опускаешь автомат. Зайдя в комнату, Аманд медленно оглядывается, вскидывает брови при виде фалана, и, откинув снайперку за спину, подходит. Элегантно поставив стульчик, садится за фалан, поднимает крышку. Тонкие пальцы опускаются на клавиши, низкие аккорды раздаются в разрушенном здании, сплетаясь в плавную, печальную мелодию.

- Этюд Георга, - комментирует Аманд, не прекращая играть.

Переступив через ноги мёртвого мата, покидаешь комнату, бредёшь по коридору. Музыка становится глуше. Где-то внизу кричит раненый. Странно, что здесь нет ни одного детского трупа. Ведь в комнатах кровати не заправлены - то есть, в ночь бомбардировки они здесь были. Несколько часов назад. Видно, маты увели.

На улице погано. Смоляная вонь, пороховая гарь - воздух с трудом лезет в лёгкие. Привкус пыли на языке. Туман уже рассеялся. Бледное солнце встало над обглоданными рёбрами многоэтажек. Чёрные столпы дыма маячат вдалеке. Под ногами скрипит битый камень.

Эдмонд копошится возле трёх убитых тобой матов. Шарит по карманам у парня с перерезанным горлом.

- Двадцать три, не считая танкистов. - говорит он тебе, жмурясь на солнце. То есть, вроде как считает. Ты киваешь и топаешь дальше.

- База, я «Бета», приём. Квартал прошли. Чисто. Один. Один. Понял, ждём. - доносится сержантский бас.

Где-то справа надрывно стонет раненый. Мат.

- Кларк, добей его! - кричит Эдмонд, - Он меня уже достал.

- Через десять минут сам загнётся. - флегматично отвечает тот, вскинув пулемёт на плечи одной рукой и второй ковыряясь в зубах.

Невдалеке стоят вместе сержант, Ларсон, новичок и Велвет. Ты двигаешь к ним.

- Я, по-твоему, ещё целых десять минут должен слушать, как он орёт?

- Сам добей.

Подходишь. Они стоят вокруг глыбы. К ней прислонился голубоглазый парень. Пуля попала ему чуть выше правой брови, камень потемнел от крови, та всё ещё сочится из дырки. Сержант и Ларсон решают, кто понесёт. Новичок молчит. Здоровяк Велвет курит.

- Что с Питтом? - спрашиваешь ты.

- «Четырнадцатый». - отвечает, хмуро покосившись, сержант.

Ты идёшь дальше. Киваешь Герберту, тот сидит на стенке песочницы и, насвистывая, вставляет патроны в обойму. Глаз мозолит бессмысленная татуировка «DX773» на правом запястье. Так и не разобрались ребята, к чему она. Может, столько народу Герберт положил, когда из его майоров турнули?

Ладно, пусть его. Ты сворачиваешь к табовой аллее. Надо быть начеку - где-то здесь ещё могут сидеть снайперы. Два глухих выстрела сзади, - и раненый замолкает.

Несколько табов повалены, в двух местах зияют воронки, но в целом аллея сохранилась неплохо. Вряд ли вы продолжите обход. В этом секторе матов, судя по всему, больше нет. Кстати, уже давно ничего не слышно справа и слева. Значит, "Альфа" и "Гамма" тоже свою задачу выполнили, либо... они уничтожены, но это вряд ли. А что сейчас в дальних кварталах, где другие группы, и вовсе не угадать.

Через час сюда придут легионеры. Зарегистрируют выживших горожан, арестуют матов-одиночек, да прежнюю администрацию. Население запрягут на расчистку улиц, а сами займутся грабежом да местными бабами.

Солнце, проглядывая сквозь листву, бьёт в глаза. Ты наклоняешься, взгляд упирается в маленький след ботиночка. След в пепле - значит, оставлен во время бомбардировки, не раньше. Ты смотришь по направлению. Меж двух рухнувших плит глубокая трещина с чернотой подземелья. Обратных следов нет, - значит... Ты быстро наступаешь на следик и воровато оглядываешься - не видел ли кто...

Видел. Сзади стоит Пирс. Удивлённо глядит на тебя. Молча проходит мимо и, став у трещины, оглядывается.

- Пирс, - слова нехотя слетают с потрескавшихся губ, - там только дети...

- Может, дети... - растягивая слова, словно издеваясь, отвечает Пирс, - а может и не только дети...

Щелчок затвора - он переводит автомат на «очередь».

- Слушай, мы своё дело сделали, пускай с этим легионеры разбираются.

- Сделали? Сделали, говоришь?

Грохот очереди. Ствол подрагивает, изрыгая огонь в черноту расщелины. Приглушённый крик... Или показалось? Откуда-то вдруг слабость в ногах да шум в голове...

- Вот! - кричит Пирс.

Рвёт с груди гранату, кидает внутрь. Отпрыгиваешь - инстинктивно. Глухой удар, из расщелины вырывается пламя.

- Вот теперь, - выдыхает Пирс, - сделали!

Глядит на тебя воспалённым взглядом. Шатается и тяжело дышит. Отворачивается.

- Ты просто псих, Пирс. - медленно и злобно проговариваешь ты, - Тебе лечиться надо.

Он не отвечает. Затем, резко зашагав, уходит. Ты остаёшься.

Края трещины осыпались. Еле заметный дымок выходит наружу. Глубокая, объёмная чернота расщелины гипнотизирует. «Надо подойти» - пульсирует на виске вена. Шаг... Дыхание сбивается. Дёргается кадык. Надо подойти. Чернота расщелины...

Ты разворачиваешься и идёшь обратно. Апатия разползается по телу.

Вертоплан уже приземлился. Огромные лопасти молотят воздух. Велвет и Ларсон несут Питта на носилках. Сержант жестом приказывает вам с новичком отнести труп голубоглазого парня. Новичок стоит перед ним, с отрешённым видом оперевшись на носилки. Автомат сполз до локтя.

Неожиданно вскипает злость. Хочется ударить его.

- Чего стоишь, дурак? - кричишь ты, - За ноги бери!

Новичок вздрагивает и медленно нагибается. Вы переваливаете труп на носилки, поднимаете. Ты идёшь впереди, приближаясь к вертоплану...

2.

Полутёмная гарнизонная церковь. Отпевание. Яркие косые лучи из узких окон полосами высвечивают стоящие в ряд гробы. Десять. Четыре погибших у "Гаммы", два у "Альфы", один у вас (голубоглазый парень), и три легионера.

Небольшой солдатский хор затягивает ирмосы покаянного канона. Отец Евлогий взмахивает кадиллом. Тебе нравится отпевание. Красивая служба.

"Упокой, Господи, души усопших раб Твоих" - поёт отец Евлогий. Солдаты крестятся. "Упокой, Господи, души усопших раб Твоих" - вторит хор. "Слава Отцу и Сыну и Святому Духу" - возглашает священник. Ты механически крестишься. "И ныне и присно и во веки веков. Аминь" - поёт хор. Ты кланяешься.

Заупокойная ектеня.

Отец Евлогий произносит имена погибших, читая по бумажке. Шёпотом про себя ты произносишь имена матери, отца, брата, Иса, Агта и других. Жаль, запомнил имя голубоглазого... Интересно, как ему сейчас там? Когда-нибудь и ты будешь лежать вот так посреди церкви, и твоё имя отец Евлогий прочитает по бумажке. Или отец Пётр. Но лучше бы отец Евлогий.

Батюшка возглашает вечную память. Не удержившись, тоже начинаешь петь: "Ве-чна-я па-а-мя-а-ать...". Поют все, даже Пирс - рваным тенором за твоей спиной. Слева басит, не попадая в ноты, Герберт. "Души их во благих водворя-а-а-а-т-ся, и память их в ро-о-од и род".

Служба кончилась. Как быстро! Отец Евлогий вешает кадило на подсвечник и выходит «сказать слово», миряне обступают его. У отца Евлогия проповеди короткие и яркие, а у отца Петра наоборот, длинные и нудные. Ты вслушиваешься в слабый голос отца Евлогия, и одобрительно киваешь - ни слова о войне. Отец Евлогий понимает.

Последние слова проповеди. Священник кланяется мирянам. Ты вместе со всеми кланяешься ему в ответ. Все начинают расходиться. Кто-то из легионеров подходит к отцу Евлогию, спрашивает о чём-то.

Ты направляешься к выходу и по привычке задерживаешься у небольшого лотка. Ты всегда возле него останавливаешься, хотя ни разу ещё ничего, кроме свечек, не покупал. Не зная, зачем, скользишь взглядом по давно известным названиям брошюрок: "Иже во святых отца нашего Феофора Марсианского слова поучительные"; "Ганимедский патерик"; "Молитвослов"... Дальше лежат свечи - за одну, три и пять кредиток. Две иконки - Богородицы и Иоанна Воина, крестики, ценою в 7, 20 и 35 кредиток. За 35 хороший крест. Большой. Ты бы купил его, но больно дорог. Стой он хотя бы 25, ещё можно было бы подумать. Но крест действительно хорош.

Кивнув храмовому дежурному Марку, ты крестишься и выходишь из

церкви. На ступеньках ждут Пирс, Аманд, Кларк и Ларсон. Зовут в бар, помянуть Виктора (так, оказывается, звали голубоглазого). С вами увязывается ещё какой-то усатый хлыщ из "Альфы". Знакомый Ларсона.

Бар рядом - прямо через дорогу. Место светлое, злачное, и в это время дня относительно спокойное. Зайдя, вы сдвигаете два розовых столика, - на всю компанию. Пирс делает заказ. Ты, как обычно, садишься боком к окну. Классные здесь окна, в баре - чуть ли не во всю стену. Справа видна церковь, слева - казармы, чуть дальше - космодром, а ещё дальше - стена гарнизона с двумя сторожевыми башнями.

Приносят коробку конфет, стаканы и пять бутылок шилы.

- Мы заказывали четыре. - отмечает Пирс.

- Пятая в счёт заведения. - говорит бармен Вен, отставной солдат, - Вы, говорят, неплохо сегодня потрудились.

- Спасибо, Вен.

- Угощайтесь.

И бармен, хромя и почёсывая пузо, отходит к стойке. Щёлкает пробка. Ты равнодушно наблюдаешь, как Аманд разливает по стаканам знакомую прозрачно-золотистую жидкость. Все садятся. Остаётся стоять только Пирс. Он начинает:

- Мы знали Виктора немного. Это был лишь третий его бой с нами. Никто из нас не успел сойтись с ним достаточно близко...

Ты смотришь на свою левую руку. Указательный и средний пальцы без ногтей. Уже два года как - так уж допрашивали маты на Гадане-17. Угораздило же попасть в плен. С тех же пор и все зубы у тебя стальные...

- ...Виктор, как и все мы, пошёл на фронт, защищая интересы Родины и, отдал ради неё самое дорогое, что может отдать человек...

Ты вспоминаешь дёргающийся ствол автомата Пирса, плюющий огнём в черноту расщелины. Ствол, так похожий на твой... Тот проклятый рейд на юге Ктака, та деревня...

Пламя гудело и трещало, впиваясь в бревенчатые дома. Даже отсюда жара была страшная. Лейтенант вытер лоб, повернулся к тебе, приказал:

- Рядовой - расстрелять.

- Кого? - не понял ты.

Лейтенант махнул в сторону крестьян и отвернулся. Ты растерянно сделал несколько шагов к ним и замер. Просто так пустить в расход 43 «мирных»... Такого тебе ещё не доводилось делать. Ты смотрел на них. Они на тебя. Женщины и старики молчали. Некоторые дети плакали. Позади полыхало здание сельуправы. Что поделать...

Ты поднял автомат. Они молчали. Откуда-то издалека донеслась очередь. Люди вдруг стали падать, взмахивать руками, лица уродовали гримасы. Лишь секунду спустя «дошло»: стреляешь-то ты. Но палец крючка не отжал. Безразличие вдруг охватило, будто и не ты это, а только смотришь. Белобрысый мальчишка, лет десяти, вырвался и дал дёру по горячей улице. Ты развернулся, взметнул ствол и выстрелил. Второго выстрела не

понадобилось.

Груда человеческих тел. Маленькие красные ручейки стекаются в тёмные лужи. Отсветы пламени...

Губы Пирса шевелятся. Глаза холодны и неподвижны, как у мертвеца.

- ...он нормально сражался. Погиб в бою. Это честная смерть, и она не пройдёт даром.

Ты смотришь на стаканы с жидкостью цвета пулемётных гильз и с нетерпением ждёшь, когда Пирс закончит.

- ...мы отомстим. Мы победим. За Виктора! Помянем!

Все вскакивают и хватают стаканы. Шила обжигает горло и разливается в желудке приятным теплом. На мгновение перехватывает дыхание. Ты берёшь с тарелки красную конфету и отправляешь её в рот. Садись. Аманд тут же разливает всем по-новой. Пирс хватается за стакан и даёт следующий тост:

- За Питта! Чтоб скорее поправился и вернулся в наши ряды!

За Питта пьют охотнее. Питта все знают. Питт хороший парень. *Pittus religiosus*, как его в шутку называет Ларсон. Да... Надо будет навестить его в лазарете. Заодно и Елену проведаешь.

Тепло от шилы растекается по телу. Чувства чуточку притупляются, голова слегка тяжелеет, мысли текут медленнее, спокойнее. Ты вытягиваешь ноги и смотришь в окно. За окном проходит колонна военнопленных из городка, где вы были утром. Длинная. На ступеньки храма выходит отец Евлогий в одном подряснике. Смотрит на них. Скоро их посадят в транспортники и отправят в концлагерь... Холодно отцу Евлогию, наверно, в подряснике... Ветрено сегодня...

Один мятежник неожиданно машет рукой священнику. Отец Евлогий благословляет его. Из храма выбегает отец Пётр. Что-то кричит отцу Евлогию, машет руками. Отец Евлогий молча кивает. Отец Пётр возвращается в храм. Отец Евлогий идёт за ним, но затем разворачивается и вдруг чётко и размашисто благословляет всех пленных и конвоиров разом. Некоторые кланяются в ответ. Отец Евлогий исчезает за дверью храма. Ты слышишь, как выругался Пирс. Он, оказывается, тоже наблюдает за этой сценой.

- Да ладно, пускай, - возражает Ларсон, - Тоже ведь люди.

Если бы вы сегодня прибыли в город хотя бы на пятнадцать минут позже, треть этих военнопленных успела бы вооружиться и собраться в группы сопротивления. И тот, кто махнул рукой, прося благословения, быть может, шмальнул бы тебя, когда ты полз к зданию. Но время, как всегда, выбрано точно. И это хорошо. Жаль только, дети не успели лучше спрятаться.

Интересно, что они там делали ночью? Видать, то был не простой детсад, а интернат для сирот. Таких теперь много. Трупов в здании не было. Кто-то успел предупредить персонал интерната. Незадолго до удара. Скрываться им пришлось уже во время бомбёжки, спрятались-то в разрушенном корпусе. То есть, как только вышли из здания, оно и

взорвалось. От испуга часть детей разбежались по табовой аллее. Воспитатели не стали искать впотьмах, отвели, кого могли, в укрытие. А там уж, видно, криком, звали потерявшихся. Последним пришёл тот мальчик, что оставил след в пепле...

Волны досады захлёстывают тебя. Пирс, чтоб его, зря он это сделал! Чего ради было убивать детей?! "Может, и не только дети!" Кто ж ещё? Будь там маты, они б выползли во время боя. Ну зачем, зачем? Легионеры переписали б этих детей и отправили в другие интернаты. Может, даже здесь оставили бы...

- Ну что, Пирс! - окликает Ларсон, - Гони третий тост!

Пирс встаёт.

- Давайте выпьем за то, - проникновенно говорит он, - чтобы эта война поскорее закончилась, и мы все вернулись домой.

Ты допиваешь свой стакан и злобно выдыхаешь воздух. Снова поворачиваешься к окну, бесцельно смотришь. Колонна уже прошла. Дорога пуста. Нет, вот взял и убил! Просто так! Ты вспоминаешь следик в пепле и гадаешь, сколько лет было тому пацану. Где-то восемь-десять.

Это ты виноват - если б не торчал так долго над следом, а потом не топтал столь картинно, да ещё не оглядывался бы по-дурачки, - Пирс бы его и не заметил.

Нет, ты здесь ни при чём: ты же говорил ему, что не надо, он не послушался, что ещё ты мог сделать? Ты не виноват. По дороге проезжают два танка. Нет, ты не виноват.

Невольно вспоминается девушка на городской площади. Тонкие черты лица, застывший взгляд... Мертва! Безразличие пожирает тебя, убивает тобой...

Нет, всё не так. У тебя самого погибла вся семья. Мать, отец, сорванец Дони. Что ты теперь можешь сделать? От тебя ничего не зависит. Таков мир. Надо реально смотреть на вещи.

Ты делаешь глубокий вдох и вслушиваешься в болтовню парня из "Альфы", чтоб избавиться от мыслей.

- ...ну а Гат, вы ведь знаете Гата, это наш гранатомётчик, так вот, жахнул прямо по несущей, дом обрушился и похоронил под собой с половину матов.

- Ловко. - замечает Ларсон, - А нам вот сегодня матов пришлось выкуривать из детсада.

- Да? - смеётся усач-"альфовец", - Ну и как?

- Нормально.

- Кому же дети помогали? Вам, или матам?

- Никому. Детей не было. - размеренно произносит Пирс.

Ты поражён. Не веришь своим ушам.

Хотя нет, чему тут удивляться - убил по прихоти, а теперь скрыть пытается. Конечно, ведь за это орден не дадут, и за бутылкой шилы не похвалят. "Вот теперь сделали!" Нет, не работу он выполнял, иначе б не отнекивался сейчас. А - просто так. Со злобы своей. И тебе надо было не

рассусоливать с ним, а чётко сказать: "У нас нет приказа уничтожать «мирных». Хочешь - поди к сержанту, он тебе то же самое скажет. А если попробуешь пальнуть, накатаю на тебя рапорт, и загремишь под трибунал, как Герберт". Вот тогда бы хрен он что сделал.

А впрочем, что ты себя этим мучишь? Может, действительно, не было там никаких детей. Ну, оставил парень следик, да и ушёл потом куда-нибудь... А приглушённый крик почудился. Нервное. А на самом деле не было никакого крика. Если б ты подошёл всё же к расщелине, то убедился бы в этом. Пирс просто хотел тебя разыграть... Ты успокаиваешься и смотришь в окно.

Открывается дверь храма, выходит отец Евлогий в стареньком поношенном плаще. Крестится на надвратную икону. Кланяется. Поворачивается спиной к храму и медленно спускается по серым ступенькам. Неторопливо бредёт обычной своей шаркающей походкой. Нет. Всё-таки они там были. Пирс бы просто так гранату не бросил. И этот его взгляд - такого не бывает, когда палишь по камням. Они там были. Слышали ваш разговор, молились, наверное, про себя... Эх, надо было тебе убедить Пирса по-другому...

Господи помилуй!! Ты мотаешь головой, отбрасывая мысли. До чего ты дошёл, с ума сойти! Друга, который не раз спасал тебе жизнь, ты уже жалеешь, что не убил! И из-за кого? Из-за каких-то матовских вырожденков! Что он, в конце концов, такого сделал? Ну да, ошибся, нашло вдруг - ну, и не сдержался, бывает. И что? Нет человека, который жил бы, да не согрешил. Один Бог без греха. Неприятно, конечно. Но он ведь и сам уже раскаялся. Оттого и сейчас разговор замаял. И эта девка - почему тебе её жалко? Может, она шлюхой была. Может, работала на мятеж. И мальчишка этот тоже, быть может, останься в живых, маньяком стал бы. Умерли они сегодня - значит, должны были умереть. И всё. Хватит думать.

Ты оглядываешься по сторонам. Бар почти пуст. Возле стойки торчат два легионера, время от времени недовольно поглядывающие на вас. Легионеры вас недолюбливают. Из-за привилегий: что живёте вы не в казармах, как все, а в двухместных комнатах, что паёк у вас больше, что зарплата выше... Дураки, одним словом. У двери за столиком сидят трое пилотов в жёлто-серой форме. Время от времени гогочут, но в общем ведут себя тихо. В самом дальнем углу бара сидит какой-то хлыщ в штатском и молча пьёт дайн. Уже с час где-то так сидит. А больше в баре кроме вас и старика Вена никого. Все участвуют в операции на другом полушарии.

У вас за столом как обычно. Кларк молчит. Он всегда молчит, редко что-нибудь скажет, всё только слушает. На том конце стола Пирс, Ларсон и парень из "Альфы" лениво спорят о какой-то ерунде. Тебе тоже хочется поговорить. Придумываешь, о чём бы спросить Аманда. Вспоминаешь:

- Я и не знал, что ты умеешь играть на фалане.

- Умею. Семь классов музыкалки.

Вы молчите. Аманд говорит:

- А ты верно снял пулемётчика. Вовремя. Если б не ты, он бы нас всех зажарил. Даже меня задело, - показывает пальцем на правое плечо, - пуля прошла бронежилет как бумагу. Уэрбиль - страшная штука.

- А что не покажешься медикам?

Аманд небрежно взмахивает рукой:

- Не люблю помощников смерти. Да и рана-то плёвая. Сама заживёт.

Вдруг Ларсон кивает тебе:

- С тебя тост, дружище!

Все оживляются. Ты тяжело поднимаешься:

- Давайте выпьем за то, чтобы этот тост не был последним.

Ребята смеются и опорожняют стаканы.

- Эй-эй-эй, что я вижу! - неприятно знакомый низкий голос от дверей бара. К вам направляются Герберт и Эдмонд.

- Гуляете, а старых боевых товарищей совсем забыли!

- Мы искали вас, да не нашли. - спокойно врёт Ларсон.

Вы двигаетесь, Герберт и Эдмонд берут стулья и подсаживаются. Они и стаканы принесли, и Аманд наполняет их шилой. А тебе уже хорошо. Тяжесть сковывает члены, голова соображает туго, мысли чинно выстраиваются в ряд и медленно шествуют, как на параде, слева направо. Вот проходит знаменосец - мысль о том, что жизнь хороша. За ним идут два трубача - пара мыслей о том, что неплохо было бы ещё стаканчик пропустить. Следом вышагивает сержант с саблей - мысль о том, что завтра с утра опять на задание. После же маршируют по трое в ряд различные мысли о том, что Герберт дурак, что ты ещё не отчистил бронежилет, что давно уже не заглядывал Елене под юбку, что крест за 35 кредиток хорош, что твой правый локоть стоит в лужице шилы... Особняком шагает мысль-цифра 43. Ты усмехаешься и качаешь головой, "не-ет, проходи, знаю я тебя, я о тебе думать не буду, иди, давай, проваливай". Затем вдруг почему-то мысли останавливаются, и начинают спорить друг с другом, сержант орёт страшным голосом и размахивает саблей, трубачи трубят, всё мешается...

Ты вздыхаешь и обводишь взглядом бар. Возле стойки по-прежнему стоят, как вкопанные, два легионера. Трое пилотов у двери все также о чем-то болтают. Хлыщ в штатском перестал пить и откинулся на стуле, уставившись на тёмную бутылку даина. Вен как обычно стоит за стойкой.

Ты смотришь в окно. Бледное солнце клонится к горизонту. Скоро закат. По дороге шагает рота легионеров. Навстречу катит офицерский "Кан»охрт". И тут в голове возникает резкая, как выстрел, мысль: неважно, кем бы они стали или не стали, неважно, что они всё равно бы рано или поздно умерли, важно лишь то, что они не должны были умирать сегодня, сейчас, такими, какие они есть, вернее, были. И нечего сваливать с себя вину: это не мир такой, это вы его таким сделали. Это ты его таким сделал. Сегодня, завтра, вчера... А значит, Пирс здесь ни при чём. Это ты их убил. Ты их предал. И ничего не поделать с этой тоской. Ты смотришь и завидуешь Аманду, Ларсону, Кларку, которые знать ничего не знают про этих детей, живут, и

могут не думать об этом.

Какого же, собственно, тебя это мучает, а их нет? Они что, лучше, что ли? Вот Герберт 800 человек в расход пустил и сидит себе шилу спокойненько хлещет. Ты хоть на Ктаке приказ выполнял, а Пирс сегодня сам разорвал на куски десятка с два детей - и ничего. Ис-покойничек, тот ведь вообще зверем был - и ни даже малейших шевелений совести. А Эдмонд, насильник и мародёр, ещё делает вид, будто самый чистый! Почему же ты не можешь спокойно сидеть как они? Верно это всё от книг. Надо было меньше читать. Мерзкие пучки измаранной бумаги, чтоб они все сгорели!!!

- Это Пирс убил детей? - вдруг тихо спрашивает, поднеся руку к лицу, Аманд.

- Что? - ты аж подскакиваешь на месте.

- В здании никого не было, но видно было, что покинули его перед ударом. Значит, далеко уйти не могли. После боя ты и Пирс пошли в аллею, там потом рвануло. Вернулись вы порознь. На тебе лица не было. Будь это маты, ты б не нервничал. Но ты-то вряд ли бы сделал без приказа. Значит, Пирс?

Аманд берёт стакан с остатками шилы и допивает.

- Кто ещё знает? - тихо спрашиваешь ты.

Аманд медленно поворачивается к тебе, ваши взгляды встречаются:

- Все.

Ты усмехаешься и качаешь головой. Тягучая мутная волна опьянения возвращается. На душе вдруг почему-то становится муторно и скверно, будто кто-то плюнул.

- Ох, друзья мои, - говорит Герберт, опустошив стакан, - что-то вы прям будто гнушаетесь мной - за год ни разу не пригласили на выпивку.

- Да нет, что ты, Герберт... - вяло начинает Ларсон.

- А это потому, Герберт, - перебивая Ларсона, неожиданно отвечаешь ты, - что ты скотина. Мерзкая, подлая скотина.

- Почему же это я - мерзкая подлая скотина? - помолчав, добродушно спрашивает Герберт. Пирс и Ларсон делают тебе знаки прекратить разговор. Но тебе наплевать.

- Потому, Герберт, - медленно, словно передразнивая его, отвечаешь ты, - что ты не свой, не наш. Вот сейчас ты сидишь с нами, трепешься, шилу пьёшь, а завтра прикажут тебе нас расстрелять, и расстреляешь - без капли жалости. Не так ли?

- Так. - отвечает, смеясь, Герберт.

Недобро он как-то смеётся. Сам вроде скалится, а глаза холодные, злые. Но тебе плевать. Смеясь (отчего-то становится вдруг очень смешно), ты продолжаешь:

- Да тебе, Герберт, если прикажут, ты, поди, и себя прикончишь, а? Без капли жалости?

- Всяко может быть.

Только вы с Гербертом улыбаетесь, остальным не до смеха - ишь как

зыркают, напряглись...

- Ребята, давайте-ка лучше выпьем. - говорит Пирс, поднося бутылку к стакану Герберта, но тот останавливает её рукой и наклоняется в твою сторону. Ты замечаешь, как Пирс взглядом делает знак Кларку, чтобы они с Эдмондом сдерживали Герберта, когда начнётся драка. Кларк еле заметно кивает. Тебя, видимо, Пирс и Аманд возьмут на себя. Ты усмехаешься - дураки.

- Правду ты сказал, друг мой. Однако ответь-ка мне, - Герберт называет тебя по имени, - а ты меня, если прикажут, разве непустишь в расход-то?

- Пущу. - ехидно ухмыляешься ты.

- Тогда и ты, получается, скотина?

- Нет, я - человек. Потому что мне тебя будет жалко.

- Да неужели? - теперь смеётся Герберт.

- Да-да. - заверяешь ты.

- А что мне с этой жалости твоей, а?

- Не знаю.

Ты смотришь в окно. Солнце уже опустилось за горизонт. Последние лучи высвечивают маленький золотой куполок церкви. От серого заката осталась лишь узенькая полоска вдалеке. Сумерки спустились на гарнизон.

- Не знаю, - повторяешь ты, - но пока хоть капля жалости есть во мне - я человек.

Герберт вздыхает:

- Чисто проповедник... Ну а сегодня, скажем, пулемётчика-мата тебе жаль было? Только честно.

- Нет.

- А Виктора нашего, а? Только честно.

- Нет.

- Ха! Так кого ж тебе жаль?

Ты молчишь.

- Детей жаль. - Краем глаза ты видишь, как Пирс хмурится и бросает на тебя короткий взгляд исподлобья и все за столом вроде как напряглись.

- Каких детей? - не понимает Герберт.

- Да ему несколько лет кучу «мирников» пришлось порешить на усмирении. - скороговоркой выговаривает Эдмонд. Мерзавец. Откуда он это знает? Ах да, ты ведь сам когда-то навеселе орал об этом на весь бар. Досада.

Кларк наливает себе в стакан шилу. Парень из "Альфы" зевает и чешет затылок. Ларсон равнодушно смотрит в окно. Пирс не сводит с тебя тяжёлого взгляда.

- А, не жалею! - Герберт улыбается, - Я вот восемьсот штук порешил, и не жалею! Они враги. Все враги, и нет ни детей, ни женщин, ни стариков. Настоящий воин всегда прав. Запомни это, и расслабь голову. Знаешь, когда я ещё майором ходил, нам как-то попался один мат-снайпер. На прикладе его винтовки было 17 зарубок - очень даже неплохо. Угадай-ка, сколько ему было лет? Ни за что не догадаешься. Десять. Тихий такой, грязный

мальчонка, таскался всюду со школьным рюкзаком - кому какое до него дело. А в рюкзаке-то - разобранная снайперка и два рожка патрон. - Герберт наклоняется и, глядя тебе в глаза, чеканит: - Я его собственноручно удушил. - немного молчит, - Если хочешь победить - забудь о жалости.

Молчание за столом.

- Понимаешь, - Герберт называет тебя по имени и наклоняется ещё ближе, так видно даже, как подрагивает его левое веко, - у человека должна быть устойчивая система координат. Тогда его жизнь будет осмысленна. И не только жизнь, но и смерть - если он, исходя из этой системы, примет её. А ежели таковой системы у человека нет, то он долго, во всяком случае, здесь, не протянет. Не знаю, кто так устроил, но у человека всё должно быть осмысленно - только в этом случае он останется человеком, а не из-за какой-то телячьей жалости.

Герберт берёт бутылку и наливает в стакан шилу. Смотрит на тебя и говорит:

- А про остальное - забудем.

- Забудем. - соглашаешься ты. Герберт опрокидывает в себя стакан.

- Что-ты загибаешь. - неожиданно говорит молчаливый Кларк, - В десять лет он и поднять-то винтовку вряд ли смог бы, не то что стрелять из неё.

- Она была вполнину легче обычной и немного меньше. На заказ сделана. Но работала ничуть не хуже стандартной. Впрочем, если хотите, могу вам ещё кое-что рассказать.

- Да, давай Герберт, - просит Пирс, и Эдмонд добавляет: - Про татуировку расскажи.

- А, про наколку-то? Ладно.

Герберт откидывается, достаёт именной портсигар, вытаскивает сигарету, закуривает, кряхтит, готовясь к рассказу. Начинает:

- Давно дело было, в самом начале Мятежа. Вы-то все тогда ещё со школьными рюкзаками таскались. А я уже лейтенантом ходил. Необстрелянный, конечно, только из Академии. Сюда же, кстати, меня направили, в смысле, в этот сектор галактики. Тогда матовская заваруха только начиналась. Да, времечко то ещё... Линия фронта гуляет, как вздумается, какие планеты верны, какие восстали - толком неясно. Служить мне довелось на патрульном крейсере "Звезда". Команды всего-то 20 человек. Капитан был толковый - Рон Даз, Царствие ему Небесное.

Герберт ненадолго замолкает, покачивая головой. Ты замечаешь, что у глаз его появляется новое, глубокое выражение. Затянувшись, он продолжает:

- Офицера на "Звезде" было выше крыши, как и везде в космофлоте. Майор Орфер, майор Керкес, да ещё два лейтенанта кроме меня. Биологом на крейсере служила Анна Катар. Молоденькая такая. Каштановые волосы, зелёные глаза, тонкие черты лица... Знаете, такая англо-саксонская красота, как в древних фильмах, если вы видели... А ну брось лыбиться, Эдмонд. Не было у нас с ней ничего. К сожалению...

"Надо же", - удивляешься ты, - "Герберт когда-то любил! Совсем как живой".

- С майором Керкесом романы она крутила. А я, чем пуще сох по ней, тем крепче зуб на него точил. Глупо, конечно, а что сделаешь - молодость. Впрочем, довольно об этом.

И вот, значит, такая приключилась история: напоролись мы как-то аж на четыре матовских штурмовика зараз. Бой был - не приведи Господи, насилиу отбились. Старик Дазу спасибо. Но потрепали нас конкретно. «Переходник», навигация, тормоза, связь - всё полетело. Корабль тупо нёсся в пространстве, как консервная банка. Даз решил, пока не поздно, свернуть к ближайшей звезде, да сесть на какую-нибудь планетку, как получится. А что делать?

Ближайшей звездой оказалась DX773. - Герберт вдруг запнулся, и перешёл на скороговорку: - У неё было три планеты, одна кислородная. И мы, в общем, сели, починились, потом на базу вернулись, получили ордена. А я вот на память наколку себе сделал - молодость, понимаете ли. Вот и весь секрет.

Он замолчал.

- Эй, Герберт, хорош издеваться. - внушительно выговаривает Аманд, - Нормально расскажи, что там было.

- Да, как там с этой цыпочкой... англо-саксонской? - поддакивает Эдмонд.

Герберт усмехается, прикрывая глаза рукой с синим номером.

- Ладно. Решили садиться на второй от DX773 планете. Мы все разместились на двух спасательных ботах и отделились на орбите. Капитан Даз остался на "Звезде", надеялся посадить по атмосфере без тормозов.

У ботов шансов было побольше. Я оказался в первом, вместе с Керкесом, Анной, доктором Нуном, техником Ахо и пятью солдатами. С посадкой нам не повезло - грохнулись о скалы, от удара двигатель накрылся. Помню вспышку на горизонте сквозь серое море, - не удалось Дазу погасить скорость. Второй бот должен был сесть где-то в пустыне на другой стороне этой безымянной планеты. Связь с ними установить нам не удалось.

Кислорода в атмосфере хватало, чтобы ходить без скафандра. Это снимало проблемы воздуха и воды. В остальном же планета была мерзкая. Кругом скалы, да пустыни, никакой органики, дня и ночи даже толком нет - всё время одна и та же серая пелена. Средняя температура - плюс пятнадцать по Цельсию.

Еды в боте при скромном рационе от силы хватало на месяц. Надо было как-то выкручиваться. Никто искать нас не будет - на базе мы все уже числились мертвецами после потери связи.

Анна сказала, что во время посадки мельком видела за несколько километров к югу что-то похожее на старую станцию.

К боту прилагался двухместный реактив. Какой-никакой, а транспорт. Керкес автоматически стал главным. Он-то и отправил нас с Анной в

разведку - я ведь младший офицер, а она единственная видела ту станцию.

Даже для вас, думаю, понятно, что могла значить такая находка. Там и межзвёздный передатчик, и пища, и детали для ремонта двигателя - спасение, одним словом.

Мы выехали немедленно, нас все провожали. Помню, тронуло меня это. Хороший был момент, светлый. Ну а для меня тогда, естественно, важней всего казалось остаться с Анной наедине, хоть и сидел я к ней спиной.

Ох, и поплутали ж мы по пустыне этой! Часа три, наверное. Но хоть разговорились - слово за слово, шутки пошли... Мы ведь с Анной на «Звезде» почти не виделись. Тут-то, собственно, познакомились. Ну и дело, конечно, не забудешь. Нашли наконец какую-то странную борозду. Думаю, дай-ка съездим по ней, двинулись - и не прогадали. Выехали к большому котловану, а на дне его - то, что мельком Анна приняла за станцию.

Нет, это была не станция.

Разбившийся звездолёт.

Ну какая «Звезда», Ларсон? Чем ты слушаешь? Я же ясно сказал: рванула наша «Звезда» за тыщи километров от бота. Другой звездолёт. Древний. Видно, шлёпнулся здесь очень давно. Корпус уцелел, обшивка только кое-где прогнулась, да листья поржавели. Корабль лежал чуть на боку, на четверть закопавшись в песок. Люк был раскрыт, и лестница свисала. Я полез внутрь, Анна вместе со мной.

А внутри - холод, темень непроглядная, с потолка какие-то кабели свисают, на полу пылица чуть не по колено. Полезли мы к рубке, я-то ведь только из Академии тогда был, лекции ещё не все выветрились, помнил приблизительно где что у древних кораблей находилось. И вот, как сейчас вижу: идём по коридору, фонариками светим, а справа и слева - раскрытые каюты. Зашли в первую - а там мертвецы, рядами, высохшие. Навроде мумий, только похуже. Форма даже сохранилась кое-где, тёмная вся, истлевшая.

Долго мы не разглядывали, не для того пришли. Анна хорошо держалась, личико только побледнело. В других каютах тоже были трупы, но меньше - по одному, по два. На постелях лежали. Дальше по коридору оказался пустой камбуз. Там все стены оплавлены были, видно, древним лучевым оружием.

Наконец вышли к рубке. Перед экраном, за пультом, сидел человек в форме. Это в свете фонарика так показалось, на самом деле тоже мертвяк, засохший. Перед ним валялся корабельный журнал, нам такие в музее показывали. Я открыл его наугад и начал читать:

"4 января 2087 года.

В 15:00 совершили вынужденную посадку. Погибли техник Ханкел и пилот Брукс, есть раненые. Двигатели вышли из строя. Передаём сигнал бедствия, но вряд ли нас кто-то услышит.

5 января 2087 года.

Запустили планетарный генератор атмосферы, для создания более

оптимальных условий. Видимо, это приведёт к исчезновению местной органики. По первым анализам, она основывается на боре, и для пищи человека непригодна. Настроение у команды подавленное. Пытаюсь занять их работой по приведению в порядок "Каллисто". Запасов пищи хватит на 2-2,5 месяца.

8 января 2087 года.

Корабль приведён в порядок, системы регенерации и теплоснабжения отлажены. Продолжаем передавать сигнал. Генератор атмосферы работает в полную силу. Месяца через два можно будет выходить наружу без скафандров. Л-т Этнем не оставляет попыток синтезировать из местной флоры соединения, пригодные в пищу человеку.

Штурман Гранд рассказал сегодня об «МДТ-178». Этот транспортник потерпел крушение в 60-м на необитаемой планете земного типа. Якобы, двадцать лет спустя его случайно обнаружили. К тому времени выжившие члены экипажа устроили поселение, образовали семьи, дети появились, и будто бы они даже отказались вернуться в цивилизованный мир, только священника попросили прислать. История сомнительная, но я распорядился муссировать её среди экипажа. Это более оптимистическое направление для мыслей, чем смерть от голода, к чему мы придём, если не случится чуда.

Я перелистнул несколько страниц и прочёл:

"7 февраля 2087 года.

Меры по разоружению команды оказались запоздалыми. Сегодня л-т Харвел и с ним 18 человек подняли бунт. Их удалось вытеснить в камбуз и уничтожить. Мы потеряли семерых. Я получил тяжелое ранение. По словам д-ра Регнера, протяну недолго. Командование "Каллисто" передаю штурману Гранду. Да поможет нам Бог!

Далее шли записи, сделанные другим почерком. Постепенно они становились всё короче и всё с большими перерывами:

"28 февраля 2087 года.

Ещё двое покончили собой. Р-й Прат задушил р-го Орта из-за пайка. С-т Крюк воспользовался этим, чтобы "казнить" Прата. Я приказал д-ру вводить яд в трупы, во избежание соблазна.

1 марта 2087 года.

Умерло семеро. Д-р Регнер сошёл с ума. Пришлось запереть его. Команда варит ремни.

5 марта 2087 года.

Умерло ещё двенадцать".

Последняя запись, уже третьим, совсем плохим почерком, гласила:

"2 апреля. 2087 года.

Старший лейтенант Мох. Последний живой на "Каллисто". 7 дней без пищи. 2 дня без воды. 4 дня назад умер от истощения ш-н Гранд. 10 дней, как скончалась Мария. Назвать эту проклятую планету её именем. Хоть что-то. Мхи на склоне почернели. Это из-за генератора. Кислород. Не стоило истреблять местную жизнь ради пары лишних недель для нас. Глупо. Надо

бы отключить, но у меня уже не хватит сил. Отключил общее питание и передатчик. В этом больше нет нужды".

Пока я читал, Анна стёрла пыль с пульта и щёлкнула тумблером. Вспыхнул свет, послышался гул в недрах звездолёта - корабль всё ещё функционировал! От этого стало жутко. Мы ещё раз бегло осмотрелись, но не нашли ничего, что могло бы помочь. Передатчик уже не работал - видно, стал негоден от времени.

Когда мы закончили осмотр, снаружи холодало, надвигалась местная "ночь". Мы решили переночевать на "Каллисто", где было отопление и свет, и сообщили об этом на бот. Разумеется, это я её уговорил. Я всё³/₄решил, что пора признаться. Старый звездолёт, близость смерти только распалило меня. Мы сидели в каюте, из которой я выбросил мумии.

Ну, собрался я с духом и выложил ей всё как есть. Она, конечно, смутилась. Потом ответила в том роде, что, мол «уважаю Ваши чувства, но не могу ответить взаимностью».

Я, понятное дело, огорчился. Но ещё попробовал, так сказать, от слов к делу. Зря. Только всё испортило. Ночевать мне пришлось в каюте с мертвецами. А она потом со мной не разговаривала. Совсем. Хотя ничего особо не было. Я ведь только обнять пытался. Ладно, проехали.

Утром мы вернулись к боту. Я отчитался о разведке. Мой рассказ, естественно, никого не вдохновил.

Следующие дни я помню плохо. Серо всё, тоскливо. Да с Анной эта история... Как заноза в сердце. Звездолёт мы обшарили капитально, но уж чего-чего, а жратвы там ни крошки не осталось. Но Ахо вроде набрал там что-то для ремонта нашего движка. Он над ним по 20 часов в сутки корпел. А остальные от безделья, голода и постоянного стресса потихоньку сходили с ума, каждый по-своему. Симон, помню, всё время распевал "Три дня, как из жизни ушёл капитан". Напрягало. Керкес всех разоружил - участь капитана "Каллисто" ему явно была не по душе. Но у меня пистолет оставил, видно, доверял. Доктор Нун ещё запомнился, спокойный такой, мягкий, всё торчал в боте и читал свою Библию...

Но мы-то все на Ахо молились. Лишь на него была надежда. Поэтому никто не возражал, что он получает двойной паек. Только он - даже Керкес получал полуторный, половину которого отдавал Анне, а она, как и все, получала стандартный. Так, кстати, и не разговаривала со мной.

Прошло две недели. Голод творит большие вещи - Керкес перестал делиться с Анной пайком. Однажды за обедом Ахо радостно сообщил:

- Я понял наконец, как устранить поломку. Ещё недельки три, и я смогу запустить двигатель.

Знал ли он, что сделал этой фразой? Всем нам сразу стукнула одна и та же мысль. 3 недели! Оставшиеся запасы можно было растянуть максимум на две. А после взлета ещё минимум неделю добираться до зоны связи с ближайшей базой.

С тех пор я держал пистолет снятым с предохранителя.

Два дня спустя Керкес отослал нас с Анной опять на "Каллисто" за какой-то мелочью. Она, видно, не рассказала ему о том, что произошло в тот раз. На полпути я остановил реакцикл, слез, стал на колени и сказал:

- Долго Вы ещё меня будете мучить? Простите же наконец!

- Я давно простила Вас, лейтенант. - сказала она.

Мы отправились дальше. На душе стало чуть легче, светлее как-то...

А на "Каллисто" я вдруг наткнулся на один ящик, которого раньше не замечал. Как сейчас помню, стоял он под койкой в одной из ревни³/₄кают, заваленный ветхими тряпками. Открываю его, а там лучемёты, рядами. В отличие от тех, что мы находили прежде, эти сохранились отлично, и с полным зарядом батарей. Должно быть, именно их капитан «Каллисто» спрятал после разоружения команды. По академическим лекциям я знал, как такими штуками пользоваться. Один лучемёт я прихватил с собой и спрятал за двигателем реакцикла. Даже Анне не сказал. Не спрашивайте, почему, - любой бы поступил так же на моём месте.

Когда мы вернулись, то обнаружили, что доктор Нун, Симон и ещё два солдата исчезли. Бледный Ахо ковырялся у двигателя. Увидев нас, он ничего не сказал. Да всё, в общем, было понятно и без слов.

- В чём дело? - спросил я Керкеса.

- Случилось несчастье. Доктора и трёх солдат завалило камнями, когда они прогуливались.

- Можно осмотреть место?

- Не думаю, лейтенант. - Керкес усмехнулся, - Там небезопасно.

Он и не отпирался, что убил их. «Слишком много ели» - сказал со смехом, - «Пришлось кем-то пожертвовать». У Анны случилась истерика. Керкес приказал мне вернуть оружие.

Из бота вылезли рядовые Дон и Мозес, с автоматами, стволы на меня. Я расстегнул кобуру, вытащил пистолет. Ну всё, - думаю, - вот сейчас выведут «на прогулку» и конец. Дона я не очень близко знал, а вот с бывалым Мозесом мы не ладили ещё на «Звезде». Почему-то мне показалось, что прикончит меня именно он.

Однако не прикончил.

Последующие семь дней за нами - Анной, Ахо и мной, строго следили. Керкес, Дон и Мозес сменяли друг друга, постоянно дежуря с оружием. Нас кормили. Анна три дня подряд отказывалась от еды, но потом сломалась. Годод делает великие вещи. Керкесу она была уже безразлична. Я сначала не понимал, почему он сохранил нам жизнь. А потом догадался. По взглядам Дона и Мозесая. В крайнем случае нас собирались съесть. Мы были живым пайком. После запуска двигателя Ахо будет убит как ненужный свидетель. Голод творит чудеса.

Но и голодным жить охота. И мы разработали план. В то время, когда более крепкий Мозес спит, а Дон дежурит, Ахо и Анна должны были отключить его. Мне же предстояло пробраться к реакциклу, завладеть лучемётом и обезвредить Керкеса. Мы находились на пределе истощения.

Обнадёживало лишь то, что те тоже были ослаблены.

На восьмой день я пробрался к реакциклу, достал лучемёт, активировал заряд. Всё шло как по маслу, и вдруг по ту сторону бота остановился другой реакцикл.

Керкес мгновенно выбежал наружу. Это был майор Орфер из бота #2. Очень измождённый. Едва он кивнул Керкесу тот навёл на него пистолет. Я крикнул:

- Стоять! У меня лучемёт!

Но оказывается, этот гад умел стрелять со спины, не поворачиваясь. Меня спас майор Орфер, молниеносно ударив его в кадык. Пуля свистнула мимо. Падая, Керкес жажнул ещё раз, и Орфер свалился с простреленной грудью. Я опустил ствол лучемёта, вдавил кнопку. Вспыхнул луч. Поднимавшийся было Керкес рухнул как подкошенный и заорал. Запахло палёной кожей. Я оглянулся. Возле входа в бот стояла Анна. Чуть правее Ахо. Смотрели на меня. Я подошел к Керкесу. Тот попытался приподняться и снова упал. Затем повернулся ко мне, открыл глаза и прохрипел:

- Ну же, сынок, что делаешь, делай быстрее.

В этот момент из бота открыл огонь разбуженный Мозес. Большая часть пуль пришлась по Анне. Она упала. В проёме показалась массивная фигура Мозеса, палящего наугад. Пули ударили у моих ног. Я выстрелил.

Тогда-то и понял, почему предки отказались от лучемётов и вернулись к огнестрелке. Пуля летит незаметно и делает своё дело быстро, будто всё само собой происходит. А луч словно связывает тебя с жертвой. Ты успеваешь увидеть, КАК это происходит. Становится понятно как никогда, что ЭТО делаешь ТЫ.

Вспышка лучемёта выжгла ему шею, лицо, глаза и Мозес свалился на камни, хрипя и дёргаясь в агонии. Я повернулся к Керкесу и прикладом лучемёта проломил ему череп.

Анна умирала четыре дня в страшных муках. 7 пулевых отверстий. Был бы жив доктор Нун, может, и смог бы помочь... Я всё это время рядом был. Бинты менял. Колол транквилизатор. Рассказывал ей сказки. Даже не подозревал, что так много их знаю. Кое-что сам придумывал. Она слушала молча. Иногда улыбалась, пересиливая боль. Напоследок имя моё произнесла. Только имя.

В том грунте могилу не выкопаешь. Пришлось мою красавицу камнями засыпать. Через десять дней я, Ахо, раненый Орфер и связанный Дон стартовали и покинули систему DX773.

Герберт невесело усмехается и замолкает. Кладёт погасший окурок в пепельницу. (Когда это она успела появиться?) Затем говорит:

- И вот, друзья мои, несколько вопросов. Керкес убил ни в чём не повинных людей. Плохо? Да. Но если бы он этого не сделал, я бы умер вместе с ними. Анна погибла. Плохо. Больно. Но если бы она не погибла, мы бы все умерли от голода в полёте. В своё время я много думал обо всём этом и понял, что должен быть смысл, должна быть система координат. Иначе всё

впустую, иначе просто погибель.

За столом восстанавливается молчание. Аманд спрашивает:

- А что случилось с ботом #2?

- О, это другая история, не менее "поучительная". Но её я расскажу как-нибудь в другой раз.

Все успокоились. Да. Но нельзя же, думаешь ты, так расстраивать друзей. Они ведь готовились. Неужели напрасно?

- Герберт! - окликаешь ты, - Сейчас я расскажу рассказ повеселее.

- И какой же? - поворачивается он к тебе.

- А вот какой! - мгновенно хватаешь его за курчавые волосы и - мордой в тарелку с конфетами. Громкий надсадный хохот. Твой. Краем глаза видишь ошарашенный взгляд Ларсона. Герберт реагирует мгновенно: поднимает голову и тут же кулаком бьёт тебе в нос.

- Ах так! - возмущаешься ты. Это уже ни в какие ворота не лезет. Вскакиваешь, опрокидывая стол. Герберт встаёт секундой позже, и ты успеваешь дать ногой ему в грудь. Он падает на стулья, вспрыгивает на ноги, но его уже хватают Кларк и Эдмонд. Тебе выкручивают руки Пирс и Аманд. Герберт выкрикивает забавные ругательства и угрозы. Ты улыбаешься и говоришь:

- Всё нормально, ребят, всё в порядке. Всё, я успокоился...

Неожиданно выдёргиваешь правую руку и наотмашь Пирсу в челюсть. Отшатывается, хватаясь за подбородок. Локтем же, с разворота, Аманду по подбородку... Вырвался! Прыжок к Герберту и что есть силы даёшь ему под дых, наслаждаясь уморительным выражением лиц Кларка и те из последних сил сдерживают бывшего майора. По бару^{3/4}Эдмонда, разносится твой рваный, клокочущий смех. Почему никто вокруг не смеётся?

3.

Тебя вталкивают в твою с Питтом комнату, хлопает дверь. Ты бросаешься к ней:

- Эй ты! Не смей закрывать дверь! Даже не думай об этом!

Замок поворачивается. Приглушённый голос Ларсона:

- В следующий раз поменьше пей. И не забудь: в 5:45 вылет. И ещё: за всё это ты должен Вену 35 кредиток.

Гулкие шаги по коридору.

- Ну вот! - говоришь ты, - Ушёл! Клоун, мать его!

Ты проходишь и садишься на аккуратно запроваленную кровать Питта. В маленькой узкой комнатке темно, только тусклые лучи фонаря за окном падают полосами на серые стены. С минуту ты молчишь. Потом начинаешь смеяться:

- Дураки! Второй раз уже на "всё нормально" попались.

Ты мотаешь головой, расправляешь плечи и бодро затягиваешь:

Три дня, как из жизни ушёл капитан,

Намедни наш штурман скончался от ран,

Мотор отказал, кислорода про вся

Осталось на двадцать четыре часа.
Нас взяли в тиски, но под градом свинца
Наш борт не сдаётся - стоим до конца,
Конец недалёко - сей жизни краса
Для нас лишь на двадцать четыре часа.

Но после второго куплета замолкаешь. Настроение вдруг отчего-то резко портится. Лицо горит. Встаёшь,ходишь к умывальнику. Из зеркала на тебя глядит хмурый придурок с плоским лицом, залитым кровью из разбитого носа. Вроде бы, ты. Вон давнишний шрам над правой бровью. Старое лицо какое-то. И и не поверить, что всего 24. Горечь берёт тебя. Ты бросаешься к двери:

- Эй вы, уроды! Вы все подохните, слышите меня, мать вашу! Скоты! А ты, Пирс, ты не вернёшься домой! Некуда тебе возвращаться. Чем ты займёшься, а? Хлеб сеять станешь? Транспортники гонять? Ты ведь ни рожна не умеешь, кроме как убивать. И ты боишься, что эта война закончится, потому что не нужен будешь потом никому!

А ты, Герберт, чем лучше твоего Керкеса? Он убил четырёх невинных, а ты - восемьсот. Он хоть свою шкуру спасал, а твоей-то шкуре ничем «мирники» не угрожали. Не так ли, майор Герберт? Из-за таких, мразь, как ты... как все вы... Я был в плену! Единственный, кто выжил! А ты мне тут, мразь, сказки про любовь заворачиваешь!

Ты поворачиваешься, тяжело дыша. Орёшь стенам:

- Плевать мне на этих детей! Не хочу больше о них думать! Я не виноват! Ни в чём! Я выполнял приказ! Я сделал всё, что мог! Я не виновен! Плевать на всех! Пусть дохнут! Пусть горят в аду! Я здесь ни при чём!

Воздуха не хватает. С минуту пытаешься отдышаться. Но прилив ярости не исчерпался. Ты разворачиваешься и рыча, не чувствуя боли, неистово бьёшь по шершавой серой стене. Снова поворот, и отражение внезапно пугает тебя, - на тебя сквозь зеркало смотрит кто-то другой. Само зло. Удушье. Тёмные пятна расползаются по твоей груди. Пятна крови. Спину обдаёт холодом. Прочь! Бегом отсюда! Дверь заперта - к окну! Комната сужается, словно пытаясь поглотить тебя. Чьи-то чёрные руки тянутся за тобой. Быстрее, быстрее, надо успеть... Время сокращается. Ты падаешь на колени, лбом к холодному полу, руками на затылок... Кровь стучит в висках. Судорожно шепчешь:

- Отче наш, Иже еси на небесех,
Да святится имя Твое,
Да приидет Царствие Твое,
Да будет воля Твоя,

Ты поднимаешь голову и застываешь: за черным окном висит белобрысый мальчишка, прислонившись бледным лбом к стеклу. Глядит на тебя пристально-мутным взглядом и беззвучно шевелит губами. Крик! Падаешь ничком, прижимаясь к полу. Вот и всё. Бежать некуда. Пол дрожит под тобой. Мысли судорожно бьются:

Господи, прости, Господи, спаси, Господи, сохрани,
Господи помилуй!

Губы отчаянно продолжают бормотать:

...яко на небеси, и на земли.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь...

Стены шепчут твоё имя. Откуда-то сверху льётся тихий свистящий
голос. Беззлобный:

- Зачем ты убил меня? Я пришёл за тобой.

И не введи нас во искушение,

Но избави нас от лукаваго.

И не введи нас во искушение,

Но избави нас от лукаваго.

И не введи нас во искушение

Но избави нас от лукаваго.

Господи, помилуй,

Господи, помилуй,

Господи, помилуй,

Господи, помилуй,

Господи, помилуй!

Ты задыхаешься. Вот он, поди, и конец...

- Пощади! Господи, пощади!!!

И всё неожиданно проходит. Ты лежишь, прислушиваясь к тишине, затем осторожно поднимаешь голову. За окном никого. Только тусклый фонарь. Ты осторожно раздеваешься в темноте и залезаешь под одеяло, натягивая его чуть ли не по уши. Какая-то чёрная тоска охватывает тебя. Отчего-то вспоминается погибшая девушка из сегодняшнего города. Красивая... В ушах появляется шум. Возникает картинка: ночь; ты поднимаешься с постели и ступая босыми ногами по паркету, подходишь к окну. Видишь, как вдалеке, среди спящего города вспыхнул и рухнул дом, а за ним второй и третий... Видишь, как поднимается огненный вихрь и несётся к тебе, сметая всё на своём пути...

Ты мотаешь головой. Знают ли они, пилоты в желто-серой форме, что стоит за одним их нажатием кнопки? Хотя тоже ведь всего лишь выполняют приказ... Всего лишь?

Как хотелось бы свалить вину на кого-нибудь! Но не на кого: лейтенант, отдавший тебе приказ, вскоре погиб в бою, генерал, отвечавший за операцию на Ктаке, был отправлен в отставку, а после арестован и осуждён "за шпионаж и антиимперскую деятельность". Остался только ты. Исполнитель.

Ты вспоминаешь время, когда ещё не было Мятежа. Каждый год на каникулы вы всей семьёй отправлялись к тёте Берте на Адвон II. У неё на ферме всегда росли груши и виноград, а сама она была такая толстая, и очень добрая. А однажды папа сказал, что в этот раз вы не поедете к тёте Берте. "Почему?" Он ответил: "На Адвон II теперь невозможно попасть". "Почему?" "Потому что там идёт война". Вот тогда первый раз болезненным эхом

отдалось в тебе это слово. Война.

Ты вздыхаешь. Четырнадцать лет. Сколько ещё будет продолжаться Мятеж? Каждый день вы захватываете города мятежников, а где-то в других секторах они захватывают ваши города. Эта планета обречена. Основные силы матов перешли на другой фронт. Остались лишь малочисленные гарнизоны. Но то, что легко берётся, легко и теряется. Ты вспоминаешь сегодняшний бой, тело мятежника, сползающее по щебню, перевёрнутые красные стульчики, глубокую трещину в ступенях собора, длинные чёрные волосы, перемешанные с пеплом - нет, про это нельзя сказать: "легко". И это как-то не укладывается ни в какие системы координат без того, чтобы на что-то не закрыть глаза. Настоящий воин всегда прав. Но разве у настоящего воина не должно быть сердца?

Сегодняшний город - десятый, взятый на этой планете. Значит, за всю кампанию убито около... миллиона человек. МИЛЛИОН! Что значит эта девушка или эти дети по сравнению с ним? А что значит этот миллион по сравнению с 7 миллиардами, погибшими за 14 лет? Страшно вдуматься в цифры.

Но дело надо довести до конца. Иначе бессмысленность сделает те же самые цифры ещё страшней. Ещё страшней.

Вспоминается сегодняшний рассказ Герберта и ты неожиданно находишь неувязку: не мог этот майор, убив доктора и двух солдат и решившись на каннибализм остальных, просто так оставить лежать их мёртвыми. Если уж решился, то начать они все должны были с доктора и этих солдат. Вот почему «Анна три дня отказывалась от пищи, но потом сломалась». От нормальной-то пищи чего бы отказываться? Значит, они все ели. И Герберт ел. «Голод делает великие вещи»... Понятно, почему он замолчал это... Значит, всё, что потом случилось, - не борьба «хороших» с «плохими», а лишь разборки людоедов. Тьфу, мерзость.

Но тут ты вдруг понимаешь смысл всего рассказа. Он и был изложением той самой системы, без которой, по Герберту, человеку и жизнь не жизнь и смерть не смерть. Это для тебя на самом деле он рассказал всё это - с удивлением отмечаешь ты. А состоит эта система в том, что тот, кому суждено умереть, пусть умирает, а тот, кто должен выжить - обязан выжить любой ценой. Должен быть ещё какой-то принцип, по которому Герберт определяет, кто должен умереть, а кто - жить... Всё это очень интересно...

Веки тяжелеют. Ты закрываешь глаза и начинаешь проваливаться в бездну. Над тобой шумит водоворот, мимо проплывает кроваво-красная буква "У", цветастый рисунок с коряво выведенными коричневыми домами, истекающий кровью Ис, тонкие пальцы Аманда, перебирающие клавиши, чёрная птица, исчезающая в тумане, и медленно вращающиеся, как крылья мельницы, лопасти вертоплана...

* * *

Ты едешь в битком набитом автобусе. Самый разгар дня, на небе ни облачка, жара невероятная. А ехать вроде как до конечной. Все толкаются, а

водитель ещё и гонит кое-как - автобус то и дело подскакивает на колдобинах. Или это дорога такая?

- Эй сынок, уступил бы место бабушке.

Белобрысый мальчишка нехотя слезает с сиденья. Грузная бабуля садится.

- Молодой человек, Вы могли бы не наступать мне на ноги? - раздражённо спрашивает тебя стоящая справа маленькая женщина лет сорока.

- Извините, я нечаянно...

- "Извините!" Смотреть надо!

Духота невыносимая. Пот льёт ручьями по лицу, мокрые волосы липнут ко лбу. Ты расстёгиваешь воротник нари. Автобус поворачивает, ты повисаешь на поручне, на тебя почти падает слева высокая полная женщина в белой блузке. Из того конца несётся ругань в адрес водителя. Ты переводишь дыхание и тут замечаешь, что перед тобой сидит девушка с длинными чёрными волосами и читает книгу. Страницы в книге пусты. Тёмное платье на груди зашито грубыми красными стежками. Ты узнаёшь её. Непонятное волнение вдруг охватывает тебя.

- Простите. - говоришь ты.

- За что? - поднимает она удивлённые карие глаза.

- Вы сегодня утром умерли...

- Да? Наверно...

- Поверьте, мне очень жаль.

- Я знаю.

- Откуда? - задаёшь ты глупый вопрос и сам же смущаешься. Она молчит.

- Вы очень красивы.

- Спасибо. - она улыбается.

- Знаете, это очень хорошо, что Вы мне приснились.

Она смеётся и лукаво прищуривается:

- Вы так много думали сегодня обо мне, что иначе и быть не могло.

- Жаркий сегодня денёк, не правда ли?

- Я бы так не сказала, - она опять очаровательно смеётся, - уже вторую неделю идёт дождь.

- Дождь? - ты смотришь в окно и видишь, что все стёкла залиты обильно текущей водой, сквозь которую видно лишь затянутое тучами хмурое небо. Становится холодно. Ты машинально застёгиваешь воротник нари.

- Да, последний раз такой дождь был в 43-м. - говорит стоящий слева седобородый старичок с палочкой, - Молодой человек, не были бы Вы так любезны передать водителю? - он протягивает тебе мелочь за проезд. Девушка закрывает книгу и быстро поднимается:

- Ох, простите пожалуйста, я Вас не заметила.

- Ничего, ничего, спасибо, дочка. - старик садится.

Ваши взгляды встречаются. Она стоит совсем рядом, так близко, что ты

чувствуешь её дыхание. Ты смотришь ей в глаза. Чистый, беззаботный взгляд. Поворачиваешься и идёшь к водителю, чтоб передать деньги. Протолкнувшись, подходишь к кабине.

- Вот, возьмите.

- Ты что, приятель, читать разучился? Во время проезда разговаривать с водителем запрещено.

Ты смотришь в зеркальце и внезапно узнаешь знакомый взгляд голубых глаз. Не поворачиваясь, берёт он у тебя деньги и усмехается, качая головой.

* * *

Ты чувствуешь, как тебя кто-то будит. Открываешь глаза и видишь Пирса с непривычно виноватым выражением лица. Слышится голос Герберта:

- Вставай, всё позади.

Узкая комната, серые стены, белый потолок. Ты лежишь на чём-то твёрдом. В ногах какая-то немота.

- Что позади? - спрашиваешь ты.

- Ты что, ничего не помнишь? - изумляется Пирс.

- Кларк, ты, похоже, перестарался. - раздаётся голос Ларсона, - У него провал в памяти.

- Кто-нибудь мне объяснит, что происходит?

Пирс исчезает из поля зрения, появляется обеспокоенное лицо Аманда:

- Мы уже неделю как застряли на этом астероиде без пищи...

- Что ты мелешь, на каком астероиде?

- И вот, чтобы не умереть с голоду, - подхватывает Велвет, - мы решились на крайние меры...

- Мы съели тебя! - выкрикивает Эдмонд.

- Это я им подсказал идею. - с гордостью говорит Герберт.

- Что? Что это за бред?!

- Кем-то нужно было пожертвовать, понимаешь? - Пирс называет тебя по имени, - У нас не было другого выхода.

Ты приподнимаешься и вдруг видишь, что вместо ног у тебя обрубки.

- Нет!!! Этого не может быть!

- У тебя довольно вкусное мясо. - одобрительно отзывается Эдмонд, ковыряясь в зубах, - только немного солоноватое.

- Я сплю, я просто сплю и сейчас проснусь...

- Да ладно, расслабься. - утешает тебя Пирс, - подумай сам, что лучше: умереть от голода с ногами, или же остаться живым но... без ног?

- ...это всё мне просто снится...

- Ты не думай, самую большую порцию мы оставили тебе. Вот, поешь, оно ещё тёплое. - Аманд протягивает тебе ароматный прожаренный кусок мяса.

- Нет!!!

4.

Просыпаешься. Вокруг темно. Ты абсолютно трезв. Сна нет.

Приподнявшись, несколько раз вслепую бьёшь ладонью по тумбочке. Вот они! Подносишь к глазам, всматриваясь в тускло светящиеся цифры. 3:01. Кладёшь часы обратно. Три часа ночи. Через два часа где-то на западе к спящему городу приблизятся ромбовидные тени бомбардировщиков. Прыщавый мальчишка-солдат, дежурный, с дрожью в голосе сообщит по связи престарелому полковнику-мату, что радар засёк вражеские самолёты. Лысеющий полковник отдаст приказ ПВО города сбить бомбардировщики. Тонкие стволы немногочисленных зениток оживут, поднимаясь вверх, ища цель. Ты зеваешь. Из двадцати самолётов сбить удастся один - два, не больше. Спящие улицы огласят сирены воздушной тревоги. Через две минуты бомбардировщики появятся над городом.

Пальцы нажмут на кнопки. Откроются бомболуки, вниз посыплется чёрные шары. Через пять секунд каждый шар разделится в воздухе на десять авиабомб, а ещё через полминуты город накроет смертоносный град. Ты поворачиваешься на бок, кровать скрипит, натягиваешь одеяло на голову. Он накроет дома, школы, храмы, театры, тюрьмы, магазины, гостиницы, казармы, космодромы, аллеи, парки, рынки... 5:10 - самый сон. Максимальное количество жертв. Ты закрываешь глаза и снова открываешь их. Не все бомбы взорвутся сразу же при ударе, некоторые сдетонируют через пять, десять, даже двадцать минут. Бомбардировка будет продолжаться ещё долго после того, как самолёты скроются за горизонтом. Ты поворачиваешься на спину и откидываешь одеяло. Кровать скрипит. Огненное цунами накроет город. Земля сотрясётся, стены рухнут в пламя. Тысячи человек сгорят заживо. В 5:45 серая зорька перерастёт в рассвет. Изуродованный, пылающий город окутает плотный туман. Ты вздыхаешь и шепчешь:

- Господи, даруй мне сон. Господи, смилуйся надо мной, даруй мне сон.

В 6:00 с разных концов города появятся вертопланы. Они высадят "Усмирителей"- группы "Альфа", "Бета", "Гамма", "Дельта", «Эпсилон», «Дзета» и другие. Сержант на секунду распрямитя среди тумана. Мятажник выстрелит. Мятажник будет убит. "Усмирители" подавят основные очаги сопротивления и вернуться на базу. В 7:30 прилетят транспортники с легионерами. Легионеры будут расстреливать пленных, грабить развалины, насиловать женщин. Ты кладёшь руки под голову и смотришь вверх, во тьму.

И вдруг ты понимаешь, что нужно сделать. Хватить бегать от совести. Ты виновен. Во многом. И ты должен покаяться. Во всём. Не откладывая, завтра ты подойдёшь к отцу Евлогию и... будь что будет, но расскажешь всё. Тёмное тяжёлое шевеление внутри, как от потревоженных червей. Ну ничего, недолго вам там шевелиться...

Перед глазами всплывает красный аналой, на нём позолоченные Крест и Евангелие... Да. Только так, по-другому нельзя.

Ты с каким то странным облегчением и даже уверенностью шепчешь:

- Господи, помоги мне!

Ты сделаешь это. 43.

5.

Мерный гул. Полутёмный салон. До высадки ещё минут десять. Автомат привычно лежит на коленях.

Вместо Питта сидит коренастый мужик, видно, уже бывалый, волосы с проседью, взгляд спокойный. Как-то непривычно без Питта. Вместо Виктора - усатый, бритый наголо парень с нездоровым блеском в глазах. Время от времени он чуть подрагивает головой. Чем-то похож на Иса. Такой же одержимый.

Вчерашний новичок теперь почти не выделяется. Такой же отрешённый, как и все. Герберт время от времени недобро поглядывает на тебя. Надо будет перед ним извиниться за вчерашнее. Теперь всё будет по-другому. Рядом глубоко зевает здоровяк Велвет.

Ты вздыхаешь и, задумавшись, смотришь в точку на стальной стене вертоплана. То решение, которое ты принял прошлой ночью. Тяжёлое и... очень не простое для тебя, но единственно верное.

Может быть, первое верное решение в твоей жизни. Неожиданно ты чувствуешь на себе чей-то тревожный взгляд. Ты вскидываешь глаза. Это сидящий напротив тебя Пирс. Он улыбается и подмигивает тебе: "ничего, всё, мол, будет в порядке"...

* * *

А вертоплан уносит тебя всё выше и выше, оставляя внизу уменьшающиеся космодром, казармы, стены, сторожевые башни, бар и церковь...

Символ

Осколок-половинка старого голубенького блюдца. Вот уже десять лет стоит на шкафу, марсианскую пыль собирает...

* * *

Знаете, что такое символ? Да вряд ли. Это всё от древних греков пошло. У них, в общем, обычай такой был: если два друга надолго разлучались, к примеру, кого-то приспичило в другой город переехать, то они брали какую-нибудь вещицу и разбивали её напополам. Каждый забирал себе половинку. А потом, когда встречались, соединяли обратно. А если встречались их дети - по таким штукам они узнавали, что их отцы дружили. Это и называлось символом.

Вы уже поняли, куда я клоню. Да, точно. Беды было две: мой дед знал эту легенду, и, как назло, имел друга. Так что, когда вздумалось ему на Марс податься, они разбили одно из бабкиных блюдец.

Очень трогательно. Даже стильно.

Когда дед стал зарабатывать достаточно, чтобы оплатить разговор с Землёй, друг куда-то запропастился. Ещё бы. Нечего в век высоких технологий шутить с древними легендами.

Первые поселенцы жили недолго. Кто его знает, из-за чего? Разве нам

такие вещи скажут?

Обломок перекочевал к моему папаше. Батька к «реликвии» относился... ну, наверное, как древний грек. Мать рассказывала, что однажды я, трёх годов от роду, решил поиграть с «голубенькой штучкой» и размазал по ней зубную пасту. Отца чуть удар не хватил. И мне впервые крепко влетело. А они с матерью впервые крепко поругались.

В шестнадцать я уже учился на третьем курсе подготовительного и жил там же, в университетском отсеке, выбираясь домой лишь на выходные. В один из таких заездов батька подозвал меня и сунул в руку обломок:

- На, возьми себе.

Я удивился. Может, даже и почувствовал тогда что-то...

- Зачем?

- Пусть у тебя побудет. Надоел он мне. Потом, может, заберу. Знаешь, что это такое?

Ещё бы не знать! Кажется, сколько я себя помню, столько помню историю про глупую дедову затею. И про то, что надо ждать, что когда-нибудь появится человек со второй половинкой и тогда...

Эх, батька, батька. Через полгода закопали его в жёстком марсианском грунте, за куполом. Рак лёгких. До последнего скрывал от нас с матерью. Помню, как стояли мы полукругом в неудобных скафандрах на старом поселенческом кладбище и смотрели, как робот топит капсулу в коричнево-чёрной яме. Мать подняла руку и стукнула о стекло шлема - машинально пыталась смахнуть слёзы.

Стоит ли говорить, что после этого на голубенький обломок я смотрел иначе, чем отец или дед?

Нет, польза от этой лабуды была. Эффектный способ знакомства с земными туристками:

- Девушка, простите... Вы не видели кого-нибудь с такой же половинкой? Мой дед, покидая Землю, вместе с другом разделил блюдце... знак дружбы... До самой смерти надеялся найти друга, или его наследников... И мой отец тоже... Теперь долг перешёл ко мне...

Одна из них даже написала про меня в какой-то земной газете. Кажется, рыженькая. Катя.

Забавные они, - земные. С нашими такой фокус проходил редко. Пару раз удалось, но не больше. Остальные морщили лбики, плечами пожимали:

- Делов-то. Набери имя этого друга в интеркоме или пошли запрос на Землю.

Ага, умные какие! Откуда мне знать, почему дед даже имени не сказал? У отца я спросить не решался. У матери тоже. А теперь и спросить не у кого. Только и осталось, что дурацкий обломок на шкафу, да ворох тягостных ассоциаций.

Порою мне казалось, что всё это брехня. Просто дед разбил блюдце и напридумывал белиберды для сына. Типа, чтобы семейная легенда была, чтобы связь с Землёй осталась...

А потом и об этом думать перестал. Не до того. Надо было по жизни пристраиваться.

Окончил подготовительный, затем основной, пошёл работать во второй инвекторный... Ну а кроме работы, само собой, - гулял с девками, тусовался с пацанами, откисал в виртуалке. А голубой обломок благополучно пылился на шкафу.

И лишь иногда, ночью, ворочаясь в синтетическом спальнике, я вспоминал «семейное предание».

Может, дедов друг ещё тогда упал под какой-нибудь поезд, или просто был убит? Судя по телеку, на Земле все только и делают, что заседают в своих парламентах, покупают прокладки, да убивают друг друга.

А может, его потомки давно уже выбросили свой обломок? Здесь это ещё вроде как память о Земле, а там-то - мусор, как ни крути. У них этого фарфора навалом.

А может, кто-то в эту самую минуту, за сотню миллионов миль отсюда точно также лежит в своей постели и размышляет о том же самом, что и я?

Это мог оказаться даже сам дедов друг (говорили, на Земле некоторые доживают аж до восьмидесяти) или кто-нибудь из его детей, однако я под «кем-то» обычно подразумевал ровесника. А точнее: ровесницу. Всё-таки ведь «вторая половинка». Ещё один греческий миф. Было бы символично.

Знаете, даже когда я туристок кадрил, где-то глубоко в душе действительно... немножко ждал... или надеялся... А вдруг? Наверное, именно поэтому они мне так легко верили. И, наоборот, не верили наши. Им-то я стопроцентно лгал...

Да и земные мне больше нравятся, честно говоря. Интересные они. А наши уж больно замороченные. Все их разговоры сводятся к «где работаешь? Кем? Перспективы есть? В каком секторе живёшь?» И дело даже не в том, что и должность у меня не ахти, и с перспективами негусто, и конура моя не в престижном «центре», - а в том, что скучно это всё. Зевать охота, скулы сводит от тоски.

Пожалуй, если жениться, то я бы хотел на земной. Но - куда там. Кроме пары ночей туристки на большее не согласны, да и то не все, далеко не все. А самые интересные, как назло, и вовсе одной вербалкой ограничиваются. И вереница сентиментальных писем потом. Платонические отношения - тоже древние греки выдумали, ядрить их за ногу! Что за вредный народ такой?

При таком раскладе только семейная легенда могла бы реально стать цементом чего-то настоящего... Если бы вдруг... Эх, мечты, мечты...

Конечно, даже если живёт где-то на далёкой огромной Земле прекрасная девушка со второй половинкой голубого блюдца, вероятность, что наши пути когда-нибудь пересекутся - астрономически мала.

Хотя в последние двадцать лет приток туристов растёт. Чуть не каждый месяц летают, если пылевых бурь нет. Началось всё с этих монахов. Точнее, с первого - отца Феофора. Фантастический мужик был, жил в скалах у Фарсидских гор всего с парой кислородных баллонов и оранжерейкой. После

его смерти ещё трое в рясах приехали, те уже стационарную базу поставили, честь по чести. Тут и туристы повалили, ещё бы - монастырь на Марсе! Куда до него скучному «Музею освоения» с останками древних советских аппаратов, «рассвету в Великой Северной Равнине» или даже «восхождению на Олимп - самую высокую гору в солнечной системе»!

Кроме туристов иногда спецы прилетают, кого Компания выписывает. А ещё есть дураки, что летят сюда нелегально, на подработки. Слышат, что здесь уборщик получает в сто раз больше, чем у них, вот и прут сюда. А что хлеб на Марсе в сто раз дороже, чем на Земле, узнают уже здесь, истратившись на рейс, да на взятки в космопорте.

На Марсе, конечно, для всех дело найдётся, только, само собой, на все приличные места наших ставят. Если приглашают спецов с Земли - то другое дело. А нелегалы... Ну, ассенизаторы всегда нужны. Кто-то работает и нормально приживается, но многие слетают, «опускаются». Становятся «бошами», клянчат еду или воду, валяются на улицах, воняют... Хилые эти земные мужики. Расслабленные какие-то. Марс - не игрушка. Если не работаешь - то и не ешь. И не пьёшь. И никакой тебе соцслужбы, раз тебя сюда никто не звал. Обрато тебе билет никто не оплатит. Даже лечить не обязаны, хотя док Питерс и помогает иногда «бошам», по доброй воле. Да и водой многие делятся, не звери же мы.

Забавно, если окажется, что человек со второй половинкой уже здесь. А что? Запросто! Например, начальник первого инвекторного год назад прилетел. Интересно бы вышло. Тут уж и должность, и перспективы бы у меня существенно выросли...

А вдруг это один из монахов? Или кто-то из спецов? Или какой-нибудь апатичный жирдяй-турист? Что мне тогда сказать? Впрочем, знаю: просто отдам этот проклятый обломок и уйду, без лишней болтовни. И выброшу, наконец, всю эту дурь из головы и сердца.

* * *

Вся эта дурь мгновенно всколыхнулась и пронеслась передо мной только что.

Только что я увидел человека со вторым голубеньким обломком.

Тихо. Я стою посреди безлюдной улицы. По пластиковым панелям струится жёлтый свет вечерних ламп. С чёрного купола сверху белыми бельмами плятятся Фобос и Деймос. А за моей спиной, шагах в десяти, лежит «боша». Шумно дышит. Скребёт руку этим самым обломком.

Холод в груди. Уйти. Просто уйти, не оборачиваясь. И забыть. Это не моё. Я ничем не обязан. Уйти.

Господи, ну за что это мне? Я ведь не древний грек. Я даже деда никогда не видел. И отцу ничего не обещал. И... я ведь знал, что может быть и так. Знал...

Уйти!

Оборачиваюсь и медленно подхожу к боше. Грязный. Заросший. Тощий. Испуганно прячет обломок в своих лохмотьях. Глядит на меня. Трясётся.

Впалые, небритые щёки, воспалённые глаза в провалах, словно из двух чёрных ям. Как же от него воняет!

- Ну... ты это... встать можешь? - мотает лохматой головой, - Ну давай...

Задержав дыхание, касаюсь его лохмотьев, нащупываю руку-палку. Ох, только бы не вырвало...

Поднял его. Идти не может. Ухватил его сбоку, руку перекинул себе на плечо. Тащу вдоль улицы. Только бы никто сейчас не появился, не видел... Только бы успеть... О нет! Матвейха выползла. Вон как уставилась, дура старая! Завтра все будут пальцами тыкать, да у виска крутить. Ну и к ляду их! Забыть обо всём и просто идти. Тащить этого... Хрипит что-то... Сколько лет-то ему, интересно? Поди разбери. Вроде, старше меня...

Наконец-то! Вваливаемся в мою конуру. Первым делом лезу за флягой, надо этого напоить. Пьёт жадно. Что, ещё? Ну на, пей. Надо же, всю мою двухдневную норму вылакал. Ладно, потерплю. На вот ещё тубик бульонного концентрата. Теперь - снять с него это вонючее засаленное рваньё. Давай-давай, помогай. Сейчас в дезинфекционный отсек тебя засуну. Да молчи ты, потом поболтаем, когда в человеческий вид придёшь. Залезай!

Пока он в отсеке отпаривался, я запинал в угол его лохмотья, да дезодорантом попрыскал. А всё равно воняет. Выбросить бы их, но вдруг там документы или ещё что... Ладно, давай-ка ему одежду подыщем. Выбор невелик: или выходной костюм, или запасная роба. Пожалуй, робу.

Ну что он там, заснул? Открываю дезотсек, помогаю этому кашею вылезти. Вроде, чуть окреп уже, смотри-ка, что бульонный концентрат делает. А и впрямь его разморило...

- Иди-ка проспись. Вон туда. Молчи, завтра поговорим. Что сейчас толку от твоего мычания? Давай, вот сюда. Ложись, я застегну. Порядок. Отдыхай!

Хм. А мне, значит... да, никогда ещё не приходилось спать на полу. Костюм постелить, что ли? Интересно, кого я к себе приволок. Среди нелегалов есть не только дураки, охочие до заработков. Попадаются и те, кто с земным законом не в ладах... Задумчиво оглядываю свою конуру. Голубой обломок на шкафу. Ну конечно! Беру его, тру об коленку, счищая пыль. Затем - два шага до кучи лохмотьев на полу. Сажусь на корточки. Морщась, лезу внутрь, прощупывая... Вот оно!

Вытаскиваю второй обломок...

И тут накатывает истерика. Меня распирает от смеха, я сижу на корточках с двумя голубыми кусками в руках и сдавленно хихикаю, вдыхая вонь, смешанную с химической свежестью дезодоранта.

Никакая это не «вторая половинка» блюдца. Просто кусок голубой кафельной плитки, который «боша» где-то отколупал. А я-то принял... Ясно, чего он тогда перепугался. Порча имущества Компании, ага.

Ох...

Бросаю оба обломка, встаю во весь рост, невольно поднимая взгляд и упираясь в низкий потолок. В голове вдруг удивительное спокойствие и

ясность. Штиль.

И этот угомонился наконец. Храпит теперь в моём спальнике. А то всё бормотал мне:

- Сынок! Сынок!

И поднялось терние...

Ну что может быть лучше путешествия по тихой лесной речке? Я стоял на носу катера, и созерцал, как розовые облака отражаются в колышущейся глади, как стройные ивы клонятся к воде, как выглядывают белоснежные лилии из зелени у самого берега, - и вновь, словно мантру, повторял этот вопрос. Влажный воздух, трели цикад из прибрежных зарослей, монотонный шум мотора, тёплые поручни под ладонями: нет, лучше этой экспедиции у меня давно уже ничего не было.

Энергичное позвякивание за спиной. Это Птахин готовит завтрак. Умиротворяющая атмосфера июльского утра так тонко даёт себя прочувствовать во многом благодаря тому, что нас здесь только двое.

Конечно, своё очарование есть и в крепкой компании, но всё же там, где больше двух, нельзя так почувствовать другого, так сродниться с ним. В парных экспедициях бывают моменты, когда человек подлинно раскрывается. Начинаешь понимать напарника без слов и даже взглядов.

Разумеется, такая гармония возможна только если напарник - настоящий друг. Хорошо, что у нас с Птахиним именно так дело и обстоит.

* * *

После скупого мужского завтрака мы подготовились к высадке, и около десяти пристали к берегу. Я закрепил катер, привязав трос к двум сросшимся ивам, а Птахин тем временем перенёс пожитки на землю. Наконец с тросом покончено, мы взваливаем на плечи рюкзаки.

Я уж повернул к лесу, как вдруг - оклик.

- Ты что? - вылупился на меня Птахин, - надо же Шу подождать.

- Чего? - сморщился я, - какое ещё «шу»?

Он не успел объяснить, - в тот же миг из трюма раздались глухие шаги, а мгновением позже на палубу вылез упитанный бритоголовый китаец с необъятным чёрным рюкзаком за спиной.

- Это ещё кто? - севшим голосом спросил я напарника, впервые в жизни не веря своим глазам в буквальном смысле слова.

- Как «кто»? - непонимающе посмотрел Птахин, - Это же Шу, наш наладчик.

Шу тем временем, перемахнув через поручни, ловко спрыгнул с тяжёлой ношей на песок и, выпрямившись, встал перед нами.

- Я готов. - сказал он с ломовым спокойствием в раскосых глазах.

- Какой ещё наладчик? - я едва не сорвался на крик, - Что это за человек? Откуда он взялся?

Во взгляде Шу стрельнуло недоумение. Птахин нахмурился, потом

хохотнул и хлопнул меня по плечу:

- Ладно, Вить, хорош шутки шутить. Пора уже топать.

Я стоял как вкопанный, ошарашенно пялясь то на напарника, то на этого невесть откуда рухнувшего «наладчика». Пауза затянулась, и Птахин, поёживаясь под рюкзаком, криво улыбнулся:

- Ну что, Вить, пойдём мы сегодня куда-нибудь?

Я развернулся и зашагал к лесу, взбираясь по отлогому берегу. Птахин и этот, возникший из ниоткуда Шу, топали следом. Заросли приняли нас. Солнце сквозь прорехи в листве тысячами лучиков пронзало лесной сумрак, высвечивая перистые ладони папоротников, мохнатые веточки можжевельника, хрупкие стебельки бересклета... Речка с катером остались позади. Идти оказалось легко, но мне уже было не до гармонии с природой: я пытался понять, что происходит.

Откуда могло появиться это китайское чудо-юдо в моей экспедиции? Конечно, в катере поместилось бы при желании и пятеро, но всё же как он, при своих-то габаритах, умудрился прятаться двое суток? Ведь я даже ничего не заметил! А мы до того ещё летели на вертолёте... Невероятно!

Ну ладно, допустим, прятаться Шу мог.

Но зачем?

Я вслушался. За спиной монотонно бубнит Птахин. Рассказывает истории, на это он мастак. Истории занятные, но редко со смыслом. А Птахин ждёт отклика, постоянно что-то спрашивает, вроде: «а как ты думаешь, ловко ему, с гвоздём-то в голове, было?» Обращается к нам обоим. Я-то, погружённый в мысли, отвечаю универсальным «угу», а вот Шу, напротив, следит за сюжетом и даже вставляет реплики. Явно, что они знакомы не первый день.

Значит, это Птахин протащил сюда китайца. Зачем? Наладчик... вообще, хороший наладчик в экспедиции не помеха, но прежде мы и сами справлялись. Если уж Птахин решил нынче подстраховаться, отчего бы не сказать мне? Вышло бы по-людски... И парню не пришлось бы двое суток преть в трюме среди рюкзаков, приборов и мусора. Да, с Птахины станется такой прикол выкинуть. Ладно, присмотрюсь к этому Шу. Если и впрямь человек толковый, может, и к лучшему, что он появился. А с Птахиным надо будет как следует поговорить на привале. Всё-таки подобные сюрпризы лучше приберечь для дня дураков. А то прямо безобразие какое-то: взял человека, не сказавши, а потом на тебе, как чёрт из табакерки: «давай подождём Шу»...

* * *

До обеда прошагали шесть километров. Лес сухой, идти - одно удовольствие. Можно бы пройти и больше, но спешить незачем. Подыскав подходящую опушку, я дал сигнал остановиться. Рюкзаки отлипли от спин и один за другим повалились к стволу высоченного дуба, широко раскинувшего кряжистые ветви.

Не сговариваясь, каждый занялся делом: Шу, наломав веточек, принялся

за костёр, Птахин приволок из зарослей пару брёвен для сидения, а я полез в рюкзак за консервами и, расстелив клеёнку, стал готовить обед - была моя очередь. Тут уж и разговорились как следует. Когда Птахин пошёл к ручью за водой, мы с Шу легко продолжили непринуждённую болтовню. В какой-то момент, склонившись над бутербродами и морщась от дыма, я поймал себя на том, как быстро привык к этому внешне замкнутому, но на самом деле отзывчивому и добродушному здоровяку. Словно мы знакомы уже лет пять.

Я боялся, что пищи будет маловато на троих, но, глянув в рюкзак, убедился, что припасов хватило бы на целую ораву. Странно, что я набрал столько провианта. Впрочем, всё к лучшему.

Костёр трещал на славу. Брёвна легли на оптимальном расстоянии от огня. Две кривые рогатины торчали справа и слева. Птахин наливал воду в кан. Шу подкидывал веточек, кормя весёлое пламя. Я, покончив с овощами и консервами, осторожно перенёс снесь и клеёнку к брёвнам.

И вот - первая трапеза на природе. Сидя вокруг беспокойного пламени, жуём бутерброды, запиваем недурным греческим вином, откуда-то взявшимся у Птахины, и травим анекдоты, глядя как пузырится в кане вода и как огненные языки вылизывают черное днище. Лес шумит, вода булькает, угольки потрескивают - идиллия. Я высыпал сухой суп и прессованную вермишель в кипящую воду. Птахин снова начал наполнять заветной красной жидкостью пластмассовые стаканы. После очередного тоста за успешность экспедиции, замечаю, что дрова-то на исходе.

- Сейчас Тоэрис притащит. - говорит Птахин, - давно уже за ними пошёл.

- Да уж, что-то он совсем запропастился. - качает бритой головой китаец, подхватывая очередной бутерброд.

Мы дружно засмеялись. Это известная у нас в конторе шутка - свалить нежелательную работу на несуществующего человека. Но смех застрял у меня в горле.

Под стволом дуба-великана я вдруг различил четыре рюкзака.

И тут же - шорох в зарослях. Справа.

- А вот и Тоэрис. - прокомментировал Птахин, откусывая огурец.

Я оцепенел, слушая, как нарастает шорох. И вот, с раздражённым пыхтением, из лесу вышел огромный ворох веток с обтянутыми джинсой ногами. Недопитый стакан выскользнул из моей руки и покатился по траве, выпуская остатки вина. Ворох веток приблизился и с громким треском свалился наземь, открывая высокого кучерявого молодца явно южных кровей с чёрными глазами и массивным, горбатым носом. Нервно отряхнув джинсовку от щепок, травинок и комочков земли, парень перешагнул бревно и примостился рядом с Птахиным.

- Тебя хоть за смертью посылай. - проворчал тот, наливая кучерявому гостю.

- Я два раза навернулся в этом проклятом лесу, пока шёл! - у Тоэриса оказался высокий, визгливый голос, - И каждый раз собирал эти проклятые

ветки!

Птахин криво усмехнулся, наливая Шу. Бритоголовый наладчик сощурил узкие глазки и изрёк:

- Тяжело в учении - легко в бою.

Новопришедший скорчил мину и промолчал.

- Вить, давай стакан! - обратился ко мне Птахин с полупустой бутылкой в руке.

Стакан мой укатился к костру и теперь корчился от жара пламени. Геенна в миниатюре. Руки, словно ватные, сами упёрлись в бревно, я медленно встал, развернулся и, не чуя под собою ног, потащился в лес, еле выдавив два слова:

- Скоро вернусь.

- Смотри под ноги, а то кое-кто туда уже сходил. - напутствовал Птахин.

Шу громко хмыкнул. Странный незнакомец закашлялся и проворчал:

- Проклятый дым!...

Зайдя в заросли, я обессиленно упёрся в ствол ближайшей липы. В голове гулко стучало в такт ударам сердца. Лёгкие с шумом выпускали воздух. Что-то неладное творится с этим миром. Или с моей головой.

На миг ужалила мысль, что всё подстроено. Козни Птахина... Но нет. Мой рюкзак с кучей провианта укладывал я сам, и место для привала тоже выбрал я сам. На сотни километров вокруг ни одного человеческого жилища...

И всё же подозрения вернули мне силы. Я решил проследить по лесу след этого Тоэриса. Метров тридцать мне это удавалось, но затем пошла твёрдая земля со слоем прошлогодних листьев и вспученных корней - тут след терялся.

Вернувшись, я опустился в густую траву с края опушки и попытался незаметно подползти к моим спутникам со спины. Рубашка и брюки вымокли сразу, - наплевать. Я был напряжён до предела. К счастью, удалось подобраться незамеченным - а то иначе как бы я объяснил свои ползки? Скрываясь за дубом, мучимый смутной надеждой на разгадку, пусть даже самую страшную, я прислушался к негромким голосам, что доносились сквозь треск горящих веток и шипение кана.

Разговор шёл ленивый, неспешный и беспредметный. Про меня заговорили лишь однажды. Шу выразил беспокойство о том, что я, дескать, выгляжу сегодня как-то необычно (как будто он меня видел раньше!). Птахин ответил, что я, наверное, переживаю на счёт работы, и посоветовал китайцу не слишком налегать на бутерброды. Смех. Затем речь зашла про саму работу, причём каждый был в курсе дела. Тоэрис с ностальгией вспомнил двухдневное путешествие на катере. Шу поддержал его словами о белоснежных лилиях и розовых облаках в колыхающейся водной глади...

Я в ужасе схватился за голову.

* * *

До вечера мы прошли ещё километра четыре, делая иногда

пятиминутные привалы. Один раз пересекли по бревну маленькую лесную речку. Ребята позади бурно общались, основным болтуном, как всегда, был Птахин. Из разговора я уловил, что Тоэрис, по-видимому, наш стратиограф. Я брёл впереди и тупо следовал стрелке на мониторе навигатора, целиком погрузившись в себя, силясь вспомнить, сопоставляя и боясь делать выводы...

Мать часто советовала в сложных ситуациях слушать сердце. Кажется, она подхватила эту фразу в каком-то сериале. Сердце твердило, что я нормален, что это вокруг что-то творится неладное... А гуру Раджни писал, что и сердце может лгать...

Тяжело признаться, но всё шло к тому, что у меня психическое расстройство, необычное нарушение памяти, из-за которого я не помню и до определённого момента не воспринимаю других членов экспедиции. Хотя, быть может, лишь для меня оно необычно, а какой-нибудь жирный мозгоправ в Городе сразу бы прошамкал пухлыми губами: «типичный случай».

Невероятно, но мне в самом деле стало легче, едва я допустил, что с головой у меня не в порядке. Я принял это как гипотезу и стал работать с ней.

Если так, то что делать? Разумеется, нельзя дать понять это другим членам экспедиции. Я всё-таки её возглавляю. Если ребята узнают, то могут и назад повернуть, заботясь обо мне. А тогда всё - ярлык «душевнобольной» до конца дней. Этого допустить нельзя. В том, что касается цели, мои ум и память работают идеально. Так что сейчас главное - успешно выполнить задачу и вернуться в Город, а там уже можно будет конфиденциально заняться головой...

Если это временное нарушение психики, то за несколько курсов его можно преодолеть. Да уж, я не пожалею денег на увальней в психиатрических кабинетах. Пусть хоть всё высосут из моего кошелька, лишь бы мне вернуться в строй!

Хуже, если это признак какой-то психической болезни. Насколько я слышал, ни одна психическая болезнь до конца не лечится. Сознание столь тонкий и сложный механизм, что стоит ему раз капитально сойти с рельс, и уже обратно встать на них невозможно.

Ладно, не будем о грустном.

Очнувшись от тяжёлых мыслей, я заметил, что спутники умолкли и сзади раздаётся лишь шорох шагов, треск сучьев, да громкое дыхание. Один Тоэрис, спотыкаясь, сыпет проклятьями. Устали. Да и мои мышцы постанывают об отдыхе. Отшагав ещё метров пятьдесят, я присмотрел сносную поляну для ночлега с небольшим лесным озерцом поблизости.

Всё!

Я скинул рюкзак и плюхнулся рядом.

Ребята с облегчением последовали моему примеру. Только крепыш Шу нашёл в себе мощи сразу же заняться костром. Птахин сел на кочку и, стянув

рюкзак, начал в нём лениво копать. Тоэрис притащился последним и даже не пытался сделать вид, что чем-то занимается. Просто рухнул куда пришлось и со стоном вытянул ноги. Аристократическое лицо стало красным, а кучерявые волосы взмокли от пота и превратились в чёрные сосульки. Уже один вид его навевал уныние.

Немного передохнув, мы тоже принялись за дела. Я вытряхнул на траву консервы для ужина. Птахин по частям извлёк из рюкзака палатку. Тоэриса, не смотря на его причитания, снова послали за дровами. Ещё было светло, до заката не меньше двух часов. С середины поляны раздался треск - стоя на коленях, Шу ломал палочки, складывая из них «шалашик» для костра. Едва я склонился над консервами, как слышал шаги и, вздрогнув, вскинул взгляд.

Птахин.

- Слушай, Вить! - озабоченно глядит на меня, - Ты себя хорошо чувствуешь?

- Нормально, Птах... Только вот притомился что-то... Перенервничал, видно... Мало спал сегодня...

- И то правда! - рьяно закивал друг, - Но ты, знаешь... Отдохнул бы, а?

- Как это?

- Да так. Расслабься. Мы с ребятами сами управимся. А поужинаем вместе.

- То есть, все будут делом заняты, а я - сидеть?

- Не хочешь сидеть - прогуляйся. Серьёзно, Вить. Здесь ведь не до гусарства. Завтра будем на объекте. Надо, чтоб все были в форме.

Мне надоели пререкания и, кивнув Птахину, я и впрямь пошёл прогуляться. Что и говорить, а умеет он сказать то, что мне хочется услышать. Отдохнуть-то и впрямь неплохо.

Заросли были столь благородны, что мало чем отличались от английских запущенных парков. В воздухе клубились тучи мошек и комаров, но антимооситный аэрозоль надёжно отбивал у них интерес ко мне. Сквозь листву просвечивали багрово-золотые башни облаков на темнеющей предзакатной лазури. Зрелище великолепное, но сейчас мне было не до неба. Немного пройдя, я приметил просвет меж деревьями и, двинув туда, оказался на соседней поляне. Тут росли высокие кусты с ярко-синими ягодами.

Я захотел было сесть помедитировать, но вовремя спохватился. Ведь процесс ещё может быть не завершён! А вдруг в экспедиции есть и другие участники, незамеченные мною? А вдруг кто-то из них стоит сейчас рядом? Мне стало не по себе. Я невольно огляделся, шаря взглядом по пустой поляне.

Да, так и до паранойи недалеко. Надо бы как-то узнать, сколько же всего участников в экспедиции. Но как? Не спросишь ведь прямо! Голова уже начала гудеть от напряжения.

На мгновенье мелькнула дикая догадка, что всё как раз наоборот: это моё воспалённое сознание создаёт «дополнительных» участников.

Вспомнился вдруг серый коридор, пыльное окно с видом на гудящий

проспект, и бородатый Серёга из «картографии». Перекур. Разговор зашёл о мантрах, и тут Серёгу словно переключило. Начал мне вкручивать, будто за этими именами индийских богов стоят демоны. Я ему втолковываю, что мантра - лишь способ очищения ума. Мантрой могут быть имена и древнеегипетских богов, да и вообще любые слова или фразы, слоги, и просто звуки - вся фишка в том, чтобы через их повторение вытеснить лишние мысли из головы. А он мне в ответ: мол, просто слогов или звуков не бывает. Всякий звук или слово при повторении в бессознательную пустоту может оказаться призывом. И неизвестно ещё, кто отзовется из пустоты и какое чудовище может пробудить этот зов.

Забавный Серёга. Я ведь и сам когда-то был таким... Потом уже как-то всё устоялось. Помню, смешными казались эти речи в прокуренном коридоре. А теперь вот что-то серьёзное шевельнулось внутри. После всего, что я пережил сегодня, мне уже ничего не кажется невероятным.

Если я проверял другое, почему бы не проверить и это?

Я ещё раз внимательно огляделся - никого. Тихо.

Крадучись пересёк поляну. С каждым шагом сердце всё больше распаляется тревогой. Замер перед кустами. Закусил губу. Снова глянул по сторонам. Никого. Узкие листья передо мной неподвижны, как и синие шарики на тонких стебельках: А дальше - тень, темнота. Набираю в грудь побольше воздуха:

- Эй! Кто там?!

Тишина. Только комары вокруг гудят, да листва шелестит сверху. Во рту пересохло. Вдох-выдох. Ещё раз, в тень, громче:

- Выходи давай! Живо!

Опять тишина.

И тут в тени что-то зашевелилось. Послышался звук застёгиваемой молнии, недовольное кряхтение, и кусты стали раздвигаться. Я в ужасе отпрянул. Дыхание перехватило. Руки упали и безвольно повисли как плётки.

Из листвы вылезла голова седого, гладко стриженного старика в старомодных очках, а секундой позже на поляну вышел он весь, в ярко-синей куртке и потёртых брюках.

- У Вас своеобразное чувство юмора, Виктор, если Вы находите это забавным. - сухо обронил он, - неужто Вам целого леса мало?

Вздёрнув подбородок, он повернулся и заковылял в другую сторону.

- Кто Вы? - невольно вырвалось из меня.

Звук моего дрожащего голоса был столь слаб, что я и сам едва уловил его, но старик расслышал. Остановился. Обернулся, и снисходительно скривил губы:

- Мы все - лишь символы того, что есть на самом деле.

- Что?

- Я - гидрогеолог этой экспедиции, Виктор. Доктор С.Т. Гор. Мы познакомились ещё в Городе две недели назад. Уж меня-то Вы могли бы запомнить.

Повисла пауза. Старик упёрся в меня пристальным взглядом:

- У Вас ведь амнезия, не так ли?

Словно ледяные пальцы сдавили мне сердце. Не отводя взгляда, я заставил онемевшие губы выговорить:

- С чего Вы взяли?

- Вы спрашивали с утра, что здесь делает Шу. В полдень на вернувшемся к костру Тоэриса посмотрели как на призрак из преисподней. Теперь вот не узнали мою скромную персону... - старик надменно поджал губы, продолжая холодно разглядывать меня словно насекомое через микроскоп, - Что Вы помните, Виктор? Когда это случилось?

Злость закипела во мне. Но я сдержался. Не покраснел, не побледнел:

- Я тронут Вашим беспокойством, но оно не по адресу. Я в полном порядке.

- Правда? А не подскажите тогда, о чём я Вам говорил в первый вечер на катере?

Та-ак, следить за лицом! Приподнять левую бровь, губы вытянуть в улыбке:

- Это допрос?

- Конечно, нет. - доктор сухо усмехнулся, - Прошу прощения за бестактность. С Вашего разрешения, вернусь к коллегам.

- Пожалуйста.

Я отвернулся и посмотрел на кусты, из которых только что вылез очередной член моей экспедиции. Шаги старика стихли в том направлении, откуда доносился приглушённый хохот Птахина. Ужас и злоба одновременно терзали меня. Теперь я завишу от того, решит ли эта высокомерная развалина разболтать остальным, или нет. Откуда же он взялся? Почему именно здесь? Говорит так, словно я их позабыл, а на самом деле они все тут с самого начала. Но уж слишком невероятно совпадение:

А что, если Серёга прав? Сумасбродно, но... Будь что будет, лишь бы разобраться. Лишь бы знать наверняка!

Я снова склонился, едва не касаясь листьев щекою, и негромко, но чётко позвал:

- Эй, там! Выходи!

- Может, хватит на сегодня призывов в пустоту? - спросил кто-то сзади.

Я дёрнулся. На другом краю поляны стоял доктор Гор и внимательно смотрел на меня.

- Не бойтесь, я никому не скажу. - не дожидаясь ответа, он шагнул в заросли...

* * *

Этой ночью я никак не мог заснуть. От супа из рыбных консервов, приготовленного Шу, тошнило. От винного перегара, стоявшего в нашей палатке, было нестерпимо душно. В другое время я бы, конечно, вылез на свежий воздух, но в настоящем моём положении никак нельзя выделяться. Именно поэтому я вместе со всеми сидел в темноте у костра и через силу пел

песни, именно поэтому проглотил стряпню Шу, именно поэтому пил вместе со всеми набившее оскомину вино, надеясь, что опьянение принесёт хотя бы временный покой от мыслей. Тщетно. Лишь голова тяжелела, словно наливаясь свинцом, да казалось, что темнота вокруг костра, поглотив моих спутников и оставив одни голоса, становится всё чернее.

Ум и чувства пребывали в таком напряжении, что алкоголь почти не пьянил. А других развезло порядочно: язык Птахина, распевавшего всё более похабные песни, совсем заплёлся и пение перешло в мычание. Шу объелся супом и постоянно икал. Тоэрис плакался мне, что он никто, и что какая-то Ида не отвечает ему взаимностью. Отличился даже доктор Гор - пытаюсь встать, спесивый старик, отяжеленный выпитым, завалился на спину, и никак не мог подняться; время от времени он звал кого-нибудь на помощь, но ответом были лишь взрывы хохота с нашей стороны.

В общем, для научной экспедиции пьянка случилась невообразимая. Прежде бы я нипочём не допустил подобного безобразия. Но теперь привлекать к себе внимания не мог. Самым мерзким оказалась необходимость подстраиваться под всеобщее безумие: я был вынужден икать как Шу, мычать вместе с Птахиным, отвечать заплетающимся языком на рыдания Тоэриса и ржать над жалким Гором.

Тьма и тусклые отсветы пламени на искажённых лицах, хохот и алые угли под мятущимися языками огня - всё навевало стойкие ассоциации с христианским адом. Наконец, дрова кончились, костёр погас и мы наощупь расползлись по двум палаткам. Я оказался вместе с Птахиным и Тоэрисом. Птахин захрапел почти сразу, а из угла Тоэриса ещё долго доносились всхлипыванья и приглушённые проклятия. Я надеялся, что смогу успокоиться, оставшись наедине с мыслями, но этого не произошло. Духота, мерзкий перегар, храп Птахина, колючий спальник, вкус рыбных консервов - бесило решительно всё.

Я изо всех сил пытался вспомнить хоть что-то об этих людях. Но память, напротив, словно крошилась под волевым напором: я уже не мог точно сказать, плыли ли мы изначально вместе с Шу, а потом появился Птахин, или было наоборот.

Наконец, уже под утро, я всё-таки забылся беспокойным сном. Странные образы виделись мне. Росток, распустивший над влажным чернозёмом первые зелёные листочки. И красочные, цветастые сорняки, один за другим вылезавшие со всех сторон. Они росли неестественно быстро, и их непроглядная тень накрыла маленький всход...

* * *

Разбудил меня бархатистый, насмешливый женский голос:

- Кажется, джентльмены не собираются сегодня вставать...

Я вскочил с выпученными глазами. Ещё бабища какая-то на мою голову! Когда же всё это кончится?! Она была снаружи, совсем рядом с палаткой. Выбравшись из спальника, я натянул ботинки и полез к выходу, переступая через дрыхнувших Птахина и Тоэриса.

Утреннее солнце ослепило, а свежий воздух одурманил. Поляна блестела от росы. На бревне у пепелища сидел Шу и ковырял пальцем в банке из-под консервов. Распрямившись, я обернулся к обладательнице удивительного голоса и остолбенел:

такой красоты я ещё не видел.

Стройная фигурка, воздушные пепельные волосы убраны назад, холодный и насмешливый взгляд ярко-зелёных глаз, густые, изогнутые дугой брови, прямой и тонкий носик, и, наконец, сложенные в холодную улыбку нежные губки, которые и обронули слова приветствия:

- Хорошо ли Вам спалось, Виктор?

- Спасибо, хорошо. - ответил я, не отводя ошеломлённого взгляда.

- Мне повезло, что я ночевала на соседней поляне. - продолжила незнакомка с той же лёгкой насмешкой во взгляде, - Такого шабаша я давно не слышала.

- Простите за беспокойство. - выдавил я, - Обещаю, что впредь подобного не повторится.

- Спасибо, что обнадёжили. - красавица наградила меня сдержанной улыбкой и обжигающим взглядом, а затем направилась к лесу.

Шу, пряча вылизанную банку, встрепенулся:

- Ида, может, ещё воды принести?

- Нет, благодарю. - и она, изящно склонив головку, вошла в заросли.

Только тут я понял, как ужасно выгляжу - невыспавшийся, грязный, непричёсанный. Раздражённо тряхнув головой, я зашагал к пруду и бросил на ходу Шу:

- Поднимай всех. Пусть приводят себя в порядок, собирают рюкзаки и палатки. Через полчаса выходим.

- А завтрак?

- Съедим по дороге. Иначе не успеем.

* * *

Когда я вернулся, мои распоряжения и не думали выполняться. Растрёпанный Тоэрис, сидя на бревне, апатично наблюдал, как Шу нарезает батон на куски и жадно глотает их один за другим. Птахин бродил с безумным взглядом и просил у всех чего-нибудь от головы, пока я не напомнил, что аптечка у него в рюкзаке (ещё у кого из нас амнезия!). Один доктор Гор, презрительно поглядывая на остальных, с демонстративной энергичностью скатывал свою палатку.

Конечно, не через полчаса, но минут через сорок мы продолжили путь. До объекта было километра три. Настроение моё поднималось всё выше. Разумеется, благодаря тому, что за мною следом, а иногда даже рядом изволила шествовать наш фотограф - восхитительная и неприступная Ида. Наконец-то у меня появился гораздо более приятный предмет размышлений, чем прежде. И это было превосходно.

Ноги мои едва касались земли рядом с нею, сердце трепетало и пело как в пору давней юности. Я болтал без умолку, рассказывая то о различии

даосской и йогической медитации, то о буддийских коанах. Собеседница слушала со сдержанной, даже снисходительной улыбкой, но взгляд её загадочных глаз не скрывал заинтересованности и это распалило меня всё больше. Я и представить не мог, что во мне может подняться такой вихрь нежных чувств - с моим-то жизненным опытом!

Я забыл рядом с ней про всё. Словно одержимый, жадно ловил каждый взгляд, каждый жест, каждый звук её изумительного голоса. Меня пьянило от счастья находиться рядом. Положительно, за всю жизнь я не встречал подобной женщины! Единственное, что удивляло, - как меня угораздило целых два дня не воспринимать такое чудо рядом с собой?

Но вскоре я и об этом перестал думать.

Три километра до объекта я пролетел как на крыльях. Насчёт остальных не знаю. Меланхоличный Тоэрис поглядывал исподлобья, да и толстячок Шу стал вдруг менее душевным, но оттого было ещё сладостней: пусть завидуют и ревнуют, им ничего не светит, светит мне!

Работа звала, и, погрузившись в неё, я испытал едва ли не сопоставимое блаженство. Родная стихия! Я всё помнил и знал, - что, когда и как нужно делать. Мои указания подхватывались на лету. Панибратство осталось у холодного кострища, теперь я - требовательный начальник, глава экспедиции. Впрочем, отдавая строгим голосом распоряжения Иде, я каждый раз задерживал взгляд в её лукавых и дерзких зелёных глазах.

Нужно признать, - все сотрудники работали отменно, каждый знал своё дело. Мы управились менее чем за два часа. И как это мне казалось, будто я могу совладать со всем в одиночку? Но ничего. Жизнь повернулась ко мне светлой стороной. Работа выполнена на отлично, а главное - я определённо встретил ту, к которой неосознанно стремился всю жизнь. Два неудачных брака, десятки романов - всё это были лишь поиски Иды. Теперь я знал точно. Интересно какая спутница жизни выйдет из Иды?

* * *

После короткого обеда прямо на объекте, мы собрались и повернули назад. Весь следующий путь я провёл словно в тумане, из которого ясными контурами выступала только одна фигура - очаровательной спутницы. Когда мы пересекали реку по бревну, я подал ей руку и её прикосновение обожгло мне сердце. После второго привала она уступила моим мольбам и позволила взять несколько её вещей в мой рюкзак. Подмигивания Птахина, снисходительные улыбки доктора Гора, косые взгляды Тоэриса и Шу - всё это сплеталось в обрамление портрета одновременно холодно и озорно улыбающейся Иды.

Да, впереди ждало счастье. Что же ещё? Вот-вот мы окажемся на катере. Я покажу ей, как озарённые солнцем облака отражаются в речной глади, как тоскливо склоняются к воде ивы, как лилии весело выглядывают из листвы... А там уже моя рука невзначай ляжет на её руку и...

Ида шла рядом, смотрела на меня и улыбалась. Я пел очередную оду её совершенству. Со стороны это должно было выглядеть как характеристика

проделанной работы. Я уже и думать забыл про странности с памятью. Больше никто не появлялся. Видимо, локомотив моего сознания вернулся на рельсы и бодро заколесил вперёд. Даже не надо и к мозгоправам идти. Да, был инцидент, но всё утряслось. Всё отлично.

Уже смеркалось, когда мы наконец ощутили долгожданный запах реки. Это вызвало прилив сил и через полчаса мы вышли точно к тому месту, откуда сошли на берег. Красавец катер ждёт нас. Радостные крики, смех. Рюкзаки полетели на борт, затем все стали подниматься. Я предложил Иде помощь, но та с гордой улыбкой отказала и проворно поднялась сама. Последним залез Птахин, попросив меня отвязать трос. Я бодро побежал к сросшимся ивам - ведь на меня смотрела Ида. У деревьев я начал распутывать собственные узлы, как тут за спиной раздался хлопок, словно щёлкнула мышеловка, и натянутый трос обмяк. Я глянул назад. Трос оборвался.

Точнее, его обрезали! Лучи заходящего солнца высвечивали длинное лезвие кухонного ножа в руке улыбающегося Птахина. Катер отдалялся от берега, а все мои подчинённые стояли на палубе и с недобрыми улыбками глядели на меня.

Я бросился к воде, не веря глазам:

- Что за шутки, Птах?

- Никаких шуток, Вить! - весело ответил он, - ты же сам знаешь, что на катере больше пяти человек не поместится.

Катер уплывал всё дальше.

- Кто Вы? - невольно вырвалось из меня.

Звук моего дрожащего голоса был столь слаб, что я и сам едва уловил его, но на палубе расслышали.

- А то ты не знаешь... - ответила глубоким бархатистым голосом Ида, показав в обворожительной улыбке острые жемчужные зубки и задорно мне подмигнула...

* * *

Заработал мотор. Катер уплывал всё дальше и дальше, и фигуры стоящих на палубе становились всё призрачнее, теряя очертания в лучах пламенеющего заката. На берегу оставалась одинокая фигурка человека, растерянно опустившего руки среди сгущающегося сумрака бесконечного леса.

Узник

Когда твоего соседа выводят на прогулку, в камере случаются удивительные моменты тишины. Лежишь в такие минуты и пялишься в звёздные россыпи за иллюминатором. Даже дышать боишься - лишь бы тишину не спугнуть. Кажется, вот-вот откроется тебе небывалая тайна. Но возвращается сосед, и наступает мой черёд выйти в коридор под конвоем, чтобы четверть часа бродить вокруг оранжереи. И тайна откладывается до

следующего раза.

Самое тяжелое здесь - одиночество.

Конвоиры, надзиратели, санитары - все роботы. Где-то в глубине этого выдолбленного астероида должны быть настоящие люди - операторы. Ну и, конечно, начальник тюрьмы - человек. Его я видел лишь однажды, в тот день, когда меня доставили сюда. Помню, «вертухи» долго заставляли петлять по коротким лестницам и длинным коридорам.

Впечатление угрюмое. Вокруг всё симметричное, гладкое и холодное. На стенах - пластик болотного цвета. Пол металлический. Гулко отзывается на шаги человека. Шаги с непривычки рваные - из-за пониженной гравитации. Воздух благоухает розами. Но сквозь дешёвые ароматизаторы в ноздри бьёт маслянистая химическая вонь.

Повсюду кишат стальные многоножки размерами от мухи до коня. Тогда меня это поразило. Они носились туда и сюда, гудели, ползали по стенам и потолку. Будто я угодил в город роботов, мега-улей, живущий собственной жизнью, и надзор за людьми здесь сродни лёгкому хобби вроде разведения цветов.

Кабинет начальника показался островком человечности. И сам он, за столом. Сухонький такой мужичок, сутулый, с залысинами. Щёки обвислые, паутина морщин возле усталых глаз. Скучным голосом зачитал приказ о моём заключении, лишь однажды скользнул взглядом по мне. Для него - давно опостылевший, но неизбежный ритуал.

И всё-таки это был настоящий человек!

Может, последний, которого я видел.

Есть, конечно, сосед. Да только кто поручится, что он - не «кукушка»? Про «кукушек» мне Кис растолковал. Мой первый сокамерник. К нему меня подсадили.

- Андроиды такие. - цедил он, с кошачьей усмешкой разглядывая меня, - Начальство подселает иногда, чтобы разболтать нашего брата. Напрямую прослушивать им Конвенция запрещает. А через личный разговор с осведомителем, - пожалуйста.

Он мне тогда много про этих «кукушек» наговорил. С ними надо держать ухо востро. Они так и ищут особые обстоятельства старых дел или материал для новых.

На самом Кисе висело пожизненное, и его опасения не шибко трогали.

Вообще забавный был дядька. Всё любил, во время выхода на прогулку над «вертухами» поиздеваться. Их убогий процессор обычно не распознавал шуток, но иногда они понимали и отвечали коротким высоковольтным разрядом. Корчась на полу от боли, Кис блаженствовал. Он полагал, что так ему отвечают через терминал настоящие, человеческие охранники. Какое-никакое, а общение...

* * *

Сейчас мой сосед - Содом. Здоровый детина, еле на койке уместается. Когда знакомились, представился хакером. Но что-то сомневаюсь, что такие

бицепсы можно накачать за клавиатурой.

Содом, как обычно, пялится на свою любимую заставку - городская улица.

Ещё можно посмотреть полянку в хвойном лесу, пляж с пальмами, заснеженные горные склоны, каньоны Марса, лунный пейзаж и прочее, всего 24 заставки - вроде немало, но быстро приедается. Как и любая ложь. А вот на звёзды я смотрю уже третий год. И не устаю. Потому что они - настоящие.

А Содома цепляет улица. По ней, мол, баба какая-то проходит, похожая на его невесту.

- Щас пойдёт! - сообщает он мне, возбуждённо потирая ладони.

Я не поворачиваюсь. И так уже насмотрелся, в голове свербит эта картинка, - сначала промчит паренёк на старинном велосипеде. Потом выйдет старуха в жёлтом плаще. А потом...

- Во! Вот она! Зырь, Локи!

Как же он меня задолбал! Невольно приподнимаюсь и гляжу в сотый раз, как длинноногая блондинка, мотая задницей, пересекает экран-иллюминатор. Содом блаженствует, - глаза блестят, улыбка идиота. И так ещё час, пока всё не повторится. А потом ещё...

Андроид хренов!

Из всех моих сокамерников он - самый подходящий. То молчит полдня, то вдруг с разговорами полезет. Движенья ломаные. Смех ненатуральный. Зверский храп по ночам. Да ещё заставка эта. Какая-то пародия на человека!

* * *

Темнота. Отбой. Содом храпит. Вновь задумчивые белые россыпи на иссиня-чёрной пустоте. Наконец-то выключилась эта лживая городская химера! Ненавижу! Все настоящие дни, утра и вечера остались в прошлой жизни. Теперь под покровом вечной ночи мы бесконечно падаем в звёздную бездну. И - всё.

Тяжело, когда поговорить не с кем.

Память - незаживающая рана. Неотвязная и мучительная, как зубная боль - всё саднит и ноет и точит, как червь, доводя до иступления.

* * *

Сегодня Содома отселили. Мы повздорили из-за проклятой заставки. Сжал он кулаки, на меня бросился, да так и растянулся на полу - с парализующей стрелой в шее. Программа-зритель своё дело знает.

Когда стальные санитары выносили размякшего здоровяка, с тоской подумалось, что, наверное, Содом всё-таки был настоящим. Ладно. Может, со следующим повезёт больше.

Я лежу один и слушаю тишину. Снова звёзды за окном. Но уже ясно - тайна и сегодня ускользнёт от меня.

* * *

Следующий, как зашёл, сразу с порога:

- Григорий. Осуждён за тройное убийство.

Во как! Сразу на откровенность вызывает? Присматриваюсь. Высокий,

стройный, молодой. Выправка будто военная. Черты лица правильные до жути. Глаза синие, волосы светлые. Ни дать, ни взять - манекен!

Бросив узелок на койку, первым делом оторвал он пуговицу и ну давай скрести по стене. А ему - тут же разрядом по руке. С грохотом валится на пол. Ага, а ты думал, почему здесь других надписей нет? Но нет, гляди-ка, подымается и снова к стене, доводит вертикальную полосу. И снова молния с низкого потолка, и снова летит он на пол. Лоб сверкает от пота, лицо перекошено. С хрипом поднимается и опять к стене. Вот упрямец! Успевает чиркнуть горизонтальную чёрточку, прежде чем третий разряд отшвыривает его вновь.

Глядит на меня снизу. Тяжело дышит. Улыбается. Теперь у него над койкой маленький крестик.

- Эй, ты что... верующий?

Он улыбается шире и рывком садится.

* * *

За обедом, хлебая безвкусное месиво, спрашиваю:

- Что ж ты, коли такой верующий, троих замочил?

- Раньше был как все. Слава Богу, что посадили, - только здесь я с Ним встретился.

Ясно. Кис злил «вертухи», чтоб добиться реакции операторов. Содом паялился в заставку, воображая свою подругу. Гришка вот думает, что с Богом общается. Тоска по настоящему. Каждый справляется с ней, как умеет.

Не слишком ли вычурно? А может, все они - «кукушки»? Пытается начальство ко мне то одного типа, то другого подсадить? Ну давай-давай, я-то уж ничего никому не скажу.

* * *

Концентрация зла здесь запредельная. Я чувствую, как злоба из соседних камер сочится сквозь стены и душит, и давит сердце изнутри и снаружи. Иногда я закрываю глаза, и мне видится, как от нашего астероида растекаются в стороны чёрные, пульсирующие разводы. Звезда зла источает лучи ненависти.

* * *

За несколько дней заметил - с Гришкой как-то полегче стало. Уж не программа ли какая его действует?

А впрочем, так ли важно, - «кукушка» он или настоящий? Если и андроид, то, наверное, сознание его списано с какого-нибудь реального человека? Почему бы не считать, что я общаюсь с этим человеком через матрицу андроида?

Интересно он умеет рассказывать. Про Бога своего, про молитвы. Вообще о жизни. Анекдотов много знает. Армейских.

Научил тут я его в «башню» играть - быстро схватил. Даже, пожалуй, слишком.

Гришка, оказывается, по специальности «диверсант» - за игрой проболтался.

Усмехаюсь:

- Ну, ты как диверсант, что скажешь: можно свалить отсюда? Чисто теоретически?

- Нет. - не колеблясь, уверенно.

И снова выиграл. Масть ему так и прёт. Всё же мудро мы решили без «азарта» резаться. Не то худо бы мне пришлось.

Сдаю.

- Значит, так и тухнуть нам в стальной конуре? Среди железяк, копошащихся словно вши в этом каменном трупке? Так и жрать переработанный мусор?

Глядя в карты, пожимает плечами:

- На воле люди и похуже живут.

Прищуриваюсь:

- Ни за что не поверю, что ты никогда не хотел сбежать.

Вскидывает взгляд. Глядит долго, с интересом.

- Однажды я мог. Не здесь - на пересылке.

Пауза.

- Ну и?

Отложил карты. С ногами на койку залез. Рассказывать приготовился:

- Когда уже готово всё было... в общем, сон мне приснился... особенный. Будто сбежал я. И жизнь прожил в бегах. И неплохо прожил. Но вот подошла она к концу. И, представляешь, Локи, вижу я свою жизнь всю-всю зараз, словно на одном листе. Вижу грех, за который сижу. И вижу, что для меня лучше было бы здесь за него отсидеть. А вот сбежал я - и сколько бы потом добра ни сделал, этой зияющей дыры греха не закрыть. Только отсидкой её закрыть можно было.

- Мутотень какая-то.

- Ну, это я, значит, неправильно объясняю. - поворачивается к иллюминатору, - Но тогда очень живо мне это в душу запало.

- И ты остался?! - тут уж и я бросаю карты, - Променять свободу на бредовый сон? Брешешь!

Снова он ко мне, глаза в глаза.

- А что свобода? Со Христом, - говорит, - я и в тюрьме свободен, а без Него и на воле тюрьма.

- Ну-ну! - усмехаюсь я, а про себя завидую.

Всё-таки что-то настоящее здесь чувствуется...

Страсть, как завидую! И не сплю следующей ночью, и гляжу, проницая темноту, на чёрный силуэт этого чудика. А он тоже не спит. Повернулся ко мне спиной и бормочет что-то себе под нос. И правой рукой всё обмахивается, словно комаров отгоняет.

Эх, сюда бы хоть одного комарика! Хоть какая живность... Пусть бы гудел себе всю ночь... Пусть бы кусал... Эх!

* * *

- Локи! Локи! Локи!

Кис, Содом и Гришка водят хоровод вокруг меня. Они срывают с себя ошметки плоти, раскрывая извивающиеся стальные скелеты. Глаза-диоды пылают красным светом. Они зовут, выкрикивая моё имя. Если отзовусь - превращусь в андроида. Мои руки сжимают рот. Только бы ничего не сказать. Только бы...

Челюсти против воли раскрываются.

Крик!

Просыпаюсь в поту.

* * *

Сегодня у нас событие - к Гришке пришёл священник. Оказывается, можно вызвать себе попа, иногда они облетают астероидные тюрьмы.

Интересный такой. Борода у него. Рыжая. Крест на груди. Одежда чёрная до пола, вроде халата. Долго они с Гришей шепчутся, я не подслушиваю, смотрю на звёзды в иллюминаторе. Гриша тоже звёзды любит. Говорит, мол, это - икона величия Божия.

Священник встаёт, Гришка кланяется и складывает ладони лодочкой. Сам так и светится. Конечно, ведь это настоящее. Эх, вот бы и мне... Постой-ка... А почему нет? Я вскакиваю:

- Отец!

- Да?

И тут в голове стреляет: «вот же «кукушка» - поп! Точно! Кому ещё арестанты всё выложат?» Застываю на полушаге.

- Я... ну... можно Вас потом... как-нибудь вызвать?

Рыжий бородач пожимает плечами:

- Направьте запрос на имя начальника. Во время следующего облёта Вас посетят - я, или кто-то другой.

- Спасибо.

- Не за что.

Дверь отходит сторону, выпуская священника в коридор. На душе коричневой накипью оседает досада. Откуда она взялась?

* * *

- Ну что ты лыбишься? Чего тебе твой поп наговорил?

- Он знает.

- Что знает?

- Что я не убивал.

У меня челюсть так и отпала. А этот сидит «по-турецки» и сияет как солнышко.

- Оговорили меня, Локи. Вот и сел я. А к нему на исповедь настоящий убийца приходил.

- И что теперь?

- Ничего. Так и буду сидеть.

- То есть как? А поп разве не донёс?

- Да ты что? Тайна исповеди! Ему нельзя. Но меня и то греет, что хоть кто-то знает, что я не убивал. И матери он моей написал анонимно.

Здорово-то как! Слава Те, Господи!

- Эй, а как же сон тот? Это что, всё гон был?

- Да нет, Локи. Есть мне за что сидеть. Другие грехи.

- Какие ещё?

- Ну... - запнулся. Глаза опустил, улыбка слезла, - Как-то залетела от меня... подруга одна. А я ей - твои проблемы, пошла вон. Испугался, в общем. Думал, что жизнь осложнять? Может, это и не мой ребёнок. А она вот... с моста и - всё. Нашли через несколько дней... - опять в стену смотрит, - Мне во сне том... она-то и показывала лист... с моей жизнью.

* * *

Тишина. Звёздные россыпи за иллюминатором. Гришка на прогулке. Непокойно. Что-то зреет внутри, как нарыв. Вот-вот прорвётся той тайной, что не даёт мне покоя уже два года.

И вдруг - словно вспышка в мозгу.

Разве Киса не стали чаще бить током, едва он мне свою методу рассказал? Разве не повысят срок Содому за то, что я спровоцировал его нападение? Разве не разговорил я только что Гришку на новую статью?

Я чувствую, как пальцы немеют. В висках стучит молот.

Не может быть! Нет!

Но разве не станет «кукушка» достовернее, если будет считать себя настоящим человеком?

Голова кругом. А может, всё-таки совпадение? Может, вообще никаких «кукушек» нет, а Кис всё выдумал?

Зубы впиваются в указательный палец. Боль! Сильнее! До каркаса! Нет!!!

Красные вмятины на месте укуса. Нет, не может быть так просто. Они должны были это предусмотреть. Все физические ощущения.

Как же быть?

Постой-ка! А что там Гришка про молитву бормотал? Если как следует, то почувешь отклик.

Только живой человек почувствует Бога. Железяка-то - нет.

Я сползаю с койки на пол. Меня трясёт. Падаю на колени. Взгляд мечется по стене. Вот он - крестик! По лбу стекает холодная капля. Уж я буду как следует! Если я настоящий... Как же начать? Как это делается? Если я настоящий...

Вдох - глубокий, судорожный.

- Господи! Если я есть, ответь мне...

Ветер перемен

Часть 1

Задумал как-то один старичок откусать колобка и говорит жене:

- Эй, старая! Испеки-ка мне колобка!

- Давно бы уж испекла, милый мой, да не из чего!

- Как это так не из чего? Быть того не может! Ну-ка загляни в кладовку, да поищи по-лучше!

Пошла старушка за послушание, затеплила в тесной и тёмной кладовке керосинку и впрямь наскребла в пустом мешке немножко мучицы - аккуратно на колобок. Помолясь, замесила она тесто, посолила, дрожжей, сахарку добавила, затем дров принесла, печку растопила, скатала колобок, положила на противень, загодя топлёным маслом смазанный, в печь поставила и заслонкой закрыла.

Вскоре избу наполнил приятный тугой аромат свежеиспечёного теста. Довольно побряхтывая, старичок слез с печи, подошёл к рукомойнику, по пути сделав замечание жене за то, что та уронила крышку кастрюли, тщательно вымыл руки, вытер их об полотенце, расправил бороду и пригладил волосы, после чего подошёл к столу, где старушка уже поставила две тарелки, солонку, вилки, нож, лучку зелёного положила и, наконец, сам колобок на блюде. Незадолго до этого колобок провёл некоторое время на кухне, где познакомился с окружающим миром и это знакомство произвело на него колоссальное впечатление.

Помолившись, супруги чинно сели за стол.

- Ух! Горячий-то какой! Уголь прямо! - воскликнул старичок, потрогав колобок рукою.

- Сейчас остужу, милый, одну минуточку! - тотчас отозвалась старушка.

Вскочив, прихватила она колобок и ловко перенесла его на подоконник, а окошко растворила.

И открылся тут перед взором Колобка изумительный вид. Он увидел огромный зелёный ковёр, на котором стояли здоровенные серые сундуки, под ними ходили удивительные существа, похожие на чайники, но с двумя ножками, некоторые из них были пёстрыми, остальные же - белыми. Одни из них сидели на ковре, а другие ходили по нему и неизвестно зачем тыкали носиками вниз. Среди них особенно выделялся один рябой чайник, ходивший вокруг сверкающего жёлтого яйца. Дальше за сундуками тянулось что-то большое и зелёное, к тому же неровное, как занавеска на хлебной полке, только как если бы её поддерживали снизу тысячи чёрных вилок. А над всем этим расстилалась восхитительно-голубого цвета скатерть, на которой - о чудо! - лежал огненный ослепительно-яркий колобок! От этого Колобку стало очень приятно, и хотя он и не знал точно, но что-то внутри подсказывало ему, что он несомненно родственен Огненному собрату.

Но не только буйство немислимых образов ошеломило Колобка, целая вереница новых звуков окружила его. Чайники на ножках издавали какое-то странное бульканье: "кудах-тах-тах!". Из дальнего сундука слышалось вдруг протяжное "Мууу", оно напомнило Колобку, как пламя гудит в печи, устремляясь в трубу и он решил, что в сундуке тоже, должно быть, стоит печка. Где-то вдалеке раздалось звонкое "гав-гав-гав!", очень похожее на звук, который издала крышка, выпавшая из рук Старушки и покотившаяся по полу. Почти сразу же из ближайшего сундука отозвалось ответное

"гав-гав-гав!". "Очень странно, что две крышки в разных местах упали одновременно" - подумалось Колобку, - "Ещё более странно, что Огненный Колобок висит сверху на голубой скатерти и не падает". Однако интуитивно Колобок подозревал, что в этом большом мире всё может быть устроено совершенно иначе чем в том, где он сформировался, и в этом тоже, очевидно, скрывалась какая-то своя красота.

Но больше всего Колобка восхитил ветер. Было необыкновенно приятно нежиться среди ласкового поглаживания ветерка и чувствовать, как все суматошные чувства в тебе постепенно остывают и успокаиваются, и в этом спокойствии величие и грандиозность окружающего мира постигается неизмеримо глубже и достовернее.

Но внезапно ветер налетел сильнее и...

Он ничего не почувствовал, кроме сильного удара (колобки не чувствуют боли), но вокруг всё как-то странно изменилось. Он лежал на плоском пространстве, покрытом чем-то вроде серой муки. Через какое-то расстояние это пространство кончалось и начинался безбрежный зелёный ковёр, только теперь его ворсинки казались много выше и необычнее, чем раньше. А справа возвышалась бугристая деревянная стена. Подняв взгляд по ней вверх, Колобок увидел над собой распахнутые створки окна и внезапно понял, что произошло: он упал с подоконника вниз, как та крышка на кухне свалилась на пол. Какое-то время Колобок подавленно размышлял над неприятной ситуацией, в которой он оказался. Как это, право, неожиданно и неприятно очутиться в подобном положении, да ещё тогда, когда он чувствовал себя в наиболее прекрасной форме для того, чтобы исполнить своё главное предназначение - быть съеденным. Колобок смутно догадывался, что произошедшее негативно скажется на его личных качествах, прежде всего вкусовых. Тем не менее он попытался успокоить себя мыслью, что как упавшую на пол крышку Старушка тотчас подняла, так и за ним вскоре явятся и заберут обратно на прекрасное блюдо и поставят на стол, где он сможет достойно исполнить смысл своей жизни.

Немного успокоившись, Колобок стал ждать. Как ни странно, ветра здесь, внизу, почти не ощущалось. Над Колобком прожужжало что-то маленькое и полосатое.

Шло время, но за ним никто не приходил! Волнение Колобка всё усиливалось, в какой-то момент он уже не смог сдерживать эмоций и они целиком захлестнули его. Что делать? Как быть? Неужто он останется здесь навсегда? Неужто и ему суждено сгинуть, как тому Куску Сыра, о таинственном исчезновении которого только и разговоров было среди обитателей Кухни? Должно быть, обед уже идёт полным ходом, люди принялись за лук с солью, а о нём забыли.. Или... они просто не видели, куда он упал? Может, именно сейчас его всю ищут там, внутри... Но ведь они не знают, что он упал сюда, в большой мир...

И тут Колобок принял очень важное решение, может быть, самое важное и ответственное в своей жизни. Он понял, что если люди не могут придти к

нему, то он сам должен придти к ним!

Самым сложным было сделать первое самостоятельное движение. Никогда до этого Колобку не приходилось делать ничего подобного: его всегда вынимал, переносил, ставил кто-то другой. Но он верил, что это возможно: ведь удалось же это в конце-концов тем чайникам, которых он видел из окна! Только сейчас Колобку пришла мысль, что, возможно, они тоже в своё время упали с подоконника и так и остались здесь, снаружи... Он испытал острый приступ жалости по отношению к этим несчастным. Но нет! С ним так не будет! Колобок что было сил напрягся - и вдруг получилось!

Оказалось, двигаться совсем не сложно: нужно только волевым усилием перемещать внутри себя центр тяжести, и таким образом катиться! Но куда? Оглядевшись, Колобок понял, что находится на свободном от ковра пространстве, широкой лентой тянущемся вдоль бугристой стены. Он решил двинуться к тому краю стены, который находился ближе к нему, полагая, что так скорее доберётся до цели. Он миновал угол с приваленным к нему разбитым корытом. Дальше серая лента поворачивала за угол и шла под уклон, повернул за ней и Колобок, и от неожиданно быстрого разгона у него так дух захватило, что на несколько мгновений он позабыл всё на свете.

Колобок, конечно, не знал, что именно в этот момент из злополучного окна чуть ли не по пояс высунулась Старушка, в огромном недоумении озирая окрестности...

Часть 2

Колобок катился по дорожке, наслаждаясь движением. Он снова чувствовал ветер. Фейерверк красок вокруг вскружил ему голову. Колобок полагал, что серая лента сама должна привести его внутрь, к людям (а разве могло быть иначе?) и потому не особенно наблюдал за происходящим, а просто двигался, предвкушая, как с минуты на минуту увидится вновь с дорогими ему кухней и столовой, с Солонкой, с Вилками и Луком... Перед его мысленным взором вставали светлые картины: как его положат на блюдо (а может, ему разрешат вкатиться самому?) и Лук-лежебока скажет: "Напарник, где ж ты был?! Мы тебя совсем заждались, я едва не увял, пока ты где-то там пропадал! Без тебя же никак нельзя начинать, сам ведь знаешь!", а он ответит так скромно: "Да, было дело, брат, угодил тут в переплёт, но теперь уж всё позади..." И вот тут Дедушка возьмётся за Нож и тогда...

Внезапно Колобок почуял неладное, но движенья не замедлил. Он катился уже порядочно, а внутренний мир всё не приближался. Справа и слева простирался зелёный ковёр со множеством белых, голубых и жёлтых крапинок, серая лента, по которой он катился, пролежала прямо и вела к той странной тёмно-зелёной гуще с чёрными вилками внизу, которую Колобок заметил ещё с подоконника (ах, как, казалось, давно это было!). Только теперь она поднялась, словно тесто и стала много больше, и уже не вилки, а

скорее чёрные ухваты были внизу, а тёмно-зелёное покрывало казалось теперь не единым и однородным, а разделённым на куски, намотанные сверху на ухваты. Всё это было бы интересным, если бы Колобок не ощущал всёвозрастающей смутной тревоги, что он катится не в правильном направлении и всё более удаляется от родимого очага. Но так ли это было на самом деле и если да, то что делать? Этого Колобок не знал и посему просто продолжал по инерции катиться в сторону тёмно-зелёной гущи, которая возвышалась всё больше и больше.

Наконец, она выросла до такой степени, что полностью поглотила его, Колобок оказался в сумрачном мире, вокруг него высились чёрные столбы-исполины, а сверху оказался зелёный потолок, впрочем, со многими дырками, через которые ясно проглядывала Голубая Скатерть. Колобок окончательно понял, что заблудился и самый затаённый его страх и кошмар стал явью. Апатично продолжал он катиться без цели и смысла, поражённый постигшим его горём. Дорога стала бугристой и он то и дело подпрыгивал на кочках.

Внезапно перед ним появилось выскочившее откуда-то справа серое мохнатое существо с большими ушами. Не успев опомниться, Колобок со всего разгона врезался в него.

- Ой! - воскликнуло существо.

- Ой! - воскликнул Колобок.

Остановившись друг против друга они несколько мгновений молчали, с удивлением осматривая один другого.

- Покорнейше прошу меня простить. - нарушил наконец паузу Колобок, - Приношу свои глубочайшие извинения и искренне сожалею, что столкнулся с Вами.

- Что-Вы, что-Вы! - запротестовало существо, - это целиком моя вина. Я выскочил на дорогу в неподобающем месте.

Они опять замолчали, уставившись друг на друга.

- Меня зовут Колобок.

- Очень приятно. А меня - Заяц.

- Знакомство с Вами для меня большая честь.

- Вы очень любезны. Не слишком ли дерзким с моей стороны было бы спросить Вас о причине Вашего визита сюда? Прошу простить мне мою бестактность, но я всю жизнь прожил в этом лесу и никогда не видел никого, похожего на Вас. Не то, что бы я возражал, нет-нет, я рад любому гостю и уж тем более такому необычному как Вы, но... просто это наводит меня на мысль, что, быть может, Вам случилось оказаться в наших краях по ошибке или просто... заблудиться?

- Ох, сударь Заяц! Ваша проникательность по-истине изумительна и по праву была бы оценена мною, если бы не столь печален был для меня повод её применения. Действительно, я заблудился, оказался вдали от дорогих мне Бабушки и Дедушки, не способен теперь выполнить своё жизненное предназначение, и всё это является причиной величайших страданий для

меня.

При этих словах Заяц присел и опустил уши, во все глаза глядя на собеседника.

- Сударь Колобок! - проникновенно сказал он, - Если только я чем-нибудь могу помочь - я весь в вашем распоряжении.

- Ну... даже, право, не знаю. - Колобок был в нерешительности.

- Доверьтесь мне. - мягко настаивал Заяц, - помогать попавшему в беду - один из главных заветов Великого Дедушки Мазая, которого мы свято чтим.

С этими словами он указал лапкой на прикрепленный к его груди красный бант с маленьким изображением Дедушки.

- Вы знаете Дедушку? - встрепенулся Колобок, - А Вы можете меня к нему отвести?

- Увы, Дедушки Мазая теперь нет с нами. Но он и сейчас живее всех живых. Он заповедал нам помогать всем, оказавшимся в беде. Это один из основополагающих принципов заячьего братства - залог достижения светлого будущего в каждой норе, на каждой поляне, по всему лесу. Так что Вы можете смело, отринув сомненья, поведать мне о своей беде.

- Ну что ж, если так... Видите ли, добрый сударь Заяц, смысл моей жизни состоит в том, чтобы быть съеденным. Вы не знаете ли случайно, есть ли в этом, как Вы изволили выразиться, лесу кто-нибудь, кто мог бы меня съесть?

После этих слов Заяц выглядел изрядно обескураженным. Смущенно глядя куда-то поверх Колобка он проговорил:

- Я не хотел бы выглядеть невежливым, сударь Колобок, но, сказать по правде, Вы мне не кажетесь... эээ... съедобным.

Ещё никогда в жизни Колобку не доводилось выслушивать подобные оскорбления. Только уроки хороших манер, которые он успел получить от Французского Штопора, пока находился на кухне, да чёткое осознание того, что Заяц не понимал того, о чём говорил, удержало его от ответной грубости. Тем временем его собеседник, сосредоточенно размышляя, продолжил:

- Впрочем, пожалуй, я могу кое-кого Вам подсказать. Если Вы покатитесь дальше по дорожке, то за третим изгибом увидите логово. Там живёт Волк. Он ест не то, что едим мы, зайцы. И к нему отправляются те из нас, кто по каким-либо причинам хочет быть съеденным. Иногда он помогает в решении таких вопросов. Как знать, не поможет ли и Вам?

От этих слов Колобок сразу же приободрился. Учтиво кивнув на прощанье Заяцу, он радостно покатился дальше по дорожке, а Заяц, прыгнув в лес, продолжил свой путь.

Часть 3

Колобок не имел ни малейшего представления о том, как выглядит логово, поэтому очень боялся пропустить его и очень сокрушался, что не

спросил об этом у Зайца. На его счастье, он вскоре повстречал стоящее у дорожки длинное, худое существо с помятой и полуседой шерстью клочьями, которое задумчиво смотрело вдаль уходящей дорожке и которое, как подсказывала Колобку интуиция, и было тем самым, кто ему нужен.

- Достопочтенный господин! - обратился он, подкатившись ближе к лапам незнакомца, - Я ищу Волка. Это случайно не Вы?

- Судя по вывеске над моим логовом, так оно и есть. - неторопливо, с расстановкой ответил Волк, обращая к Колобку взгляд глубоких, мудрых и чуть печальных глаз. - Чем могу служить?

- Понимаете, мне нужно, чтобы кто-нибудь меня съел! - выпалил Колобок, - Я Колобок, упал с окна, а Бабушка...

Волк властно поднял лапу, призывая к молчанию, и дождавшись его, изрёк:

- Не так быстро, мой маленький друг. Расскажи всё сначала и по порядку. Тогда уже и посмотрим, нужно ли тебе на самом деле, чтобы тебя кто-нибудь съел, или же нет.

И Колобок ему всё рассказал - благо, рассказывать было не так уж и много. Внимательно выслушав, Волк погладил длинные обвислые усы и спросил:

- А почему ты решился сам отправиться к людям? Разве не надёжнее было, коль скоро ты хотел быть найденным, оставаться на том месте, где потерялся?

- Не знаю... Я тогда молодой был, горячий... Мне казалось, что так будет вернее и... быстрее.

- Вот-вот! Молодость... Всё спешим, спешим... И даже не удосужимся поразмыслить: куда, собственно, спешим-то? И что нас там ждёт? И нужно ли это нам?

Колобок задумался. Он начал чувствовать, что попал сюда не случайно и что здесь он сможет найти ответ на много важных вопросов, хотя, наверное, не на самый важный.

- Почему со мною так происходит? - спросил он, - Ведь так не должно быть. Я чувствую, что это не правильно. Сейчас я должен был бы уже находиться внутри Дедушки и Бабушки. Исполнить своё предназначение. А вместо этого я оказался невесть где, в местах, где не катался ни один колобок, претерпевая тысячи лишений без малейшей надежды на достойное скончание моего пути. Почему так?

- Видишь ли, мой маленький друг, в мире существуют определённые законы. И они действуют независимо от того, знаешь ли ты о них или нет, признаёшь ли ты их, или нет, соблюдаешь ли ты их, или нет. И один из таких неписанных законов гласит: нельзя есть того, кто не готов к этому. Знаешь, как бывает: гоняешься за зайцем полдня, а поймал его, посмотришь ему в глаза и поймёшь: нет, он ещё не готов. И приходится отпускать. А иной раз даже придёт сам какой-нибудь горемыка, и говорит: съешь, мол, меня. Ну, начнёшь с ним говорить, и выясняется, что какая-нибудь ерунда: жена ушла,

трын-траву не смог скосить, или с поляны прогнали... Таких я тоже отправляю. Ибо идти на съедение нужно не тогда, когда жить надоело, а когда по-настоящему внутренне созрел для этого. Такое в последнее время, увы, случается всё реже и реже. Вот и приходится мне есть что попало - грибы, ягоды... Так, вот, к чему я это всё рассказываю: может быть, ты просто не готов, поэтому с тобой и произошло всё это?

- Нет, я готов! - пылко возразил Колобок, - Я совершенно готов, поверьте мне!

- Спорить не стану. - покачал головой Волк, - Если это так, то может быть и другая причина произошедшему.

- Какая же?

- Те, кто окружали тебя тогда, не были готовы съесть тебя.

Колобок задумался, а затем спросил:

- А Вы можете меня сейчас съесть?

Волк недоумённо приподнял брови, затем опустил и глаза его стали ещё грустнее:

- Извини, мой друг, но и я не готов. Пожалуйста, не обижайся. Пойми, ведь съесть не менее ответственно, чем быть съеденным. А мне, как хищнику по природе, кажется, что даже и более. Как-то по молодости я нарушил этот закон и съел двух особ, - одну пожилую даму и её юную внучку, - не будучи готовым. И знаешь, что было? Мне пришлось перенести операцию, в результате которой из меня извлекли этих несчастных.

- Какой кошмар!

- Вот-вот! Видишь, как всё серьёзно? Поэтому я не могу тебя съесть сейчас. Впервые со времён молодости я не готов. Сам. Это неожиданное откровение для меня. Мне нужно осмыслить это.

- Но что же мне делать? - с отчаяньем воскликнул Колобок.

- Не унывай! Если ты совершенно уверен, что готов, то сходи к Медведю. Он ест всё подряд и не очень-то беспокоится о внутреннем состоянии того, кого съедает. Его берлога как раз дальше по дорожке.

Ах, какой это чудесный миг, - когда воскресает надежда! Колобок, не теряя времени, снова покатился по дорожке, весело крикнув Волку:

- Прощайте, господин Волк! Большое спасибо Вам за всё!

- Прощай, мой маленький друг. - тихо проговорил Волк, провожая Колобка добрым взглядом. - Желаю тебе удачи.

И он ещё долго стоял и глядел на дорожку, думая о чём-то своём.

Часть 4

Медведя Колобок нашёл среди каких-то кустов, растущих у дроздки. У кустов были большие листья и свисали какие-то тёмные шарики, их-то и поглощал покрытый грязной шерстью здоровяк. При виде этого Колобок ощутил томительное волнение. Неужели это наконец случится? Неужели конец его скитаниям близок? Ах, какие счастливые эти шарики! Поскорее бы к ним присоединиться!

Подкатившись, Колобок неуверенно позвал:

- Господин Медведь!

Лохматая спина даже не шелохнулась.

Покашляв для приличия, Колобок набрался смелости и крикнул что есть мочи:

- Господин Медведь!!!

Косматая голова обернулась и вопросительно прорычала:

- Ась?

- Меня прислал к Вам господин Волк!

- А, старая шкура... Да, мы с ним иногда беседуем на философские темы. Волк считает, что нельзя есть того, кто не готов. А я считаю, что если кто-то не готов, то его следует просто по-лучше приготовить! - и он разразился громоподобным смехом.

- Ну и что тебе от меня надо? - спросил он, отсмеявшись.

- Мне нужно, чтобы меня съели!

- Ну дела! Вспять потекли источники рек! Обычно ты гоняешься, ищешь что бы съесть, а тут еда сама ищет того, кто бы её съел! А с чего это тебя, круглый, приспичило быть съеденным?

Колобок и Медведю рассказал историю своих злоключений. Почесав загривок и пронзая его тяжёлым взглядом мутных глаз, лохматый здоровяк неторопливо изрёк:

- Замороченный ты какой-то. Удали в тебе нету. Как надобно? Убежал из дому - молодец! Всех оставил с носом, - ловко! Катись себе по дорожке, ветер в ушах свистит - лепота! Жизнь ловишь за хвост, судьбой прищёлкиваешь, что было, что будет - на всё наплевать! Вот это по-нашенски! А ты всё: долг да долг...

- Вы не понимаете. - закричал Колобок, - Быть съеденным для меня - это не установка моего сознания, а неизбежное условие соответствия собственной сущности и своему предназначению.

- Ну, как знаешь. - махнул лапой Медведь, - Съесть так съесть. Это, пожалуй, будет очень кстати! Попробуем, что за гостинец мне братец Волк прислал. Только бы не пролететь опять, как с вершками-корешками...

Медведь резко придвинул к нему свою суровую, заросшую морду, и принялся его обнюхивать. У Колобка внутри всё замерло. Неужто сейчас? Он жутко нервничал, боясь, что что-то помешает. И не зря: вдруг кустистые брови сурово сдвинулись, Медведь заревел:

- Да это что за дрянь?! Что это он, собака, шутки со мной шутить удумал?! На этот раз меня не проведёшь!!!

И поднявшись во весь исполинский рост, Медведь замахнулся лапой.

Колобок снова ощутил сильный удар. "Второй раз за день" - отметил он. Он опять почувствовал ветер. Он понял, что летит. Он поднялся высоко, к самому зелёному потолку. Теперь зелень была вокруг и из неё выглядывало множество больших и маленьких чёрных палок. И на этих палках сидели странные серые существа, чем-то отдалённо напоминавшие ему чайники на ножках, давным-давно увиденные с подоконника. Полёт его был краток, он

почувствовал, что падает и снова ощутил сильный удар. Наверное, самый сильный из трёх.

Часть 5

Он пришёл в себя, услышав чей-то тонкий, участливый голос. Взглянув, он замер, ошеломлённый: огненно-рыжие волосы и прекрасные чёрные глаза. "Эти глаза я буду помнить вечно" - подумал Колобок, - "Даже если мне суждено сгинуть несъеденным, это стоит того. Увидеть такую красоту... Ради этого стоило укатиться из дома и пройти через все испытания".

- Что с Вами? - спрашивала прекрасная незнакомка, - Как Вы себя чувствуете? Вы не ушиблись?

- Кажется... вмятина в боку появилась. А с другой стороны след от когтей... Да ничего, в общем-то, хуже, чем есть, наверное, уже не будет.

Восхитительная рыжая красавица сокрушённо покачала головой, оглядывая его.

- Кто же это посмел сотворить над Вами такое?

- Медведь...

- У, зверюга! А ещё травоядным считается! Управы на него нет! После смерти муженька моего Кота Котофеича, Царствие ему Небесное, совсем распоясался! Ну да что же это я заболталась, пойдёмте, я откачу Вас к себе в нору, надо Вас хоть немного в порядок привести.

Ощущать на себе лёгкое касание мягких подушечек её лапок было так волнующе приятно, что на какое-то время Колобок позабыл обо всём на свете. А потом он спохватился:

- Простите, я забыл представиться. Меня зовут Колобок.

- Очень приятно. Какое редкое имя. А меня зовут просто: Лиса.

Колобок и не заметил, как они оказались у большой норы под поваленным серым столбом из тех, что поддерживали зелёный потолок в лесу. Лиса грациозно проникла в нору и закатила следом Колобка. В интригующем полумраке норы Колобок разглядел множество коричневых, помятых салфеток неправильной формы, какие-то белые палочки с цветным пухом, двое маленьких красных сапожек, а среди всего этого - наполовину съеденный Кусок Сыра. Тот самый. "Мир тесен" - подумал Колобок, но вслух ничего не сказал, а только ещё больше обратил внимание на оборожительную хозяйку жилища.

- Вот. Вот так и живём. - она провела роскошным хвостом по своим апартаментам, - Тесновато, конечно, и сыровато, но вполне сносно. Да и много ли теперь уже мне надо, на старости лет?

- Не говорите так! - воскликнул Колобок, - Вы совсем не старая! Быть может разве что жизненным опытом, который только ещё тоньше оттеняет женскую красоту.

- Ну что Вы... - Лиса зарделась.

- Честное слово: Вы столь изумительно прекрасно выглядите, что по

виду я бы не дал Вам и двух дней!

- Да Вы мне льстите...

- Помилуйте, сударыня! И в мыслях не было! Говорю Вам как на духу. Я, знаете ли, кривить душой не привык, у меня к тому же её и нет, так что я всегда говорю прямо, всё как есть!

- Знаете, мне никто никогда таких слов не говорил! - расчувствовалась Лиса. - Даже муж-покойничек... Он хоть и молодец был во многих отношениях, но по части ласковых слов, прямо скажем, не Демосфен. Только и слышно было: "подай, старая, рыбы! Как это так нету? Быть того не может! Иди да налови, коли нету!" Строгий он у меня был. Весь в прежнего хозяина. Однако и в обиду меня не давал, заботился, как мог. Что ни говори, а за ним я была как за каменной стеной. Вот уже почитай два года, как Господь прибрал его, земля ему пухом! Вот и сапожки от него остались, я их храню как память... - Лиса томно вздохнула, а затем махнула лапкой: - Ой, да я опять заболталась! Давайте-ка сюда Ваш бок, попробуем что-нибудь придумать. А Вы как оказались в наших краях? - спросила она, залепляя и разглаживая вмятины от когтей Медведя на боку Колобка.

- Виною тому невероятное стечение обстоятельств. Против воли мне пришлось оставить родимый очаг и пуститься в странствие, не сулившее ничего, кроме бед и лишений. Но по безграничному милосердию Всевышнего мне выпало несказанное утешение: встреча с Вами...

Лиса покачала изящной головкой:

- Когда Вы это рассказали, мне сразу невольно вспомнился один из моих братьев. Когда я ещё была лисёнком, он ушёл из норы и не вернулся. Больше мы ничего о нём не слышали. С этими братьями всегда так: они такие сорванцы. Вы должны меня понять, если у Вас есть родственники.

- Увы, нет. Я ведь не блин какой-нибудь, и не пирог. Я - Колобок. Единственный в своём роде. Колобков всегда готовят по-одному. Этому предшествует множество трудоёмких процессов, требующих немалых навыков и сноровки: поскребание по сусекам, замес теста, соление, катание, перемещение в печь при температуре не ниже 200о Цельсия...

- Ах, как это всё интересно, просто жуть как интересно!

И Колобок продолжил взахлёб рассказывать о жизни в Доме, об обитателях Кухни, о своей юности... Тем временем её проворные лапки загладили, насколько было можно, следы от когтей, а вот с вмятиной от удара, по-видимому, уже ничего нельзя было сделать. Но Колобок и думать об этом забыл, наслаждаясь обществом чарующей красоты, воплотившейся в хозяйке...

- Мне так с Вами легко и уютно. - вдруг призналась Лиса, - будто я действительно помолодела. И словно нахожусь в какой-то удивительной сказке...

- Можете представить, у меня точно такое же ощущение! - поддакнул Колобок, - Я думаю, это всё благодаря Вам. Вы - как фея из древних преданий...

- Ну, скажете тоже! - воскликнула Лиса, недоверчиво покачав головой, не скрывая, впрочем, что это сравнение ей в высшей степени приятно.

И они всё говорили и говорили. В какой-то неуловимый момент удивительно легко перешли на "ты". Колобок не удержался и начал рассказывать свою печальную историю, хотя первоначально не намеревался этого делать.

- И вот, - подвёл он неутешительные итоги, - мне пришлось уйти от Бабушки и от Дедушки. Ни с чем я ушёл и от Зайца, и от Волка, и от Медведя. От тебя уж и подавно уйду. Но что делать? Видно такова уж моя судьба горемычная. Сам ведь себя не съешь!

- А так ли тебе нужно быть съеденным? - спросила Лиса, - Разве без этого нельзя быть?

При этих словах Колобок аж подпрыгнул от ужаса:

- Нет! Ты не понимаешь, что говоришь! Это самое худшее из того, что может случиться! Если я не буду съеден, я испорчусь! Это дикий мучительный процесс. Плесень проникнет в меня и начнёт разрастаться изнутри и снаружи, я буду медленно и необратимо тухнуть, гнить, покрываться мерзким мертвенным пушком, изо дня в день бессильно наблюдая собственное разложение...

Лиса содрогнулась.

- Это... это действительно страшно...

- Да... Извини, что всё это тебе наговорил, тебе не надо было этого знать, просто прорвало...

Колобок вымучено вздохнул. Лиса горестно посмотрела на него, а затем куда-то вдаль. Они помолчали, думая каждый о своём. Колобок думал о том, что зря заговорил на эту тему. Он вовсе не собирался огорчать прелестную хозяйку. И вышло всё как-то неловко... Вместе с тем, выговорившись, ему каким-то неисповедимым образом стало одновременно и легче и тяжелее.

- Давай сделаем это. - наконец объявила Лиса.

- Что? - не понял Колобок.

- Давай я... тебя съем.

- Правда? Ты правда хочешь это сделать?

- Да.

- Милая моя Лисонька... - Колобок чуть не запел от радости, - Я буду такой счастливый! - заметив, что она замешкалась, он с тревогой осёкся: - Если тебе не хочется... то не надо...

- Нет, всё в порядке.

Она приблизилась. Стала совсем рядом. Он ощутил горячее дыхание. Почувствовал прикосновение её губ. Трепетное томление внутри... Нежное поглаживание её клыков... Предвкушение распалило его. Ну скорее же!

И тут вдруг случилось что-то непонятное. Он ощутил холод. Она исчезла. Колобок поднял взгляд и увидел её рыжую спинку. Она вздрагивала. Послышались всхлипывания.

- Я... я не могу... извини, но я не могу...

Колобок ошарашенно смотрел перед собой. И слушал её тихий плач. Ему было так плохо, как никогда. Приговор был очевиден:

- Должно быть, я совершенно неаппетитный.

- Нет-нет! - с жаром возразила заплаканная Лиса, - Это не так! Ты очень аппетитный и приятный на вид. Просто я не могу тебя съесть, это также противоестественно для меня, как, например, для тебя - съесть меня.

- Я никому не нужный кусок теста! - сокрушался безутешный Колобок, - Лучше бы я сгорел ещё в печке, превратившись в ком золы! Тогда бы я не испытал столько страданий и позора!

- Не надо так говорить! Ты мне очень нравишься, поверь мне! Просто мы не созданы друг для друга.

- Наверное, мне лучше укатиться. - помолчав, мрачно изрёк Колобок и направился к выходу.

- Куда же ты пойдёшь? - утирая слезы спросила она.

- Не знаю. - он остановился у самого выхода, - Раз уж мне не суждено быть съеденным... Пойду и сгину где-нибудь...

- Постой! - бриллиантовые капельки блеснули в её глазах, - Катись сейчас прямо, а затем после растроенной сосны поверни направо. Там ты увидишь полянку, посреди которой стоит оромный зелёный дуб, обвитый золотой цепью. В его ветвях живёт Ворона. Я верю, что она поможет тебе.

Он кивнул и покатился прочь из норы.

- Колобок!

Он опять обернулся.

- Я всегда буду помнить тебя. - сказала она, глядя ему вслед.

- Я хочу чтобы ты знала, - ответил он, - ты - самое прекрасное создание, которое я видел в жизни. Я надеюсь, что ты найдёшь своё подлинное счастье!

И он быстро покатился по лесу, напролом, прихрамывая на вмятину в боку.

Часть 6

Беспощадно и жестоко гонимый уныньем, Колобок катился вперёд. Его снедали ощущения, до того недоступные на земле ни для кого, так что он едва сумел заметить, что Огненный Собрат - исчез, Скатерть потемнела вдруг, и лес, погрузившийся во мрак, стал чужим, пустым, холодным. Угрюмые древние стволы хрипло трещали, навевая смутный ужас, а ветер, так нежно ласкавший в начале путешествия, мрачно завывал где-то под самым Зелёным Потолком. Тревожные шорохи раздавались отовсюду.

Мучимый тёмным страхом, пропитанный горем и одержимый печалью, Колобок напрочь позабыл и про тройную сосну, и про дуб, и про Ворону. Он глубоко отчаялся в своём предназначении и бредил тем лишь, чтоб скорей найти забвенье.

И не вспомнил бы совсем он про спасительный совет, если бы сосны треклятой три ствола как три пирата вдруг не вышли бы из мрака, да столь

резко, так что с ними наш герой столкнулся враз. Пробуждением от кошмара послужил момент удара. Вспомнив светлые слова той, что рядом не узреть уж никогда, он решил пойти туда. И, терзаемый глухою, беспощадною тоскою, Колобок свернул направо и понуро покатился. Всё сильнее в ветвях выл ветер, словно чутко предвещавший призрак гибели напрасной, неизбежной и ужасной. Одиночеством был болен и уныний преисполнен, безнадежен, обездолен - но катился он вперед. Лес печальный, нелюдимый, ото всех сторон суровый словно с каждой ветки сеял в него пагубные споры - от надежды отречения, беспроглядного мученья, и тлетворного страданья хлебобулочного создання.

Наконец, продираясь сквозь цепкие заросли, он выкатился на безмолвную поляну, по которой неустанно металась сумрачные тени, и без труда узнал сурово высившийся зловещий дуб. Подкатившись к нему и остановившись у самого начала массивной золотой цепи, опоясывавшей мощный древний ствол, Колобок взглянул наверх. Среди унылой листвы дуба не узрел он ничего. И тогда, от отчаяния отбросив все излишние приличья, что есть силы возопил:

- Ворона! Ворона-ворона-ворона-ворона-воро-о-она!

Кто-то важный, хмурый, чёрный сверху рухнул, приземлившись рядом с ним, устремив в упор горящий, пепеляющий душу взор.

- Никогда! - воскликнул он... или она? - Никогда не смей так больше делать! - грозно каркнула Ворона, - Я тебе что, курица какая-нибудь? Чаво разорался-то на весь лес? Да ещё в такую погоду!

- Я - Колобок! - продолжал Колобок по беспределу. Ему уже было всё равно, он ни во что не верил и ничего не ждал. Просто шёл напролом, выплёскивая накопившееся, - Меня прислала Лиса. Мне нужно, чтобы ты меня съела.

- Кар-кар-кар! Ловко это она, рыжая каналья, придумала! Сама у меня давеча лукавством дьявольским первоклассный, Богом посланный Кусок Сыра стибрила, а таперича грязную чёрствую булку прислала! У меня здесь что, богадельня? Мне хватало и муженька еёного покойного, тот знай всё ходил тут кругами по цепи, кору обтирал, словно мёдом намазано...

- Меня не интересуют твои бредни. - резко оборвал Колобок, - Мне нужно, чтобы меня съели. Ты можешь это сделать или нет?

Ворона даже слегка отшатнулась от такого напора, а затем с интересом пригляделась.

- Ха! Мочь-то, можай, и могу... - она прищурилась и с сомнением покачала головой: - Эх, посмотрел бы ты на себя, милый мой! Помятый, поцарапанный, покусанный, весь в пыли да иглах еловых... Куда мне такой? А впрочем... - Ворона клюнула. Затем ещё раз. Колобок замер, застыл в нечеловеческом напряжении, не в силах совершить ни единого движения мысли в ожидании окончательного вердикта.

- А знаешь, вообще-то ничего. - она снова клюнула, - Весьма даже недурственно.

И продолжила клевать его. Всё клевала и клевала. И Колобок был безмерно счастлив. И Ворона, между прочим, тоже.

Дерзновение пред лицом Божиим

Иерусалимский патриарх Софроний глядел на закат из узкого, арочного окна Северной башни. Сотни огоньков тревожно мерцали из темноты, уже сгустившейся в низине. Холодный ветер завывал снаружи, заглушая крики сарацин, что ещё днём так явно доносились из-за стен Святого Града. Длинная седая борода старца ниспадала на тёмную рясу, почти закрывая золотой кружок панагии. Святитель молча наблюдал, как заходящее за холмами солнце окрашивает небо багряным. Только что стихли внизу шаги с металлическим отзвуком, – сотник Мелетий согласовывал изменение распорядка ночных дозоров. Теперь патриарх остался на этом пролёте совершенно один, но горькое послевкусие прошедшей беседы ещё давало о себе знать. В свете грядущего поражения тяготила даже добродушно-простоватая преданность здоровяка-рубачи. Святитель нахмурился, стараясь отвлечься.

Скоро Рождество. День, в который из девственного чрева возшло единственное истинное Солнце Правды и озарило человечество, разрушив и донныне сияет,^{3/4}зловещее иго смерти, открыв путь в нетленную жизнь, восходя в душах верующих: С высоты небес снизшёл Он к нам, побеждённым и отверженным, дабы примирить с Отцом и даровать нам божественную свободу единения в любви:

Святитель обдумывал, что сказать ему в этот раз на проповеди перед своей многотысячной паствой, теснящейся, как обычно, в церкви Пресвятой Богородицы? Чем утешить их, глядя в испуганные глаза духовных овец стада Христова? Да, и в эту благословенную ночь на стенах и башнях воинам придётся заступать, сменяя друг друга, сжимая в руках оружие и вглядываясь в мерцающие среди мглы костры вражеского войска.

Видно, прервётся нынче благочестивый обычай ходить крестным ходом на поклонение святой пещере, в которой воплотился Бесплотный, и Вечный принял рождение во времени:

Хотя приявший Бога истинного град Вифлеем находится по соседству, не пройти туда из-за страха перед свирепым, подлинно варварским и поистине исполненным всякой жестокости войском нечестивых сарацин, вот уже семь месяцев как осадивших Святой Город. Смрад дурных дел наших переполнил чашу терпения Господа и ныне препятствует нам, недостойным, сей грозный меч, метая молнии и дыша убийством и угрозой, подобно огненному мечу серафима, преградившему падшим праотцам путь обратно в Эдем.

Святой патриарх задумчиво созерцал, как исчезает уставшее светило за чёрной, изогнутой линией холмов. Дни молодости воскресали в памяти как самые счастливые и светлые. Вдвоём с наставником отцом Иоанном

путешествовали они по монастырям Палестины, Египта и Сирии, преодолевая то страшные безводные пустыни, то реки, полные крококожих крокодилов, ради общения с духоносными старцами, истории о которых отец Иоанн записывал в свою замечательную книгу.

Правил тогда благочестивый император Маврикий, сумевший не подкупом, не угрозой, не лестью, но искренней любовью и поддержкой укротить Персию, этого тысячелетнего врага империи. Не чудо ли, что сам шах, получивший от бывшего врага помощь в трудную минуту, благодарно называл ромейского императора «своим благодетелем, отцом и покровителем», подписав с ним договор о вечном мире?

Но по своеволию и вечному недовольству народа случилась трагедия. Восставшие придунайские легионы подняли на щиты полковника Фоку и двинулись на беззащитный Константинополь. Император встретил беду с христианским мужеством. Когда Фока, желая увеличить его страдания, приказал привести пять сыновей самодержца и начал убивать их одного за другим на глазах отца, тот лишь повторял при каждом смертоносном ударе: «Праведен Ты, Господи и правы суды Твои». Говорят, няня младшего сына, движимая любовью к доброму императору, привела убийцам собственного ребёнка-одногодка, дабы выдать его за наследника. Но Маврикий раскрыл её замысел, отыскал спрятанного сына и, после смерти мальчика, принял кончину и сам:

Новый император стал достойным воздаянием народу, одобрявшему убийство Маврикия. Телесное уродство Фоки было лишь слабым отражением уродства внутреннего. Разврат и пьянки он перемежал с кровавыми расправами, в равной степени наслаждаясь всем перечисленным. Шах Хосрой, возмущённый убийством своего тестя, развязал жестокую войну против империи. Пьяница на троне не смог придумать ничего лучше кроме как заглаживать всё новые поражения от персов массовыми казнями недовольных подданных. Монах Софроний с отцом Иоанном в то страшное время пребывали в Келлиях и своими ушами слышали, как один старец, ради святости жизни имевший большое дерзновение пред лицом Божиим, рассказывал о том, что возопил к Всевышнему: «за что Ты послал нам этого хищного волка?» и Господь ответил: «Я старался найти похуже Фоки, чтобы наказать народ за своеволие, но не смог. А ты не искушай впредь судеб Божиих».

Позднее, уже в монастырях Итальянской земли, будущего патриарха достигла скорбная весть о взятии Иерусалима. Евреи, жившие в городе, открыли персам ворота. Ручьи человеческой крови хлынули на улицы, обогрив в числе прочего и подножие Северной башни. В начавшемся кровавом кошмаре были вырезаны 60 тысяч христиан и 35 тысяч проданы в рабство, причём иудеи в этом диком погроме зверствовали даже больше персов. Все церкви были разрушены и сожжены, Честной Крест Господень попал в руки нечестивых.

К тому времени Фока был свергнут генералом Ираклием. Когда

потомственный воин, уроженец карфагенской земли, гневно спросил закованного в цепи тирана: «Так-то ты, окаянный, управлял вверенной тебе Богом империей?», Фока, усмехнувшись, бросил в лицо Ираклию: «Поглядим, будешь ли ты управлять лучше»:

Персы в то время стояли уже у ворот Константинополя. Неимоверным напряжением всех мыслимых ресурсов новому императору удалось не только сохранить империю, но и разгромить персов. Двадцать пять лет назад он с триумфом проезжал мимо этой Северной башни, возвращая в город Животворящий Крест Господень - главную святыню всего христианского мира.

Солнце скрылось за холмами, оставив пламенное зарево на словно отсвет от далёкого пожара. Проглянула бледная^{3/4}темнеющем небе, луна. Патриарх неподвижно стоял, созерцая скользящий, свободный полёт коршуна над морем мерцающих огней в низине.

Ираклий победоносный, Ираклий еретичествующий: Теперь ты дряхлый, больной старик, и сарацины дважды подряд разбили твои войска, посланные из Константинополя на отражение новой угрозы, предугадать которую никто не сумел: или не захотел.

Шорох снизу. Кто-то поднимается по лестнице. Патриарх невольно наморщил лоб, вспоминая свои многочисленные обязанности. Ни сану его, ни возрасту не соответствовало тяжкое бремя командования обороной города. С какой тоской возвращался Софроний мысленно ко временам, когда они с учителем изнемогали под палящим зноем в убийственных пустынях, пробираясь к очередному труднодоступному монастырю!

Шаги замерли с той стороны двери, и патриарх оглянулся, щурясь в слабом свете чадающего факела. Нетерпеливый стук, и низкая створка отошла в сторону. Нагнувшись, вошёл смуглый человек с загнутым мечём на поясе и грязным мешком в левой руке.

- Здравствуй, патриарх! - прокаркал вошедший на варварский манер.

- Здравствуй, Хасан.

- Плохие новости. - сообщил тот с непроницаемым лицом, - тамимиты перехватили гонца.

Сарацин запустил правую руку в мешок и достал за волосы отрубленную человеческую голову. Внимательно глядя в мутные закатившиеся глаза молодого воина, ещё вчера подходившего к нему за благословением, патриарх перекрестил его и бесстрастно повелел:

- Отнеси голову Игнатия отцу Аристарху для отпевания и погребения.

Сарацин кивнул и сунул страшную ношу обратно в мешок. Но уходить не спешил. Старый христианский вождь местных ромеев и представлялся загадочным и помимо воли вызывал почтение.

В наступившем молчании потрескивание факела и вой порывов ветра снаружи проступили яснее, сплетаясь в беспокойное двуголосие. Вдалеке что-то прокричали со стены, Мелетий выкликал кого-то из солдат.

- Что ты хочешь спросить? - ровным, чуть усталым тоном осведомился

патриарх у замершей в дверном косяке фигуры, всё труднее различимой в дрожащем свете умирающего факела.

- Почему ты не хочешь договориться с тамимитами, как Дамаск? У вас ведь с ними одна вера.

- Нет, Хасан, не одна. - седая борода еле заметно качнулась, - Увы, не одна. Сарацины, окружившие город, восприняли христианство от еретиков монофизитов, которые издавна проповедовали в Аравии своё зловерие:

- Вы верите в Ису, и они верят в Ису. Почему ты говоришь: «другая вера»?

- Мы по-разному верим в Христа. Православные веруют, что Христос есть одновременно истинный Бог и истинный Человек. Не изменив Свою Божественную природу, Он полностью воспринял человеческую и, дабы победить в человеке грех и смерть, принял всё человеческое, кроме греха. Две природы соединились во Христе неслитно, неизменно, нераздельно и неразлучно, без того, чтобы Божеское естество поглотило в Нём человеческое, как учат нечестивые монофизиты.

Всполох факела выхватил грубое, пересечённое шрамом лицо со следами мучительных мысленных усилий. Непонимание и недоумение, казалось, только подхлестнули интерес сарацина, одного из тех немногих, кто сохранил приверженность какому-то нелепому культу, возникшему в Аравии незадолго до массового обращения, совершённого яростными монофизитами.

- Я не понимаю. - упрямо покачал головой Хасан, - Мне кажется всё это только словами:

Патриарх еле приметно нахмурился, бросив взгляд на грязный мешок, болтающийся у ног сарацина, но в тоне его не послышалось и тени неудовольствия:

- Если ты спросишь меня, как пройти в Джабию, а я объясню тебе путь в Газу, скажешь ли ты, что это всего лишь ничего не значащая разница в словах?

- Нет.

- Как видишь, то, что кажется лишь разницей в словах, иногда может иметь жизненно важное значение. Потому что иные слова отражают иную реальность. Искажённая вера еретиков ведёт не к Богу, точно также, как неправильно объяснённый путь помешает тебе достигнуть нужного места.

- Теперь я понимаю лучше. - сообщил после некоторого раздумья сарацин, продолжая стоять, как вкопанный, на чёрном фоне открытой двери, - Но всё же не до конца...

- Мы говорим не о продаже фиников, Хасан. Чтобы понять серьёзные вещи, требуется серьёзный труд. Если Господь отмерит нам ещё несколько времени, я надеюсь, мы продолжим эту беседу и твой умственный труд будет вознаграждён пониманием. Сейчас же я прошу тебя позаботиться, чтобы останки доброго воина обрели упокоение. Пока для тебя достаточно знать, что у нас иная вера, чем у монофизитов, и поэтому они, хотя и носят имя

Христово, неистово восстают против веры православной, стремясь её изничтожить больше, чем оставшиеся в язычестве сарацины вроде тебя.

По мере речи святителя, Хасан уже кланялся и даже отступил несколько в темноту лестницы, но последние слова словно подстегнули его. Он резко выпрямился, сверкнув глазами и позабытый мешок закачался в его левой руке.

- Я не язычник! - запальчиво выкрикнул сарацин и шрам побелел на тёмном лице.

- Я не хотел тебя обидеть. - честно и спокойно ответил патриарх.

- Я не язычник! - упрямо повторил Хасан, вытянувшись, как струна, - Я верю в единого милостивого бога Аллаха, как учил нас великий пророк, посланный к нам самим Аллахом!

- Да, я что-то слышал об этом. - суховато промолвил патриарх, сведя густые седые брови. Разговор уже стал совсем тяготить его, но обижать единственного надёжного лазутчика не хотелось, - Кажется, он появился в Мекке, лет двадцать назад?

Хасан презрительно хмыкнул.

- Этот жалкий подражатель по имени Мухаммед едва ли заслуживает упоминания. Когда курайшиты не поверили его рассказам, он бежал со своими людьми в Ясриб. Оставшись без средств к существованию, они стали грабить мекканские караваны. Мекканцы снарядили отряд, в битве при Ухуде Мухаммед был убит и его сторонники рассеялись. Нет, патриарх, я говорю тебе о подлинном пророке Аллаха, Масламе ибн Хабибе, который задолго до обманщиков вроде Мухаммеда и Асвада был послан к нашему племени с откровением. Даже вместе их нельзя поставить!

По разгорячённому виду и тону собеседника святитель Софроний понял, что тот не успокоится, пока не дать ему выговориться и смирился с неизбежным, принявшись творить в уме молитву.

- :Наш пророк после смерти жены жил как монах, а Мухаммед обзавёлся гаремом. Когда люди моего племени просили Масламу явить им чудо в подтверждение его посланничества, он показал им чудо, а когда курайшиты потребовали от Мухаммеда того же, тот лишь стал грозить им адскими муками, позорным бессилием изобличая свою лживость. Наш пророк проповедовал и укреплял общину словом, а не грабежом и разбоем, как этот погонщик верблюдов! А разве могут его глупые стишки сравниться с подлинным откровением, принесённым пророком Аллаха Масламой?

- Что же за откровение он вам принёс? - спросил святитель, ощущая, как холодный воздух от окна бьёт ему в спину, проницаая сквозь мантию и рясу.

- «Защищайте ваших друзей, помогайте тем, кто просит вас о помощи». - с достоинством процитировал сарацин и изобразил гримасу, которая, должно быть, обозначала дружелюбие.

- С этим сложно не согласиться, - ответил с чуть заметной улыбкой патриарх, - хотя для того, чтобы сказать такие слова, не обязательно быть пророком. Однако скажи мне, предупредил ли вас ваш пророк о грядущем

наступлении сарацин-монофизитов?

- Пророк Милостивого говорил, что люди войлока - люди опасные... Мы хорошо готовились к войне и мужественно сражались под стенами родной Йемамы, но устоять против натиска бесчисленных тамимитов, таблигитов и гассанидов было невозможно. Дикари! Они разрушили город, сожгли пальмы, засыпали колодцы... Они как те лягушки, о которых написано в книге нашего пророка: «их голова в воде, а зад их в грязи». Взяли Писание христиан, но остались теми же разбойниками пустыни...

Внизу послышалась тяжёлая, медленная поступь. Встрепенувшись, Хасан спешно поклонился патриарху и вышел. Взяв в руку посох, стоявший у стены, святитель отошёл от окна и встал рядом с факелом. Тут и светлее, и ветер не так сильно бьёт. С лестницы было слышно, как Хасан разминулся с поднимавшимся. Вскоре донеслись звуки отдышки, затем из темноты показалось безбородое, круглое и блестящее от пота лицо стратора Андроника.

- Святейший владыко, благослови! - пропыхтел он, втискиваясь в узкий для него проём.

- Бог благословит. - правая рука святителя прочертила в воздухе знамение животворящего креста Господня.

- Поосторожнее бы ты с ним, владыко! - озабоченно заметил толстяк, кивая в сторону лестницы, - Сарацинский волк волком и останется. Да и нечестивый к тому же... Всё-таки без стражи с ним бы лучше не встречаться...

- Я доверяю Хасану. - устало ответил патриарх, - Я хорошо мог узнать в своё время сарацин, путешествуя по монастырям возле аравийских пределов. Он связан законом кровной мести и будет с нами, пока мы противостояем тем, кто истребил его племя. Однако неужто ты, Андроник, преодолел столько лестничных пролётов лишь для того, чтобы обогатить меня ненужным советом?

Взгляд стратора нервно метнулся к полу, пухлая рука вытерла пот со лба.

- Ну, я... хотел сообщить... то есть, не то, чтобы хотел, но должен...

- Вспомни, что за каждое праздное слово дашь ответ на Страшном Суде и переходи к делу.

Стратор поднял виноватый взгляд и, изнеможённо прислонившись к косяку двери, выговорил:

- Начался падёж скота, владыко.

Опять сквозь молчание прорвались стоны холодного ветра, прилетевшего с гор, через низину, заполненную войском нечестивых агарян, жмущихся у своих костров.

- Больных животных убрали из загонов?

- Уже распорядился, владыко.

Эпидемия! Только этого не хватало! Слава Богу, сейчас рождественский пост, и мяса никто не ел. Патриарх с тяжёлой решимостью направился к

Михаилу:

- Я должен посмотреть.

- Конечно, владыко.

Они начали спуск по тёмной винтовой лестнице. Постукивая посохом по крутым ступенькам, святитель предавался тяжёлым мыслям. И надо же было всему этому случиться именно теперь и именно так! Господи Иисусе! То, что из Константинополя казалось малым ветерком, он ясно видел как зарождение мощного урагана, который, сметая всё на своём пути, нанесёт чудовищный удар по Православию. Сарацины принимают сдачу города только при условии перехода населения в монофизитство. Сергей Мансур уже сдал Дамаск, Дамаск, город, где прошло далёкое детство и отрочество патриарха! Иерусалим - последняя твердыня Православия. Все древние патриархаты охватила вспыхнувшая ныне ересь монофелитов.

Для восстановления разорённой империи Ираклий так жаждал мира православных с монофизитами в Сирии и Египте, что предложенную угодливыми столичными писателями фразу тотчас узаконил как мерило государственной веры. И столь тонка оказалась эта ересь и столь упорны убеждения имперских чиновников, что все согласились с утверждением, будто Господь имел только одно действие - Божественное, не понимая: это же скрытое монофизитство! И вот, Гонорий Римский, Сергей Константинопольский, Кир Александрийский, Анастасий Антиохийский и сам император - все стали монофелитами.

С ужасом святитель Софроний обнаружил себя последним, сохранившим Православие, не считая подвластных ему епископов. Напрасно писал он в своём окружном послании четыре года назад, убеждая отказаться от новой ереси. В темноте лестницы, следуя за громко пыхтящим Андроником патриарх даже невольно взмахнул рукой от волнения.

не исцелено! Если Христос не $\frac{3}{4}$ То, что не воспринято Христом, имел человеческого действия, то Он не был полноценным человеком, а это абсурд, хула, ересь! Но напрасно писал святитель окружное послание, собирая в пользу правой веры свыше 600 выдержек из творений Святых Отцов. Сергей Константинопольский разорвал его, не читая, а Гонорий Римский ответил просьбой «успокоиться и не мутить воду». Какая беда! Что уж взять с мирского правителя, когда и князья Церкви падают перед идолом: Горе, горе! И им ли не знать?

Лишь невежи могут считать, что идолопоклонство ограничивается это всё, что $\frac{3}{4}$ рассыпавшимися в прах древними истуканами. Идол заслоняет от человека Бога живого, точнее, чем человек заслоняется от Него. Идолом может быть и изваяние божков, и гордыня, и идея: Единство дело доброе. Но когда $\frac{3}{4}$ народа и благополучие государства само по себе единство империи ставят важнее истины, важнее правды Божией, империя тоже превращается в идола. А любой идол рано или поздно будет сокрушён. И чему теперь удивляться? Скоро Сергей увидит это крушение со стен Константинополя.

А всё-таки жаль, что арабы восприняли весть о Христе из нечистых еретических уст! Но давно уже не было среди них православных проповедников, только монофизиты, да несториане... И ведь уже случалось подобное! Лет триста назад. Готские племена издревле беспокоили владения ветхого Рима. Ариане послали к готам миссионера Ульфилу, который смог крестить всех варваров - на беду Церкви Христовой. Ибо готы-ариане неистовой силой обрушились на западных православных ромеев, Рим был завоёван и разрушен, погиб последний римский император...

Но всё же италийцы оставались православными, им было за что сражаться с варварами, пусть они потеряли мирское величие, но смогли сберечь правую веру и сохранить величие в этой вере. Ныне же история повторяется с большей жестокостью, только вместо готов сарацины, и вместо монаха-арианина Ульфилы помрачившаяся умом женщина, фанатичная монофизитка Саджах.

Патриарх отчётливо видел грядущее, лучше, чем тёмные стены лестничных пролётов. Теперь империю вряд ли удержит вера. Старый Ираклий, выслушивая о всё новых победах отпрысков Измаила не вспомнит ли сказанных с издёвкой слов сверженного узурпатора Фоки? Соблазн окажется слишком велик. Один шаг уже сделан, ради мира с арабами империя сделает и второй, перейдя от полумонофизитства к монофизитству явному и полному. Да, в союзе с арабами империя станет великой и процветающей, как ни одно государство в мире. Но это будет еретическая империя. Конечно, Господь сохранит Православную Церковь, ибо обещал Он, что врата адовы не одолеют её. Сам восьмидесятилетний патриарх вряд ли переживёт штурм и падение Иерусалима, неизбежные после Рождества. Но останутся ученики. Есть среди них хорошие и надёжные, тот же Стефан, епископ Дорийский, да и Максим, хоть и простой монах... Но, Господи, как же им тяжело будет оказаться снова в катакомбах среди повсеместных гонений! И сколько тысяч душ пойдут в погибель, вольно или невольно увлечённые распространившейся по всей вселенной ересью!

Наконец, спуск закончился. Пройдя мимо юных стражников, лягнувших помятыми старыми латами при появлении патриарха, они вышли на улицу.

Было очень свежо, но ветра здесь, внизу, не чувствовалось. Небо лишь еле-еле подсвечивали последние закатные лучи. Проступали звёзды. Даже несмотря на тяготы осады чувствовалась в воздухе какая-то предпраздничная торжественность и радость в преддверии Рождества. В окнах домов светились огни. Слышалась чья-то громкая речь. По соседней улице поскакал всадник, с громким цоканьем копыт направляясь в центр города. Вдалеке над домами возвышалась церковь Пресвятой Богородицы, а ещё дальше виднелся силуэт базилики Гроба Господня, где хранится возвращённый персами Крест Господень, и копьё, которым пронзили Господа нашего, и блюдо, на котором несли голову святого Иоанна Предтечи; и рог, елеем из которого Давида и Соломона помазали на царство...

Здесь Адам был создан из праха; здесь Авраам хотел принести в жертву сына своего Исаака, на том самом месте, где Господь наш Иисус Христос был распят. И здесь каждый год на Пасху, в память воскресения Господня, нисходит, возникая прямо из воздуха, святой огонь как явное чудо, свидетельствующее истинность православной веры... Неужто скоро всё это будет посрамлено?

- Сарацины! - пробормотал бредущий рядом Андроник и от неожиданности его голоса, патриарх даже вздрогнул, - Ну кто мог подумать, что от этих грязных варваров может выйти такая напасть?

Стратор сокрушённо покачал головой. Видимо, во время молчания, он также терзался мрачными мыслями.

- Да не так уж и сложно было предугадать. - вздохнул святитель Софроний, устремляя взор к кресту над святой базиликой, - Сарацины давно уже давали знать о своей силе. Ты-то не местный. Вы там, в столице, быстро всё забываете: А ведь ещё сто лет назад при достопамятном Юстиниане они вторглись в Палестину и Сирию, осадив даже Антиохию. Полвека спустя их пытались усмирить эфиопы, но неудачно. И, кажется, десяти лет не прошло, как потомки Агари наголову разбили персов. То, что мы переживаем сейчас, отворотить можно было лишь милостью Божией ради праведной жизни народа ромейского. А при естественном ходе событий да привычной нашей грехолюбивости рано или поздно это всё равно бы случилось.

Андроник задумчиво посмотрел на старого патриарха, при каждом шаге упиравшегося посохом в камни мостовой и промолчал. А святитель продолжал:

- Вот если бы, когда всё ещё было в зародыше, победил хотя бы этот несчастный сарацинский лжепророк Маслама, или пусть даже тот дикий Мухаммед... Конечно, и тогда получили бы мы воздаяние скверным делам нашим. И тогда пришлось бы нам несладко. И тогда сокрушился бы мысленный идол наших властителей. Но Церковь Божия была бы сохранена и сотни тысяч душ избежали вечной гибели... Ересь монофелитская, не успевшая ещё пустить корни, легко исторглась бы после смерти Ираклия. И Православие непременно восторжествовало в империи, пусть и стеснённой внешним неукротимым врагом... Если бы... Если бы...

Далёкий звон била возвестил о наступлении первой стражи ночи. Патриарх вдруг замер, впорыв взор в маленький крест над базиликой Гроба Господня, не обратив даже внимания на удивлённо оглянувшегося Андроника. Какая-то внезапная мысль, словно откровение поразила старца.

- Господи! - благоговейно прошептал святитель Софроний одними губами, - Нет ничего, что могло бы превзойти Твоё всемогущество, и нет ничего, что могло бы воспрепятствовать всемогущей Твоей воле. Ты - превыше всего, Ты определил границы для нас, а не для Себя, безрассудно было бы полагать, будто Ты находишься в рабской покорности к тем законам, которые установил для жизни людей, законам пространства и времени:

* * *

Мы не станем говорить, о чём просил святитель Софроний Господа, не станем говорить и о том, что случилось после этого. Скажем лишь, что он имел великое дерзновение пред лицом Божиим ради веры, святой любви его и жизни, обильно украшенной многими добродетелями...

Смерть атеиста

Вообразите себе мужчину лет сорока пяти, невысокого, прямого брюнета, с лицом, не лишённым благообразия, украшенным окладистой бородою и густыми бровями, что придают ему выражение несколько властное и надменное.

Представьте, что женат он третьим браком, от первого имеет взрослую дочь, с коей видится не реже двух раз в год, а на работу ходит в районную поликлинику, где в собственном кабинете терпеливо принимает страждущий человекопоток с девяти до двух в понедельник и среду, и с двух до семи во вторник и четверг.

Добавьте сюда извинительную слабость к украинскому пиву, отечественному хоккею и крепким американским детективам.

Если вам удалось всё вышеперечисленное вообразить, представить и добавить - будьте уверены, что перед вашим мысленным взором предстал Иван Гаврилыч Пупышев собственной персоной.

Да, таков он и был.

Присовокупьте сюда и тот немаловажный факт, что взглядов наш герой придерживался самых что ни на есть атеистических.

Люди старшего поколения ещё помнят те времена, когда живого атеиста можно было встретить буквально на улице, да притом никто бы тому не подивился - настолько привычным казалось такое явление.

Именно в это время и жил Иван Гаврилыч.

Атеистом он был матёрым, закоренелым и упёртым.

На прямой вопрос: "есть ли Бог?" он бы не стал, поверьте, юлить в духе нынешних псевдоатеистических рудиментов с их вечными "смотря какого бога вы имеете в виду" или "в каком-то смысле, может быть, и не так чтобы очень". О, Иван Гаврилыч отвечал бы прямо: "бога нет!", причём сделал бы это с убеждённостью естествоиспытателя, доподлинно и самолично установившего сей факт. Более того, касаясь упомянутой темы, господин Пупышев непременно считал нужным добавить пару нелицеприятных слов в адрес служителей Церкви, испокон веков обманывающих простой народ, высасывая из того последние крохи, дурача, воруя и обирая.

Попов и прочих "церковников" Иван Гаврилыч на дух не переносил, так что даже если жена, щёлкая телеканалами, попадала на какого-нибудь священнослужителя, к примеру, дающего интервью, он немедленно требовал переключить программу. Из всего, хоть отдалённо связанного с Церковью, Иван Гаврилыч любил лишь анекдоты "про попов", их он частенько

рассказывал, к месту и не к месту.

Но довольно об этом. Цель нашей истории - поведать о том, как атеист Пупышев умер, посему ограничимся лишь фактами, имеющими к делу самое непосредственное отношение.

Виной всему была чёрная кошка. В то роковое майское утро Пупышев, по обыкновению, шёл на работу, и вдруг дорогу ему перебежала она самая. Сиамская. Как и все настоящие атеисты, Иван Гаврилыч был страшно суеверен, поэтому невольно замедлил шаг. Помянув про себя недобрым словом оригиналов-котоводов, которые из всего разнообразия кошачьих окрасов с маниакальным упорством выбирают чёрный цвет, он подумал, что, свернув здесь резко налево, можно, пожалуй, даже быстрее выйти к остановке... но тут боковым зрением заметил, что проклятая сиамка, будто читая его мысли, повернулась и перебежала путь слева.

Мысленно выругавшись, Иван Гаврилыч проследил взглядом за вредным животным и, к своему изумлению, стал свидетелем необычного поведения: отбежав чуть по левой стороне, под цветущей черёмухой, кошка снова повернулась и вторично перебежала через тротуар и дорогу, отрезав таким образом, и путь назад. Но и этим дело не кончилось - на той стороне улицы сиамка ещё раз проделала тот же трюк - так Иван Гаврилыч оказался в квадрате перебежек чёрной кошки.

Такое происшествие его неприятно удивило - ни о чём подобном ему не доводилось слышать, более того, в зловещем стечении обстоятельств на миг почудилась проявление чьей-то разумной воли... Отмахнувшись от неуютных мыслей, доктор Пупышев в сердцах плюнул (три раза через левое плечо) и решительно продолжил путь вперёд, не думая о последствиях.

Однако последствия не заставили себя ждать.

А случилось вот что: когда, уже после работы, Иван Гаврилыч, закупив продуктов (а также бутылочку любимого пива и газету "СпортЭкспресс") выходил из магазина, к нему подошёл сильно подвыпивший субъект с оплывшим от плохой работы печени лицом и промычал:

- Б-батюшка... м-мне бы это... поисповедаться...

Поперву Иван Гаврилыч даже не сообразил, о чём речь, настолько всё оказалось неожиданным. Пьяница тем временем продолжал:

- Надо, б...я. Понимаешь, отец, эти с...и совсем з...ли, не могу так больше... надо мне... исповедуй, а?

- Вы ошиблись, я не священник. - необычайная кротость ответа объяснялась тем изумлением, в которое повергли Пупышева сложившиеся обстоятельства.

- Ну чё те, жалко? - возмутился собеседник, дыша перегаром. - Впадлу, да? Я чё, б...я, не человек, что ли?

- Не знаю, человек вы или нет, но я уж точно не священник! - огрызнулся Пупышев, и решительно зашагал прочь. Эти слова показали ему весьма удачным ответом, жаль, впечатление смазали посланные в спину матюги.

Домой Иван Гаврилыч явился в состоянии лёгкой задумчивости.

- Представляешь, сегодня какая-то пьянь меня за попа приняла! - пожаловался он жене за обедом.

Госпожа Пупышева от этого известия пришла в такой неопиcуемый восторг, что едва не подавилась котлеткою, и ещё минуты три содрогалась от взрывов гомерического хохота. Иван Гаврилыч ощутил при этом сильное неудовольствие, но счёл за лучшее не показывать виду, он вообще, к слову сказать, не любил внешне проявлять чувства без крайней на то необходимости.

Отсмеявшись, Ирина Сергеевна - а именно так звали супругу нашего героя, - заметила, что причина, должно быть, в роскошной бороде Ивана Гаврилыча.

- Скажешь тоже. - буркнул тот, но вечером, в ванной, стоя перед зеркалом, внимательно осмотрел именно эту часть лица.

Надо сказать, что бороду наш герой носил с тех самых пор, как она принялась расти. Тому была веская причина, а именно, некоторый дефект нижней части лица, по какому поводу Ивану Гаврилычу даже в армии дозволялось не бриться. За четверть века он сжился с бородой, она стала частью его личности, пожалуй, наш доктор как никто другой понял бы древних русичей, по законам которых за вырванный в драке клоч бороды полагалась большая вира, чем за отрубленный палец. Конечно, за минувшие годы пластическая хирургия стала много доступнее, и Пупышев почти наверняка знал, что злосчастный дефект, который вызывал столько комплексов в юности, ныне без труда можно исправить...

Но с какой стати?

Почему из-за какого-то пьяницы он должен отказаться от собственной внешности? Что за абсурд? Неужто одни попы с бородами ходят? Вон, Дарвин с бородой был. И дед Мороз... И... кто-то из правительства тоже... А уж среди светил медицины сколько бородатых! Сеченов! Боткин! Пастер! Серебровский! Павлов! Эрлих! Кох! Фрейд! Да что говорить - Маркс, Энгельс, Ленин - и те с бородами ходили, да ещё с какими! Небось, к Ильичу на улице пьянь не цеплялась и не канючила: "б-батюшка, б-батюшка..."

Волевым усилием Иван Гаврилыч заставил себя забыть о неприятном инциденте и связанных с ним размышлениях. Идиотов в мире много, немудрено, если одному из них в проходящем мимо враче померещится священник. А кошка... ну, кто их знает, может, по весне они всегда так делают, метят территорию или ещё что-нибудь... А те анекдоты вчерашние... нет, это совсем тут ни при чём.

Таким образом, искусство игнорировать или выгодно перетолковывать неудобные факты, столь виртуозно развитое у всех атеистов, в очередной раз пришло нашему герою на помощь.

Увы, ненадолго. Может быть, Ивану Гаврилычу удалось забыть о неприятностях, но вот неприятности не забыли о нём.

С того раза не прошло и месяца. Усталый Пупышев возвращался со

смены, и, покинув бетонную утробу метрополитена, стоял рядом с облезлой остановкой, поджидая автобус. Приблизиться к остановке, как и остальным людям, ему мешала элементарная брезгливость - на скамейке, усыпанный тополиным пухом, сидел бомж, источая невыносимое зловоние.

Дабы не оскорблять взора своего лицемерием столь неаппетитной картины, Иван Гаврилыч стал к нему спиной и погрузился в собственные мысли о вещах, не имеющих прямого отношения к нашей истории. Так он погружался, покуда не вывел его из задумчивости сиплый оклик сзади:

- Бать, а бать!

Иван Гаврилыч совершенно машинально обернулся, чтобы поглядеть, к кому это так диковинно обращаются, и тут же вздрогнул: бомж глядел прямо на него!

- Э... ваше преосвященство... - просипел тот. - подкинь десяточку, а?

Пупышев лишился дара речи. Только и хватало его сил, чтобы стоять столпом, ошалело моргая.

- Ну, не жмись, бать... - продолжал бомж, покачиваясь. - Бог велел делиться...

Не проронив ни слова, Иван Гаврилыч попятился, потом зашагал всё стремительнее, прочь от остановки, а вслед ему неслись хриплые проклятья:

- Уу... церковник драный... десятки пожалел! Испокон веков простой народ обирают... а как самому дать, так зажлобился, с...а!

Ивану Гаврилычу казалось, будто все люди с остановки смотрят ему вслед, эти взгляды жгли спину, и он не решился пользоваться транспортом, а побрёл дворами.

Войдя в квартиру, скинув плащ и разувшись, Пупышев немедленно заперся в ванной. В хмуром молчании разглядывал он своё лицо, и в анфас, и в профиль, и забирал бороду в кулак, прикидывая, каково выйдет без неё...

Мужчины, не носившие бороды, либо отпускавшие её нерегулярно, никогда не поймут, как невыносимо тяжело расстаться с этим украшением лица тому, кто свыкся с ним за многие годы. Это всё равно, как если бы заставить приличного человека всюду ходить без штанов, в одном исподнем - и на людях, и в транспорте, и на работе... Кошмар!

Однако Иван Гаврилыч пребывал в столь смятённом состоянии духа, что готов был и на такой отчаянный шаг. Вспомнив поговорку: "что у трезвого на уме, то у пьяного на языке", он с ужасом понял, что эти два пьяницы, вероятно, лишь озвучили то, о чём думали многие незнакомые или малознакомые с ним люди! Его, убеждённого атеиста, принимали за попа! Да ещё при столь циничных обстоятельствах!

Он был готов сбрить бороду немедленно, если бы не один нюанс.

Даже среди православных не все священники носят бороду. А если взять католиков, так их патеры и вовсе бритые ходят принципиально. И что же? Пойти на чудовищную жертву, выбросить кучу денег на операцию, не один месяц лгать о причинах жене, дочке, коллегам и друзьям, - только для того, чтобы очередная пьянь опять прицепилась: "патер... ксендз, дай десятку!"

Иван Гаврилыч сжал кулаки и плюнул в раковину с досады.

Он почувствовал себя персонажем чьей-то шутки. Почти осязаемо ощутил, как кто-то улыбается, глядя на него из незримых далей. Кто-то, кто знает всё происходящее столь же хорошо, что и Пупышев... Кто-то, кто, по-видимому, находит всё это забавным... Иван Гаврилыч судорожно вздохнул и отвернулся от зеркала. Чувство глубокой личной обиды к отрицаемому Богу, знакомое каждому убежденному атеисту, больно кольнуло его "несуществующую" душу.

Как бы то ни было, но анекдоты "про попов" Иван Гаврилыч с этого дня рассказывать перестал, и даже когда кто-то другой в его присутствии рассказывал, уже не смеялся. Хотя супруга то и дело подкалывала его, называя то "моим попиком", то "святым отцом"...

Стал он задумчив более обычного, и оттого даже несколько рассеян. На улице старался появляться как можно реже, ибо не в силах был избавиться от назойливых мыслей: принимают ли окружающие его за попа? Какую бы мину соорудить, чтобы не принимали? И - как бы повёл себя настоящий поп на его месте?

Стоит ли говорить, что бомжей, и лиц, находящихся в подпитии, доктор обходил теперь за версту?

Не помогло.

В тёплый сентябрьский полдень, шурша опавшими на асфальт листьями, к нему подошёл интеллигентного вида мужчина. Не пьяница, и не бомж - иначе Иван Гаврилыч не попался бы! - вполне приличный с виду человек, хоть и одетый бедно.

- Добрый день, простите покорнейше за беспокойство...

Пришлось остановиться. Пупышев минуты две недоумённо вслушивался в обволакивающую речь незнакомца, который назвался архитектором и беженцем из Казахстана, зачем-то перечислил основные проекты, над которыми работал, пожаловался на социальные и экономические потрясения, жизненные невзгоды, и, наконец, перешёл к главному:

- Батюшка, неудобно просить, но крайне нуждаюсь...

- Я вам не батюшка! - взвился Иван Гаврилыч, услышав ненавистное слово.

- Да-да. Конечно. - послушно кивнул собеседник и коснулся рукою своей груди. - Поверьте, я никогда не думал, что мне придётся вот так побираться, жить на вокзале... но я хотя бы слежу за собой ... каждый день привожу в порядок, не хочется опускаться, понимаете... Мне бы до вторника продержаться, а там у меня назначено собеседование...

Дико сверкая глазами, доктор запустил руку во внутренний карман пиджака и, не глядя, вытащил сторублёвую купюру. За всю жизнь он не подал попрошайкам и десятой части этой суммы. Лицо архитектора-беженца заметно оживилось, тонкие пальцы потянулись за купюрой, однако Пупышев не спешил с ней расстаться.

- Скажи-ка мне, голубчик, - вкрадчиво заговорил Иван Гаврилыч, не

сводя с попрошайки пронзительного взгляда. - что именно в моём облике навело тебя на мысль, будто я - священник?

- Ну... - архитектор пожал плечами. - Лицо у вас особенное. Одухотворённое. У нас на такие вещи чутьё. Спасибо, батюшка! Век не забуду вашей доброты...

С этими словами казахский беженец подозрительно ловко извлёк из ослабевшей ладони Пупышева купюру и бойко зашагал вдаль.

А Иван Гаврилыч стоял посреди дороги с изменившимся лицом и глядел в светлое небо, обрамлённое жёлтеющими кронами тополей. Люди проходили мимо, удивлённо оглядывались, но ничто из окружающего мира в этот момент не могло его поколебать. Парадоксальная связь между явлениями предельно разных масштабов открылась ему во всей простоте и неотвратимости...

Наконец он склонился, помрачнев. Решение было принято.

Тем же вечером, скрипя зубами, Иван Гаврилыч дошёл до ближайшей церкви, благо, искать её не пришлось - золотые купола уже не один год мозолили глаза всякий раз, когда он выходил на балкон покурить.

Внутри оказалось темно, пахло деревом и душистым дымом. Округлые линии сводов, позолота подсвечников, сдержанные краски икон и фресок раздражали намного меньше, чем доктор полагал до прихода сюда. Можно даже сказать, совсем не раздражали. И всё равно Иван Гаврилыч чувствовал себя весьма неуютно в этом просторном зале со множеством строгих лиц на стенах, которые, казалось, рассматривали его не менее внимательно, чем он их.

К нему подошла сутулая женщина в платке и зелёном халате, чтобы сообщить:

- Батюшка сейчас придёт.

На ключевом слове Иван Гаврилыч вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Внимание к своей персоне несколько насторожило. Уж не принимают ли его и здесь за священника?

Минут через пять из стены с иконами впереди открылась дверца, откуда вышел молодой священник в особой, чёрной одежде и с большим крестом на груди. Сутулая женщина, чистившая подсвечники, что-то буркнула ему, и поп направился к посетителю.

- Добрый вечер. Что вы хотели?

У священника был очень усталый вид и при этом на редкость живые глаза. Иван Гаврилыч подумал, что "батюшка" ему, пожалуй, в сыновья годится. А борода поповская, кстати, оказалась весьма куцей.

- Здравствуйте. - слова Пупышеву давались здесь на удивление тяжело. - Передайте ему, что я всё понял. Не надо больше.

- Простите, кому передать?

- Ему! - Иван Гаврилыч сдержанно кивнул в сторону иконы. - Я понял. Кошка была не при чём. Только затравка. Анекдоты. Да. Он не любит, когда про Него анекдоты... хотя я же ведь несерьёзно... так, ребячьи забавы... А Он,

значит, мою жизнь анекдотом решил сделать... Это... Да... Скажите Ему, что я больше не буду... Пожалуйста, хватит...

- То есть, вы хотите поисповедаться? - заключил священник, и не дав Ивану Гаврилычу возразить, продолжил: - А вы крещены?

- Нет. - Пупышев удивился вопросу. - Я атеист.

- В самом деле? - пришла очередь удивляться священнику. - Не похоже.

Эти слова задели Ивана Гаврилыча сильнее, чем он готов был признать.

Во время вышеописанных злоключений незаметно для себя наш герой перешёл с позиции атеизма упёртого ("Бога нет, потому что я так сказал") к позиции атеизма умеренного ("я Тебя не трогаю, и Ты меня не трогай") и вдруг растерялся, когда получил просимое. Едва он вышел из церкви, тотчас ощутил, что никто больше его за священника не примет. Это знание засело очень глубоко, подобно знанию о том, что у человека пять пальцев на руке, один нос и два глаза. И даже супруга внезапно перестала подшучивать над ним - вот уж действительно фантастика! Чудо, как оно есть!

Но ни радости, ни облегчения не было. Напротив. Тот факт, что атеистическое мировоззрение, ставя человеческую жизнь (прежде всего, собственную) на пьедестал высшей ценности, одновременно делает её чудовищно бессмысленной, придавил разум Ивана Гаврилыча могильной плитой, и чёрным ядом отравил мысли. Собственная жизнь предстала однообразной чехардой привычных повинностей и пресных развлечений, слетевшим с обода колесом, несущимся под откос, в болотную жижу, или просто сырую, червивую землю, которая в положенный срок равнодушно поглотит кусок разлагающегося мяса - всё, что останется от него после смерти...

И одновременно, рядом, только шагни - иная реальность, несоизмеримо величайшая в своей чарующей осмысленности и преизбытке подлинной жизни...

Иван Гаврилыч стал замкнут. Много думал, читал книги, каковых прежде в его доме не появлялось, всё чаще заходил в церквушку, пару раз беседовал с отцом Мефодием, и снова думал, и сидел на кухне ночами, "жёт свет", как ворчала Ирина Сергеевна... И, по мере этого, с каждым часом атеист Пупышев всё больше хирел и чах...

Пока в один прекрасный день не умер.

Это был действительно прекрасный ноябрьский день, какие редко выпадают поздней осенью. По небу плыли высокие облака, воробьи чирикали на крыше церкви, тополя тянули вверх голые ветви, предвкушая таинство весеннего воскресения...

В краткой проповеди перед крещением отец Мефодий упомянул евангельские слова об ангелах, радующихся каждой спасённой душе, подчеркнув, что поэтому каждое обращение, обретение Бога есть событие поистине космического масштаба...

И вот здесь, прямо у святой купели, атеист Пупышев умер. Окончательно и бесповоротно. Из купели вышел раб Божий Иоанн, но это

уже, как говорится, совсем другая история...

Бд-6: Дервиш

Коли хочешь ты знать, что на сердце у женщины, - сделаешь, как я велю. В первую пятницу месяца тишрин за город выйдешь с силком, для охоты. Там ты поймаешь удода, которого, после закатной молитвы прочтя шахаду, обезглавишь. Кровью птичей наполнишь сосуд, вроде тех, с коими ходят рыдальницы в памятный день убиения имама Хасана. В погреб поставишь его, в место холодное, тёмное, там до воскресного дня простоит. В день же воскресный постясь, на закате омывшись, кровью удода на левой ладони начертишь аят - из книги священной, из суры "Женщины", сорок первый аят. В ночь понедельника в спальню той, чьи замыслы хочешь открыть, проберёшься. И едва только руку с заклатьем на грудь ей возложишь, тотчас, не просыпаясь, поведает всё без утайки...

Дирхемы твои холодят мне ладонь, их я прячу в рукав, на прощанье киваю, мул везёт меня прочь, по площади, мимо глазеющей детворы. За спиною моею мешок, в нём покоятся свитки с аятами книги священной, что на шёлке записаны, львиной коже, тарелках, зеркале, кости верблюда, куске платья девы... Для разной нужды - свои материалы, для каждого случая - особый аят. От укусов змеи, от скорбей и от страхов, для цельбы, ворожбы и защиты в пути, для изгнания джиннов, ущерба врагу, для поимки сбежавших рабов, чтобы милость визиря снискать, чтоб невидимым стать, чтобы жёны друг к другу бы не ревновали...

Дирхемы твои отдаю за постой, в пятницу месяца тишрин. На закате хмельном, под унылый призыв муэдзина, я жую чёрствый хлеб, запивая вином, - под твоей же рукой трепыхается птица, пока ты заносишь над нею отцовский кинжал. Трое суток спустя я бреду по пустыне, ожидая в оазис до ночи поспеть. Где вода, там и люди, а значит - работа, а значит - дирхемы, а значит - ночлег, и еда, и шлюха, которую даст мне хозяин сего гостевого двора. Девку за руку схватив, поднимаюсь к себе, ты же спускаешься в погреб, готовясь чертить на ладони священные строки. Тёмная вязь вьётся по коже, словно пригоршня червей. Я уже сплю, когда, выйдя на улицу, ты к богатому дому соседки крадёшься. Слухи о том, что купчиха-вдова стала равнодушна к тебе, разожгли твоё сердце как пламя джаханна. Кое-кто посмелее на месте твоём сам поборолся бы за её благосклонность - но чего ждать от простого горшечника? Ты лишь хочешь знать правду... Взобравшись на крышу, в лунном свете глядишь на неё. Она спит. По кошачьи ступая, крадёшься, на колени у ложа её опускаясь, тянешь руку, заклятую жертвенной кровью...

Утром купчиха-вдова рассказала служанке:

- Странное дело: сегодня, проснувшись, увидела я на груди следы крови.

Старуха всплеснула руками:

- Дурной знак, госпожа, как бы не вышло, что злобный шайтан вас

пометил.

- Да сохранил нас Аллах! Надо бы с дервишем знающим потолковать. Слышала я, что на прошлой неделе был такой в наших краях, продавал амулеты... Разыщи-ка его, если ещё не уехал...

Но к тому времени я уже далеко, дальше, чем мне бы хотелось. На постоялом дворе соблазнился хозяин, решив, что мешок мой набит серебром. Занесённый кинжал надо мною - последнее, что я видел на свете. С болью я умер и с болью родился для вечности. Ниже души мёртвой птицы душа моя здесь оказалась, и в пламя джаханна погрузилась глубже, чем души всех тех, кого сбил я с пути. И теперь я, пожалуй, мечтал бы удобом тем стать, или даже лишь веткою, на которую отдохнуть он присядет, но вместо этого - боль и огонь, одиночество и безысходная вечная мука...

Не печалься, купчиха-вдова! Вот в городские ворота въезжает на муле дервиш иной с мешком за спиной, всё так же глазеет на него детвора, и так же он любит дирхемы. Повстречаясь с тобою, он скажет:

- Коли хочешь беду ты отвадить, - сделаешь, как я велю...

Девушка и фантаст

- Ты что, заболел? - спросил я своего брата Петьку, когда прочёл название книги, которую он держал в руках.

- С чего бы это? - удивился братец, а затем хмыкнул, проследив направление моего взгляда. Мой взгляд упирался аккурат в словосочетание "Медицинский справочник".

Согласитесь, не самое обычное дело - застать своего энергичного родича посреди уютной холостяцкой кухни корпящим над "медицинским справочником". Что-то зловещее есть в этой картине.

- Нет, - ответил братец слегка покровительственным тоном. - Я пишу фантастический роман.

Ох, неужто снова! Среди ближайших родственников я не знаю никого, кто не сталкивался бы с Петькиными просьбами "заценить" очередной созданный им шедевр. Отказы он принимал за кокетство, критика отскакивала от него как градинки от танковой брони. Иными словами, в творческом отношении мой братец был весьма закалённой и целеустремлённой натурой. Наверное, теперь без этого настоящим писателем не стать.

Я уселся за стол и, подобрав с тарелки один из двух колбасных ломтиков, спросил:

- Наверное, тебе для сюжета понадобились редкие болезни?

- Нет. Хотя идея неплохая. Знаешь, какая самая главная проблема при написании фантастики?

- Придумать оригинальную идею? - наугад предположил я.

- Это тоже, - согласился он. - Но хуже всего с именами и названиями. Допустим, когда ты пишешь реалистическую прозу...

- Не думаю, что когда-нибудь осмелюсь.

- Не перебивай. Короче, чтобы назвать главного героя, тебе достаточно полистать телефонный справочник, чтобы определиться с местом действия - взглянуть на карту, с остальным и вовсе не парься - бери да списывай с натуры, как школьник домашнее задание с доски. Неплохая метафора, как думаешь?

- Ну так... - я всегда прибегал к этому ответу, если не желал огорчать собеседника суровой правдой.

- Короче, в случае фантастической литературы всё гораздо сложнее. Названия должны быть оригинальные. И для героев, и для места действия, и для всякой всячины, среди которой происходит дело. И вот с этим - просто труба. Допустим, с полдюжины ты ещё сможешь из себя выдавить, но десятки и сотни - вряд ли. Заметил, кстати, как ловко я ввернул архаичное словечко "полдюжины"?

- Оно не укрылось от моего слуха.

- Настоящий писатель должен расширять свой словесный запас за счёт архаизмов, диалектизмов и жаргонизмов.

- Это как-то связано с медицинским справочником?

- Опосредованно. Короче, оригинальные названия - это реальная проблема для всех фантастов. Многие пасуют перед нею, и пишут про каких-нибудь эльфов, которые сражаются с какими-нибудь вампирами с помощью каких-нибудь бластеров. Тебя, наверное, озадачило, что я трижды употребил слово "какие-то", но это на самом деле не от бедности языка, а стилистический приём усиления речи...

- В следующий раз, когда мне захочется справиться о твоём здоровье, я семь раз подумаю.

- Почему? А, ты намекаешь на суть?

- Ну так...

- Сейчас дойдём до сути. Я, признаться, тоже оскоромился, написал пару вещиц про эльфов, но затем понял, что это тупиковый путь. И отказался от него. Стал изучать, как эту проблему решают остальные. Надеюсь, от твоего слуха не укрылось то, как я научился избегать лишних местоимений? Нелегко было, но теперь без этого настоящим писателем не стать. Лишнее местоимение - словно гвоздь в подошве.

- Неплохая метафора, но всё же не мог бы ты подсократить публичный разбор своей речи?

- От слова "свой", кстати, нужно избавляться особенно тщательно.

- Пожалуй, мне пора, - я встал и шагнул к двери.

- Неужто ты предпочтёшь остаться на пропилях, так и не войдя в парфенон?

Этим он меня, надо признать, сразил. Пусть я и не раскрыл рот от изумления, но был к тому опасно близок. Не дерзну судить, насколько сказанное ниже характерно для всех начинающих писателей, однако вплоть до самого недавнего времени Петька явно предпочитал больше писать, чем

читать. Дисбаланс был столь сильным, что всякий, близко знающий моего братца, мог бы подтвердить, что ждуть от него упоминания слов вроде "пропилеи" и "парфенон" - всё равно что требовать от курицы перелёта через Днепр при ясной погоде.

Вы бы и сами не стали ожидать подобных слов от человека, который всего месяц назад осаждал вас просьбами "заценить" его новый роман о том, как один дивный эльф взаимно полюбил юную вампиршу из враждебного клана, затем ненароком пристрелил её брата из бластера, после чего несчастные влюблённые покончили собой.

Я вернулся к столу и сел напротив молодого фантаста.

- Надеюсь, парфенон будет того стоить.

- Отож. Короче, некоторые типы даже состряпали электронный генератор фантастических имён и названий. Я глянул на то, что он выдаёт - просто лажа. Ведь нужны не просто названия - нужны хлёсткие, звучные, запоминающиеся слова. И при этом совершенно незаезженные в литературе.

- Только не говори, что ты их решил взять из медицинского справочника.

Петька развёл руками. Чувствовалось, что он слегка раздосадован.

- Собирался, но раз ты меня опередил, теперь уже не буду.

Мы помолчали. Наконец я спросил:

- И как, перспективно?

- Да это золотая жила! Названия одно лучше другого. К примеру, трамал. Ты бы и в жизни до такого не додумался. А вот оно. На блюдечке. Бери да называй. "Билет на планету Трамал". Как тебе?

- Сильно.

- Или вот, допустим, я нашёл прекрасное слово для фантастического оружия: пневмоторакс. Круто, правда?

- Да, звучит, - вынужден был признать я. - А что это такое на самом деле?

Брат взглянул на меня, как на слабоумного.

- Откуда мне знать? Я смотрю только заголовки статей. Если читать сами статьи, то, наверное, и до старости не закончишь.

Подозрение закралось мне в сердце.

- Петь, а что такое пропилеи?

Глаза его предательски забежали.

- Ну... то, что перед парфеноном.

- А что такое парфенон?

- Ну, знаешь! Мне тут некогда. Дел полно. Кстати, сколько сейчас времени?

Я достал из кармана рубашки сотовый и взглянул на экранчик.

- А ты не думаешь, что фраза "который час" более удачна? - поинтересовался я у начинающего писателя. - Она короче, точнее и литературнее.

- Хорошо издеваться, просто ответь: сколько?
- Я только хотел сказать, что в стилистическом отношении...
- Блин, дай сюда!

И тут моя родная плоть и кровь довольно-таки бесцеремонно выхватила у меня из руки мобильник. Подобная выходка не избежала бы возмездия с моей стороны, если бы лицо Петьки при взгляде на экранчик не исказилось от ужаса настолько, что и самому недогадливому стало бы ясно, что каким-то образом возмездие уже осуществилось.

- Блин... - прошептал брат, роняя телефон мне в руки. - Она же придёт с минуты на минуту! Вот дурак!

Он вскочил и замер посреди кухни, затравленно озираясь. Потом кинулся ко мне,

- Слушай, Вадик, сейчас ко мне придёт Марина. Это очень важно. Я сказал ей, что болею, и что ты тоже болеешь.

- Надеюсь, не слабоумием?

- Шутки прочь. Я болею гриппом, а ты - бронхитом. Так что будь любезен, подыграй. Надо просто кашлять сухим грудным кашлем, и всё. Она принесёт нам лекарства.

Я понял, что сейчас устраивать расспросы бессмысленно. Основное было и так ясно. Раз он назвал её без отчества, значит, дама молодая, а произнесение полной формы имени из уст Петьки, называвшего своих прежних подруг лишь "Машка", "Дашка", "Нинка", означает, что к этой молодой даме у него отношение особое. Раз он ей сообщил, что буду я, значит, свидание не интимное, а то, что ему пришлось выдумать, будто мы больны, предполагает, что свидания добивался именно он, и что просто так эта Марина к нам бы не пришла. Учитывая указанные обстоятельства, вполне понятен тот ужас, который охватил его, когда он сообразил, что растранижил время, которое хороший хозяин тратит на подготовку дома к приёму гостей.

Этот ужас, надо сказать, передался и мне. Петька, конечно, раздолбай и фантаст, но прежде всего он мой брат, и раз ему необходимо провести успешное светское свидание, я обязан ему помочь. А если бы вы увидели обстановку, в которой это свидание должно было происходить, то наш ужас, безусловно, передался бы и вам.

- Мы не можем встречать даму в такой кухне! - воскликнул я.

- А что не так с кухней?

- Мусор. Видишь ли, женщины не любят мусора. И этого не изменить. Поверь, проще убрать мусор, чем заставить женщину полюбить его. Это действительно так, хотя поначалу может казаться иначе.

Несколько выше я назвал нашу кухню уютной, и я не кривил душой. Изменилось не моё мнение, изменился контекст, или, если угодно, критерии оценки. Скажу прямо, большинство кухонь, которые любой холостяк искренне назовёт уютными, на молодых дам произведут весьма неуютное впечатление.

Так что я немедленно принялся собирать со стола пакетики из-под чая, конфетные обёртки, хлебные крошки, пивные пробки и прочих представителей великого множества, которое необходимо удалять от женского взора столь же бескомпромиссно, как лишние местоимения из текста.

Петька тем временем самоотверженно ринулся к раковине, на приступ башни из немытой посуды.

- Когда пожалует гостя? - спросил я, кидая в урну собранные на столе артефакты.

- Договорились на час, - ему пришлось повысить голос, чтобы перекричать шум плещущейся воды и стук тарелок. - Значит, где-то через десять минут.

- У нас как минимум полчаса, - я смахнул паутину с фикуса и начал протирать подоконник. - Молодые дамы всегда опаздывают.

- Эта не опоздает.

И действительно - ровно в час запищал домофон. К этому моменту я успел прибраться на кухне, а братец героически очистил раковину - когда нужно, посуду он мог мыть столь же стремительно, как и писать романы.

Петька помчался в прихожую и что-то пролебезил в трубку домофона. Потом забежал на кухню и схватил меня за грудки, крича, как утопающий соломинке:

- Слушай, Вадик, помоги, а? Мне надо, чтобы всё прошло хорошо. От этого зависит моя жизнь.

- Да кто она такая? - спросил я наконец.

- Надеюсь, моя будущая жена.

Казалось, после пропилей и парфенона меня уже ничем нельзя было удивить, однако я ошибался. Когда мир услышал, что Петр намерен жениться, пропилям с парфеноном только и оставалось, что стыдливо отползти в тень.

Чтобы не растекаться мыслью по древу, скажу только, что ни Машке, ни Дашке, ни Нинке, о каждой из которых мой братец в своё время с восторгом отзывался как об "эльфийски прекрасной девушке", не удалось преодолеть того обстоятельства, что любые разговоры о браке у Петра вызывали только приступы гомерического хохота.

А теперь гляди ж ты!

Стоит ли говорить, с каким интересом я ожидал явления этой самой Марины? Вот мы стоим в коридоре, руки брата трясутся, загодя открывая замок, снаружи слышатся лёгкие шаги, дверь тихо отворяется...

И тут в Петькину конуру вплыла красавица, утончённая, как готический шрифт и изящная, как архаизм в тексте мастера. Снежинки блестели в её ресницах, на щёках играл румянец - так бы написали в ту эпоху, из которой вышла наша гостя, и они, безусловно, были бы правы!

Нас она почтила присутствием всего на четверть часа. Всё это время я скромно наблюдал за избранницей моего брата, периодически кашляя сухим

грудным кашлем и посильно участвуя в беседе.

Что сказать? И в одежде, и в осанке, и в мимике нашей гостьи сквозили достоинство, благородство, скромность. Речь её являла доброту, общительность, искреннее внимание к собеседнику. Поначалу меня смущало общество леди, столь разительно отличающейся от большинства её сверстниц. Но затем пришло понимание - а ведь она реально классная. Это здорово, что она такая. Рядом с нею хочется быть лучше. Что и говорить, повезло братцу с невестой.

Порасспросив о здоровье, Марина дала нам лекарства и рассказала, кому и как их принимать. Потом угостила дорогим заморским печеньем, которое мы тут же и съели за чаем.

Наконец наступил момент расставания.

Когда дверь за нею закрылась - проводить Марину нам мешали наши "болезни", - мы, храня благоговейное молчание, вернулись на кухню, разлили по второй чашке чаю и уселись на свои места - Петька возле окна, за которым падали снежинки, а я у двери. Только после этого братец произнёс:

- Ну как впечатление?

- Эльфийски прекрасная девушка, - сказал я.

- Да какие, на хрен, эльфы? - возмутился Петька. - Они ей и в подмётки не годятся!

- Пожалуй, соглашусь.

- Арвен и Галадриэль дрались бы в грязи за право ей прислуживать!

- Несомненно.

Он глянул за окно, высматривая Марину, хотя, конечно, знал, что через двор она не пойдёт. Затем проникновенно заговорил, не оборачиваясь:

- Это она. Та женщина, чьи глаза я хочу видеть каждое утро до скончания моих дней. Вадик, я должен жениться на ней.

- Но, как мне показалось, она ещё не подозревает об этом?

- Ну... в общем-то да... Если бы ты знал... я теряюсь перед ней и несую всякую чушь... и мне кажется, я ей совсем неинтересен. Вадик, что делать?

- Расскажи-ка мне всё, и желательнее поподробнее. Для начала: где тебе удалось сыскать такую девушку?

- Это не я, - пробормотал Петька с подавленным видом. - Это мама. Помнишь тётю Катю, мамину подругу? Марина - её дочка. И, короче, мама договорилась с тётёй Катей нас познакомить, чтобы, мол, мы потом поженились. Дядя Серёжа - Маринин отец, - не против.

При других обстоятельствах я много что остроумного мог бы сказать по этому поводу, однако то, что открылось ныне, заставило меня просто сидеть и слушать, разинув рот.

- Само собой, я как мог отбивался от маминых уговоров повстречаться с "хорошей девочкой". Потом думаю: ладно. От меня не убудет. Они договорились, чтобы нам встретиться в каком-то музее. Я специально оделся подурнее и зубов не чистил. Решил: если окажется какая-нибудь замухрышка и дура, сразу пошлю её, а если нормальная девчонка - вместе с ней поржём

над мамами и разойдёмся. О том, чтобы каких-то серьёзных отношений завязать и мыслей не было - ты знаешь, как я к этому относился. Конечно, чисто теоретически я допускал, что когда-нибудь в далёком будущем женюсь, но свою жену я намеревался выбирать сам, без маминых подсказок.

В этот момент я кивнул.

- Короче, поехал на встречу, ещё, дурак, опоздал, и как увидел её... блин! Я понял, что это она. Да, у меня бывали девчонки, и мне порою казалось, что я люблю их, но вот такого у меня ещё никогда не было. Это не просто влюблённость, это чувство, нет, это уверенность, что - всё, нашёл! Да, я хочу, чтобы она была моей женой!

- Так в чём же дело? Ведь с родителями уже всё решено и обговорено.

- Ничего не решено. Её родители сказали нашим родителям, что будут не против, если их дочь решит выйти за меня замуж. Но это не значит, что они будут сечь её розгами, если она вдруг даст мне от ворот поворот. Я надеюсь, ты заметил...

- Архаичное выражение?

- Да тьфу на все эти выражения! Перестань паясничать! Я говорю про то, что ты наверняка заметил, как равнодушно она... на меня смотрит! Блин, Вадик, я в луже. Я просто... осёл! Думал, будет круто, если пригласить её, сказавшись больным, она пожалеет и как-то... появится какое-то ко мне позитивное чувство... ну или хотя бы внимание...

- Приехав сюда, она проявила тем самым немало внимания, и, безусловно, сочувствует твоей болезни.

- Да, но...

- Ты ожидал большего? С чего бы?

- Ты прав. Конечно, гриппом никого не впечатлишь. Дурацкая идея. Вот если бы я был в гипсе... прикованный к инвалидной коляске... из-за того, что бросился под машину, спасая чужого ребёнка... да, это бы произвело впечатление, как думаешь?

- Безусловно, однако сомневаюсь, что рыцаря своей мечты Марина представляет прикованным к инвалидной коляске.

- Ты снова прав. Надо придумать что-то другое. Признаться ей, что я болен какой-нибудь серьёзной болезнью, без коляски, но от которой можно умереть, - он взял с подоконника медицинский справочник и принялся листать, бормоча: - Например...

- Сифилис? - предположил я и тут же пожалел об этом.

Брат наградил меня внимательным взглядом, в котором светилось вычисление удельного веса медицинского справочника, помноженного на силу ускорения, полученную при броске и определение наилучшей траектории полёта.

- Спокойно, Пётр! Я лишь хотел сказать, что болезни и жалость - это неправильное направление. Тебе нужна не жалость, а любовь. Как ты верно подметил, надо придумать что-то другое.

Поколебавшись, он отбросил справочник на подоконник, едва не задев

горшок с фикусом.

- Но что? То обстоятельство, что нас свели мамыши, на самом деле не облегчает, а только осложняет...

- Ты ей уже говорил о своих чувствах?

- Нет. Да как можно? Ты же видел её. Я даже не знаю, как и подступиться. Может, пригласить её полетать на воздушном шаре и когда мы воспарим к облакам, сделать предложение на латыни? А ты бы внизу выпустил на волю сотню белых голубей... И ещё музыка такая, средневековая...

- И знак пронзённого сердца, выложенный на земле из сотни трупов убитых в её честь сарацин. Это я шучу, но вообще, надо сказать, у тебя неплохой план, - я нечасто хвалил брата, но в этот раз он был того достоин.

Моя похвала весьма воодушевила Петьку.

- Значит, завтра так и сделаем! Я знаю, где достать голубей. Позвоню ей, приглашу...

- Нет, не выйдет. Ты же болен гриппом. Тебе нельзя выходить на улицу. При ней.

- Блин! Проклятый грипп. Вот ведь угораздило выдумать такую...

- Ругательствами делу не поможешь. Насколько я понял, мы можем, пожаловавшись на ухудшение самочувствия или что-нибудь такое, позвать её на помощь ещё раз. Следовательно, в своих планах лучше ограничиваться твоей квартирой.

- Да что здесь можно сделать? - он горестно всплеснул руками.

- Пораскинь мозгами. С воздушным шаром и латынью у тебя неплохо получилось.

- Может быть, мне написать рассказ, где в качестве героев вывести нас, только слегка замаскировав...

- Названиями из медицинского справочника?

- Возможно. И там уже оттянуться вовсю. В смысле, рассказать, что я к ней чувствую.

Вспомнив прошлые творения брата, я поневоле засомневался, такой ли уж это хороший план.

- Ты уверен, что справишься? Рассказ ведь должен быть действительно... качественный.

- Ещё бы! Лучший! Уж я постараюсь. Ради неё я готов пойти даже на правку и вычитку текста. В столь исключительных случаях, пожалуй, это действительно стоит делать. Да, Вадик, чем больше я думаю о нашем плане, тем больше он мне нравится. Бумага, как говорится, не краснеет. А в живом разговоре я бы непременно покраснел и начал нести какую-нибудь чушь. Даже на воздушном шаре. Короче, сделаем так. Я сейчас иду писать любовный рассказ, а потом позвоню ей и попрошу о помощи - ты же пока придумай предлог. Завтра, когда она придёт, отведёшь её в комнату и заговоришь чем-нибудь, а я тем временем суну распечатку рассказа ей в сумочку. На обратном пути она его обнаружит и... там уж всё решится.

Я пытался отговорить Петьку от этого плана, но не преуспел. Пришлось помогать.

* * *

На следующий день, когда Марина снова одарила нас своим присутствием, а также новой порцией лекарств и коробкой кексов, я, выдавив из своих лёгких нечто сухое и грудное, молвил:

- Пётр поведал мне, что вы отлично разбираетесь в растениях. Я не сильно вас обременю, если попрошу о консультации? Мне кажется, мой кактус погибает. Он очень дорог для меня, это память о бабушке. Я очень извиняюсь, что осмелился потревожить столь ничтожной просьбой...

- Конечно, давайте посмотрим. Он у вас здесь?

- В большой комнате. Позвольте...

Выходя из кухни, я обернулся и выразительно посмотрел на брата. Выглядел он неважно. Волновался. Да вдобавок и не спал всю ночь. Всё это обеспечивало ему неподдельно больной вид.

Мы с Мариной прошли в большую комнату. За окном шёл густой снег, большими хлопьями - самое то, чтобы играть в снежки и лепить снеговиков. Кактус стоял на подоконнике, в самом дальнем углу от двери, за которой была прихожая, в которой высилась табуретка, на которой лежала сумочка.

- Выглядит совершенно здоровым, - сказала моя потенциальная невестка, рассматривая зелёный шарик с иголками.

- Спасибо! У меня прямо от сердца отлегло. А то мне казалось, что ему совсем плохо. Вот-вот помрёт. Теперь я понимаю, что это ложная тревога. Обознался. Наверное, под воздействием бронхита. Кстати, видите вон ту картину?

- Да. Кажется, рисовал ребёнок.

- Мой брат. В три года, - рисунок мы общими силами сваяли вчера. - Вскоре после этого он понял, что изобразительное творчество - не его стезя, и решил всецело сосредоточиться на внутреннем росте.

- В самом деле?

- Да. Благодаря этой кропотливой работе над собою Пётр теперь представляет целое соцветие достоинств, которые, возможно, не сразу бросаются в глаза. Он самоотвержен, бескорыстен, и... вы заметили, как ловко он вплетает в свою речь архаизмы? Язык его изобилует метафорами и свободен от лишних местоимений...

Марина улыбнулась и я поймал себя на мысли, что мама могла бы позаботиться о своём старшем сыне пораньше, чем о младшем.

- Очень трогательно, что вы так относитесь к брату, - сказала красавица.

- Ну да, ведь он... - под марининым взглядом мысли начали путаться у меня в голове. - Он ведь писатель.

- Правда? И хорошо пишет?

- Ну так... - дипломатично заметил я. - Фантастика, знаете ли. Я в ней не слишком разбираюсь.

- Надо же, а я как раз люблю фантастику. Не помню, правда, встречалась

ли мне на книжных полках фамилия Петра, сейчас так много книг издают, что...

- Он пишет под псевдонимом. И публикуется пока, по большей части, в интернете. Там он известен как Хорн Витопрядов.

- Хорн? Ну надо же!

Тут она разразилась тирадой, из которой я понял, что они, оказывается, заочно знакомы уже два года, Марина в этой среде носит ник "Доброцвет", и однажды на конкурсе, когда все поносили её первый рассказ, только Хорн вступился за неё, противопостав полчищам сетевых хамов.

- ...невероятное совпадение! - заключила она.

- Это судьба, - вставил я.

- Надо рассказать Хорну, - и Марина стремительно пошла, почти побежала на кухню. Я поспешил следом.

Дверь в прихожую распахнулась и юная леди замерла. Через её плечо я увидел то, что заставило её замереть: Петька стоял над расстёгнутой сумочкой и держал в руке раскрытый дамский кошелёк.

Последовала немая сцена. Она длилась так долго, что, пожалуй, можно коротко остановиться на каждом из действующих лиц.

Своё лицо я по известным причинам видеть не мог, но, полагаю, на нём отразилась вся глубина моего замешательства.

Петька выглядел точь-в-точь как дивный юноша из расы антисептиков, который полюбил девушку из клана стафилококков, а затем по роковой случайности пристрелил её брата из своего верного пневмоторакса. Причём, на глазах возлюбленной.

Что же до нашей гостьи... Возможно, в мире есть немало девушек, которые, увидев, как молодой человек тайком роется в их кошельке, воскликнут: "Хо-хо! Как это мило!" и будут хохотать до упаду. Но Марина была явно не из таких. Она молча, с достоинством ждала объяснений, а по лицу её читалось, что у парня, шарящего по чужим кошелькам, шансов стать её мужем не больше, чем у прикованного к коляске сифилитика.

Из того положения, в котором оказался мой брат, нелегко найти выход. Лично я впоследствии целый день обдумывал, какой вариант поведения был бы наиболее верным. Наконец, нашёл. Лучше всего было сказать правду. Опустив кошелёк и глядя в прекрасные глаза, признаться: "Марина, я люблю вас. Чтобы привлечь ваше внимание, я собирался положить в сумочку рассказ, в котором пишу о своих чувствах. Это была дурацкая затея, так что я по справедливости оказался в глупом положении. Понимаю, что вы не верите ни одному моему слову, и вправе выбросить меня из своей жизни, как дырявый чулок. Я это заслужил. Прошу прощения. Искренне сожалею". А затем, склонив голову, отступить и замереть.

И она бы смягчилась. Это законы психологии. Как говорится, повинную голову меч не сечёт. Но даже мне, смею надеяться, не самому глупому представителю нашего рода, как видите, понадобился целый день, чтобы найти указанный выход. А вот у моего несчастного брата такой роскоши не

было. Немая сцена могла длиться секунд шесть, не более.

Увы, люди в подобной ситуации склонны оправдываться, и свои полдюжины секунд используют для того, чтобы выдумать ложь поправдоподобнее.

- Э... я тут шёл к холодильнику, - так начал мямлить мой братец, - и случайно задел табуретку. Сумочка упала, я подхватил её, но всё высыпалось и я, вот, стал собирать...

"Идиот!" - мысленно воскликнул я, но вслух, стиснув зубы, процедил самым непринуждённым тоном:

- Такое может случиться с каждым.

- Да, конечно, - холодно сказала Марина. - Спасибо. Я, пожалуй, пойду. Мне уже пора.

* * *

- Идиот! Кретин! Дебил! Ты ничего тупее придумать не мог? "Я уронил табуретку, и она упала так тихо, что никто не услышал! Удар же сумки об пол был столь силён, что её молния расстегнулась, и вылетел кошелёк, который, в свою очередь, тоже раскрылся!" Известно, что ложь всегда уродлива, но ты, братец, пожалуй, перестарался в стремлении подтвердить это.

Петька стоял, понутив голову, и ничего не отвечал. Наша беседа проходила в прихожей, которую только что покинула Марина. Ушла в январскую мглу, чтобы никогда не вернуться.

- На хрена ты вообще взял кошелёк?

- Я думал...

- Не смей порочить добрый глагол "думать", прилагая его к себе! Довольно лжи на сегодня! Просто ответь: на хрена ты полез в кошелёк?

- Мне показалось, что там она найдёт листок быстрее всего...

- А чего ты возился столько времени? Пока я её отвлекал, можно было разложить десять рассказов по десяти сумкам и смыться!

Он молчал.

- Ладно, - смягчился я, глядя на его повинную голову. - Марина, конечно, смутилась, однако вскоре она заглянет в кошелёк, увидит твой рассказ, и поймёт, что к чему. Мы ещё посмеёмся все вместе над этим.

- Не посмеёмся, - гробовым голосом объявил Петька и вытащил из кармана джинсов вчетверо сложенный листок. - Я не успел его положить.

Мне захотелось плюнуть с досады на пол, но я сдержался. В конце концов, пол ни в чём не виноват. Стиснув зубы, я ушёл на кухню и сел возле окна. Чуть погодя сюда же притащился и неудачник.

- Слушай, Вадик, что теперь делать, а?

- Ничего. Выкинь из головы Марину. Тебе её не вернуть. Постарайся забыться. Позвони и позови Машку. Или Катьку. Или Нинку. Или всех сразу. Или никого не зови. Сгоняй в магазин и купи пива. Или вина. Или водки. Или никуда не ходи. Просто поставь чайник на плиту и завари чай.

Поразмыслив, он выбрал последнее, а я принялся листать медицинский

справочник, чтобы хоть немного отвлечься. Мне, признаться, самому было не по себе. Я ведь мог её задержать... мог и его отговорить от этой глупости... И на тебе - поломал жизнь родному брату. Хотелось убраться куда-нибудь на планету Трамал и окончить свои дни за каким-нибудь тихим занятием вроде написания реалистической прозы.

- Я идиот, Вадик, - признался Петька. - Я кретин. Я дебил.

- Да ладно. Тебе просто не повезло. Глупое стечение обстоятельств.

- Эх, если бы только была в действительности машина времени... если бы можно было вернуться хоть на полчаса назад... блин!

Взгляд мой неторопливо скользил по заголовкам статей.

- Или, допустим, телепатия. Чтобы она сразу поняла, что я ничего плохого не хотел, что я просто пытался сказать, что люблю её!

Я перевернул страницу.

- Ладно, - сказал брат, заметив мою безучастность. - Пойду и расскажу всему интернету, какой я дебил. Проворонил мечту своей жизни.

И с такими словами удалился в маленькую комнату. Плечи его при этом были опущены, голова клонилась к земле, ноги шаркали, как у столетнего старика. Не верилось, что ещё вчера это был пышущий здоровьем молодой человек, готовый выложить на земле знак пронзённого сердца трупами убитых сарацин.

Я продолжал листать страницы, и незаметно для себя увлёкся, переключившись на содержание статей. Каких же, оказывается, болезней и лекарств не бывает на свете! Хватило бы на сотню фантастических романов.

Прошло, наверное, не меньше часа - по крайней мере, я успел и выключить поставленный братом чайник, и выпить чай, и поесть маринированных кексов, - как вдруг меня кольнуло странное чувство при чтении очередной статьи справочника.

Секундой спустя я гаркнул:

- Петька, дуй сюда! - и ударил кулаком по стене.

Вернувшись, выглядел он ещё хуже, чем когда уходил. Казалось, ему теперь и впрямь не помешало бы выпить некоторые из лекарств, принесённых Мариной.

- Ну? - хмуро спросил он.

- Есть идея.

- Только не говори, что вычитал её из медицинского справочника.

Я развёл руками:

- Увы, придётся. Ты знаешь о препарате "ленаутил"?

- Не больше, чем о парфеноне.

- Это ингибитор КРЭБ-белка, - прочитал я вслух.

- Какое исчерпывающее определение! Да, Вадик, ты умеешь растолковать. Ингибитор КРЭБ-белка - что может быть яснее? Я мог бы и сам догадаться.

Поскольку в его тоне сквозил лёгкий сарказм, я счёл за лучшее опустить описание воздействия препарата на процессы в гиппокампе, и перешёл сразу

к сути:

- При строго рассчитанной дозировке ленаутил помогает забыть то, что было в определённый момент времени. Препарат создан для подавления неприятных, травмирующих воспоминаний, - видя непонимание в его глазах, я пояснил: - Ну, знаешь, вроде того как у тебя на глазах кто-то роется в твоей сумочке...

- Ты хочешь дать эту штуку Марине?

- Да. Тогда у тебя может появиться шанс.

- Ты что, с ума сошёл?

Мягко говоря, я ожидал более благодарной реакции. Но вопрос есть вопрос и на него нужно отвечать по существу:

- Нет, Пётр, несмотря на твои усилия, я всё ещё в здравом уме.

- В самом деле? Ты хочешь, чтобы я травил свою любовь психотропными средствами? Полистай книжку получше и узнаешь, что это очень опасные средства. У них куча побочных явлений. Вплоть до летального исхода.

- Умереть можно от любого лекарства. Даже от аспирина. Однако погляди-ка, сколько она нам его навезла.

- Ни за что! Я не намерен подвергать её риску!

- Никакого риска, болван. Вот здесь в фармакологическом описании специально оговорено, что побочных явлений при разовом употреблении ленаутила не выявлено.

- У меня нет никакого желания выявлять их на Марине!

Вздыхнув, я отбросил кладезь оригинальных фантастических названий.

- Ладно. Не хочешь - как хочешь. Действительно, к чему всё это, когда в твоём распоряжении машина времени и телепатия.

Больше я не сказал ни слова до тех пор, пока Петька, предоставленный самому себе, не одумался, и не сообразил, наконец, что никакого вреда здоровью Марины моё предложение не несёт. Скажу откровенно, если бы такая опасность была, я бы и сам его не выдвинул.

Итак, взявшись за остатки ума, братец принялся умолять меня о помощи, и мы вернулись к обсуждению плана.

- Перед нами стоят две проблемы, - начал я. - Первая - приобрести этот самый ленаутил. Вторая - придумать, как незаметно подсыпать его в пищу Марине, учитывая тот факт, что сама она к нам теперь вряд ли заглянет.

Чтобы не терять времени, мы решили разделиться. Петька пошёл шариться в интернете, а я стал обзванивать аптеки и прочие медучреждения, список телефонов которых был любезно приведён составителями справочника.

Четверть часа спустя мы снова встретились на кухне.

- Ну как? - поинтересовался я без особой надежды.

- Глухо, - Петька выглядел задумчивым и удивлённым. - В интернет-аптеках ленаутила нет. Вообще.

- В обычных тоже. Там даже не знают, что такой препарат существует.

- А кто знает?

- Мне удалось дозвониться до одного профессора в институте мозга. Он знает. И он рассказал, что распространение ленаутила жесточайшим образом ограничено. Только по заказу спецведомств. Чуть ли не за каждым пузырьком строгая слежка.

- Для чего это?

- Для того, чтобы не было злоупотреблений. Ну, вроде того, что мы планируем.

- А может, вопрос просто в сумме?

- Я намекнул на это. Профессор посмеялся и сказал, что если я буду достаточно настойчив и стану предлагать действительно серьёзные суммы, то смогу добиться интереса со стороны правоохранительных органов. И пожелал успехов. В общем, как я понял, достать ленаутил невозможно.

Брат приосанился и со значением посмотрел на меня.

- Невозможно - это всего лишь громкое слово, за которым прячутся маленькие люди, - припечатал он. - Им проще жить в привычном мире, чем попытаться изменить его. "Невозможно", Вадик, это не приговор. Это вызов. Это шанс поверить в себя. Невозможное возможно. Поверь в себя!

Несколько секунд я молча переваривал эту тираду. Наконец, признался:

- Сильно сказано. Сам придумал?

- Нет. В интернете нашёл. Но это дела не меняет. Перед нами стоит задача и мы должны её решить, не тратя времени на произнесение глупых слов вроде "невозможно".

Мы задумались. Мысли как-то не шли. Чтобы простимулировать их, я посмотрел за окно. Во дворе малышня лепила снеговика. Потом я взглянул на подоконник и понял, что фикус не мешало бы полить, но других мыслей эта часть уютной холостяцкой кухни не вызвала. Тогда я стал смотреть на мешок картошки, покоящийся в простенке, и тут меня осенило:

- Слушай, спецведомство... помнишь, где работает дядя Боря?

Есть такое выражение: "воспрял духом". Вот это как раз то, что случилось с Петькой после моих слов. Ещё секунду назад он глядел в пол со зверским выражением лица, отображавшем умственные муки, а вот теперь перед нами снова человек, готовый покорять воздушные шары и вычитывать свои тексты.

- Я сам позвоню ему, - сказал Пётр.

И позвонил! Это было несложно - телефон висел как раз возле него, нужно было только взять трубку и набрать номер.

- Дядя Боря, здравствуйте, это Петя. Я попал в серьёзный переплёт, мне позарез нужна ваша помощь. Вы можете достать ленаутил? Ну, ингибитор КРЭБ-белка... Нет, я ничего не пил, кроме чая... Слушайте, от этого зависит моя жизнь... Невозможно, дядя Боря, это всего лишь громкое слово, за которым прячутся маленькие люди... Нет, я не вас имел в виду, я это к тому, что мне позарез нужен ленаутил...

Я с интересом слушал разговор. Надо будет сказать потом Петьке, что

он злоупотребляет словом "это". Писателю такое не к лицу.

Беседа продолжалась более получаса. Я успел ещё раз приготовить чай и доесть кексы. Петька был очень красноречив. Даже пропилил с парфеноном упомянул. А в определённый момент выложил всю правду - и после этого дядя Боря сильно смягчился, признав, что без ленаутила такой переплёт не разрулить. Финальным доводом стало обещание Петьки больше никогда не пичкать дядю своими фантастическими опусами, если тот поможет.

Людам, незнакомым с творчеством моего брата, сложно оценить всю весомость этого предложения. Но дядя Боря был знаком, и потому я совсем не удивился, что разговор сразу подошёл к концу и Петька, положив трубку, радостно доложил:

- За ленаутил можно не беспокоиться.

- Осталось придумать, как его дать Марине, - напомнил я, и мы приступили к очередному вызову и шансу поверить в себя.

- Вот здесь в таблице указано, что для удаления неприятных воспоминаний объёмом в полчаса нужно принять тридцать пять миллиграммов ленаутила ровно сутки спустя, - зачитал я по справочнику. - Значит, завтра около полудня Марина должна как-то эти миллиграммы употребить... Во-первых, нужно узнать, где она будет...

- В институте. Она говорила, что готовится делать доклад.

- Ясно. И как же нам её угостить ленаутилом?

Братец был ещё под впечатлением победы над дядей Борей, и оттого мой вопрос его не смутил.

- Никаких проблем, Вадик. Наверняка там есть столовая. Нужно подкатить к тётке, которая стоит на раздаче, показать фотку Марины и дать денег, чтобы тётка подлила ей в компот наш препарат.

- Сомневаюсь, что тётка с энтузиазмом отнесётся к такой просьбе, - возразил я. - Уж больно криминально это выглядит. К тому же нет никакой гарантии, что Марина вообще придёт в столовую, а если и придёт, то возьмёт компот, а если и возьмёт, то допьёт его до конца. Я знаешь ли, тоже учился, и с институтскими столовыми знаком не понаслышке. На моих глазах многие брали компоты, но мало кому удавалось допить их до конца.

Кажется, мне удалось втолковать Петьке, что проблема всё-таки есть. Можно сказать, что чело его омрачилось под гнётом тяжких дум.

- Как же тогда ей дать ленаутил? - пробормотал он.

Я с надеждой посмотрел в простенок, на мешок с картошкой, но в этот раз прилива мыслей не ощутил. Что же, даже молния не всегда бьёт в одно место дважды, чего тогда ждать от картошки? Я продолжил осмотр кухни, при этом прокручивая в уме множество вариантов решения стоящей перед нами задачи. Безрезультатно. Ни один из вариантов не выдерживал критики.

Судя по натужному пыхтению с той стороны стола, мысленные усилия моего брата были столь же безуспешны.

- На языке так и вертится одно громкое слово, за которым любят прятаться маленькие люди, - признался я. - Порою кажется неизбежным

присоединиться к их массе.

- С этим искушением надо бороться. Представь, что в старости, сидя у камина... Слушай! - я обернулся на него и увидел, что Петька сосредоточенно смотрит в простенок. - Вадик, меня осенило! Надо устроить как бы рекламную раздачу новой минеральной воды. Наш человек подойдёт к Марине с подносом, где будут стаканчики с ленаутилом и попросит принять участие в акции, так сказать, оценить новый продукт.

- Где мы такого человека найдём?

- Пашку попрошу. Он как раз на актёра учится, ему это будет раз плюнуть...

- А если она не захочет принимать участие в акции?

- Можно уговорить. Он ей шёпотом скажет, что от количества оценивших новый вкус зависит его зарплата, и что за ним, типа, наблюдает его начальник и, мол, неужто жалко выпить полстаканчика минералки?

- Кажется, идея неплохая, - наконец, признал я, с некоторой ревностью глядя на мешок картошки. - Если только Пашка не подведёт. Может, он завтра занят, или...

Тут зазвонил телефон и Петька сорвал трубку.

- Да! - крикнул он. - Да! Да. Да. Вадик. Спасибо, дядя Боря!

И телефонная трубка вернулась на базу.

- Всё отлично! - сказал Петька, повернувшись ко мне, - Вадик, съезди, пожалуйста, к дяде Боре за ленаутилом, а я пока займусь Пашкой. Надо ведь ещё реквизит подготовить. Ну, плакат с названием новой минералки, и халат с её эмблемой и бутылку с этикеткой...

- С удовольствием съезжу, - мне и самому хотелось выйти из душной квартиры на свежий воздух, и, как говорится, размять ноги.

Одеться было делом нескольких минут, хлопнула входная дверь, и уже спускаясь по лестнице я вспомнил, что не успел сказать брату про то, что Марина с ним давно заочно знакома по интернету, где у неё какой-то цветочный псевдоним. Впрочем, это может и подождать.

* * *

В разъездах я провёл несколько часов и когда возвращался домой, уже стемнело. Победно сжимая в левой руке пузырёк ленаутила, правой я провернул ключ в замке и, стараясь не шуметь, открыл входную дверь. Первое, что мне бросилось в глаза - до боли знакомая сумочка на табуретке посреди прихожей.

В квартире, между тем, стояла густая тишина. Мне пришлось сделать несколько шагов, чтобы увидеть кухню, и два силуэта на фоне подсвеченного уличным фонарём окна. Они сидели по разные стороны стола, и расстояние между ними было не меньше метра. Но Пётр, протянув руку, держал в своей ладони её ладонь и они молча смотрели друг на друга.

Я ощутил себя лишним местоимением и тихо удалился.

Герой, который остался дома

Фирд был седьмым ребёнком в крестьянской семье. Он родился утром, когда овец и коров гонят на выпас. Лето в тот год вышло на редкость засушливое - чуть ли не весь урожай Приозерья погиб.

* * *

Восемь лет ему было, когда однажды мать послала Фирда на дальний сенокос, - отцу и братьям обед отнести. Торопился мальчик, шагая по пыльной дороге. Выйдя на развилку, увидел, что навстречу скачет воин на чёрном коне. Фирд отошёл к обочине и склонил голову, как подобает простолыдину. Но всадник вдруг осадил коня и хрипло спросил:

- Эй, малый, какая из этих дорог ведёт к замку Тархем?

- Правая, господин.

- Спасибо, - буркнул воин и пришпорил скакуна.

Мальчик посмотрел ему вслед, а затем отправился в поле.

Вести, которые так спешил донести до царского слуха гонец, достигли Приозерья месяц спустя. Проезжавшие мимо купцы рассказали в трактире, что полководец Сартор поднял мятеж, и направляет армию к столице.

Чуть погодя по тракту прошло войско, посланное царём Огхеем наперерез мятежникам. Фирд в тот день вместе с братом Харном пас овец, и видел только облако пыли вдалеке да тёмно-серую полосу воинов.

А уже осенью, когда молотили хлеб, армия вернулась тем же путём, направляясь к столице. После конников шли две лошади, тащившие телегу, на ней стояла клетка, в которой сидел Сартор. Деревенские мальчишки бежали за телегой, смеялись и бросали в поверженного полководца камни и грязь. Фирд тоже бросал, - ведь это было так здорово! Одобрительно усмехались бородатые конвоиры, взрослые селяне кивали головами.

Мятежник с холодной злобой смотрел на мелких оборванцев, не уворачиваясь от камней и не теряя надменного вида. Ему, конечно, и в голову не могло придти, что если бы один из этих мальчишек три месяца назад направил гонца по другой дороге, тот, заплутав, потерял бы два дня. Совсем недавно как раз этих двух дней не хватило Сартору, чтобы соединиться с армией колеблющегося полководца Травеля. Если бы не этот мальчишка, сейчас в позорной клетке сидел бы сверженный царь, а мятежный полководец готовился к коронации...

Но об этом, разумеется, не подозревали ни Сартор, ни Фирд, ни царь Огхей.

* * *

Когда пареньку исполнилось двенадцать, у них издохла корова. Собираясь в город, на ярмарку, отец взял с собою Сура и Фирда. Город ошеломил мальчика. Высокие дома, в три этажа, да всё каменные, пёстрая толпа на узких улочках, шум, гомон, скрип телег...

На базарной площади они с братом протиснулись сквозь толпу зевак и увидели фокусника. Долговязый парень заставлял огонь струиться, как вода,

и пламенными струями рисовал в воздухе фигуры - птицу, дом, цветок... Фирд глядел во все глаза.

- Это изверженный, - шепнул ему на ухо Сур. - Был учеником какого-нибудь звездочёта, но не выдержал испытания. Так ему теперь и слоняться всю жизнь по базарам.

В этот момент фокусник от неожиданности прервал фигуру, наткнувшись на взгляд мальчишки. Все зеваки глядели на игру огня, лишь он один смотрел на самого фокусника.

Вечером, вернувшись на постоянный двор, парень, которого звали Акхам, долго не мог заснуть. Всю свою жизнь, грядущую и прошлую, он словно увидел через эти полные жалости глаза ребёнка.

Под утро Акхам решил вернуться к учителю, если не учеником, то хотя бы слугою. Звездочётом парень так и не стал, но за смирение, которое он стяжал, будучи добровольным рабом, Акхам сподобился гораздо более редкого и славного дара. Двадцать лет спустя именно его устами было предречено возрождение Владыки Южной Тьмы и Великая Война...

Фирд же тем временем, ничего не подозревая, шёл по пыльному тракту, вместе с отцом и братом ведя домой новую корову.

* * *

К восемнадцати годам Фирд остался у родителей последним неженатым сыном. Старшие братья и сёстры давно уже семьями обзавелись.

Как-то раз юноша пошёл в лес, за грибами, да силки проверить - не попалась ли дичь. Тут он и приметил впереди необычно светлую опушку. Подкравшись, Фирд замер: посреди поляны стояла девушка неопишуемой красоты, облачённая в дорогое платье небесно-голубого цвета; длинные золотые волосы её украшал венок из белоголовков.

Страх охватил Фирда: откуда бы взятая такой девице посреди леса? Вспомнились бабкины истории про сгинувших без следа охотников... Но ведь могла и простая горожанка, отстав от обоза, в чащобе заплутать... Ну, не простая... а очень красивая...

Он вышел на поляну и заговорил:

- Здравствуйте, госпожа! Я - Фирд из Приозерья, крестьянский сын.

- Здравствуй, Фирд, - девушка улыбнулась. - Меня зовут Селена.

- Не заблудились ли вы? Если нужно, я могу проводить до Приозерья...

Или... вы кого-то ждёте?

- Уже нет. Проводи меня в свою деревню. Только, знаешь, - я не госпожа тебе. Говори со мною, как с равной.

Пока они шли по лесу, Фирд то и дело поглядывал на неё, любуясь невиданной красою. А потом позвал:

- Селена!

- Да, Фирд?

- А не пойдёшь ли за меня замуж? - выпалил он, и сам испугался своих слов.

Девушка остановилась. Улыбка тронула её губы.

- Быстро же у вас знакомятся... - сказала, и глянула на него, так что аж в жар бросило: - Хорошо. Я буду твоей женой, если пообещаешь соблюсти два условия: не допытывайся о происхождении моём, и не мешай мне уединяться в комнате каждую ночь со вторника на среду.

- Клянусь! - выдохнул крестьянский сын и протянул ей руку...

Мать Фирда приняла эту весть с большим подозрением.

- Что это ты удумал? - прошипела она, отведя его в комнату, пока старшая сестра потчевала диковинную гостью кашей. - Мы же собирались тебя женить на дочке кузнеца!

- Я сам себе жену нашёл. С ней и буду жить, больше ни с кем.

- Не дури! Кто это в лесу невест находит? Без роду, без племени... Тут что-то нечисто.

- Пусть женится, - вступился отец. - Или ты не видела её платье? Не каждая горожанка может себе такое позволить. А руки-то какие - белые, да нежные, ни одной мозолилки. По всему видать, это дочь вельможи. А не помнит ничего, потому как память отшибло. Рано или поздно вспомнит, или родители станут искать, тут мы и объявимся. О таком родстве можно только мечтать! А что до кузнецовой дочки - сватов-то мы пока не засылали, так что, считай, помолвки не было.

Свадьбу справили шумную и весёлую. Гостям представили Селену как дальнюю родственницу, - якобы по той семейной ветви, что осталась в Залесье, когда прадед Фирда переселился в Приозерье.

Скоро сменила лесная красавица богатый наряд на простое серое платье, волосы золотые скрыла под косынкой, руки белые от работы тяжкой загрузели. Поначалу-то она почти ничего не умела - ни рыбу чистить, ни кашу варить, ни одежду стирать, ни корову доить, ни молоко в масло сбивать, ни сыр варить, ни скотину кормить, - но под началом свекрови быстро выучилась, и трудилась исправно, от зари до заката. О прошлом своём по-прежнему не говорила, и родственники её не объявились. Фирд в ней души не чаял, и Селена его полюбила, только при нём улыбалась и будто светлела лицом, только с ним говорила охотно, с остальными же - редко, и лишь по необходимости.

О происхождении он её не расспрашивал, и каждую ночь со вторника на среду оставлял одну в комнате. Порою, проходя мимо запертой двери, чудилось ему, будто оттуда доносится то смех, то плач, то голоса людей, толкующих на незнакомом языке. Но всякий раз он шагал дальше, не задерживаясь. А утро приносило новые заботы и труды, коими весьма изобильна крестьянская жизнь.

* * *

В девятнадцать Фирд стал отцом. Первенца назвали Гормом.

К двадцати пяти годам у них с Селеной было уже трое сыновей и две дочери. Но не только радости посылает судьба простым людям - весною старшая сестра его умерла при родах, а полгода спустя отец Фирда, выйдя на озеро, упал с лодки и простудился в холодной осенней воде. Болезнь

запустил, потом слёг, и к первому снегу скончался.

А зимой проезжие рассказали, что и старый царь Огхей почил, а на трон вошёл его сын - Рикхон. Чуть погодя, когда пришло время пахать и сеять, прибыл из города глашатай. Дождавшись, пока старейшина, стуча в колотушку, созовёт сход, он объявил, что новый царь задумал почтить память отца своего созданием великой гробницы, равной которой ещё не бывало. А значит, со всех подданных будет взиматься дополнительный налог.

Нелегко крестьянину добыть больше обычного, разве что год выдастся урожайный, но этого не произошло. Так что семье Фирда, как и другим, пришлось стать беднее и голоднее на те пять лет, пока строилось в столице чудо света.

* * *

Фирду шёл тридцатый год, когда у них пропал средний сын - Кор. Отец семейства трудился на дальнем сенокосе, Селена со старшими огород полола, бабка в доме пряжу пряла, а маленький Кор играл во дворе.

Только вечером заметили, что мальчика нет. Искали, звали, соседей спрашивали - как сквозь землю провалился. Сильно горевала Селена, места себе не находила, день и ночь плакала. И тогда Фирд впервые осмелился намекнуть на то, о чём обещал не спрашивать:

- Милая... а ты не можешь... узнать, где он... как-нибудь... по-особому?

- Если бы я только могла... - Селена уткнулась ему в плечо и зарыдала.

Фирд молча обнял жену. Больше они об этом не говорили.

* * *

На тридцать пятый год жизни Фирда в Приозерье дошли слухи о далёких войнах на Юге, тут же вспомнились и слова Акхама-прорицателя о возрождении древнего Властителя Южной Тьмы. Говорили, будто явилось от Выжженной Стороны и Мёртвых Городов страшное войско, опустошая ближние земли, и что воины те крепки, как камень, а ростом в два человека, и никто не может против них устоять...

А что крестьянину от слухов тех? Сорняки на огороде не перестали расти, скот - на выпас ходить, хлеба в поле - зреть, а скошенные травы - сохнуть. Только и оставалось - трудиться как прежде, да уповать, что беда минует.

Не миновала.

* * *

На следующий год в Приозерье прискакал отряд из замка. Снова застучала колотушка старосты.

- Идёт война. - отчеканил командир, оглядывая собравшихся крестьян. - Царь велел созывать войско. Каждая семья должна выставить по одному мужчине от пятнадцати до пятидесяти лет. Кроме того, взимается новый налог: три меры муки на двух человек.

Ропот прокатился по серой мужичьей толпе.

- Только посев прошёл, - сказал кузнец. - Едва у кого по столько

осталось. Что же теперь, до осени без хлеба сидеть?

- Да как ты, жалкая вошь, смеешь указу царскому перечить?! - воскликнул один из всадников и схватился за плётку.

Командир взмахом руки приказал ему молчать, а затем повернулся к селянам:

- Вы здесь сидите в своём углу, и не знаете, что творится. Неведомый враг на юге разгромил тем летом княжества Кагрег и Эрзират, а зимою вторгся в наши пределы. Три приграничных крепости захвачены и сожжены дотла, все жители истреблены. Если нынче не собрать и не снарядить войско, и не укрепить стены замков, через полгода вы уже ничего не сможете съесть - вас самих съедят. Эти нелюди не щадят никого.

Так пришлось Фирду и Селене расстаться и со вторым сыном - первенцем своим, Тормом. Семнадцать лет ему было тогда. Вместе с ним забрали и многих братьев его двоюродных, и дядю Сура, у которого были только дочери, и многих других селян. С плачем провожали их остающиеся, ибо знали, что не всем суждено вернуться.

Месяц спустя над трактом вновь поднялась пыль, раздался шум шагов, топот копыт и скрип телег. Все дела побросали крестьянки, выбежали на обочину, вглядываясь в бесконечную череду лиц проходящих воинов.

- Не меня ли высматриваешь, хозяйюшка? - усмехнулся Селене рыжебородый здоровяк с палицей на плече.

- Сына... сына моего не видел? Тормом кличут... их из Приозерья набрали, отсюда...

- А, свинопасы, что ль? Когда мы из города вышли, их ещё обучали. Другим путём пошлют, царь три армии набрал. Ну, бывай, хозяйюшка, вот вернусь - и договорим.

До полудня тянулось мимо деревни великое войско.

* * *

А уже осенью, как-то ночью в дом Фирда постучались.

- Кто там? - спросил он через дверь.

- Пусти, хозяин... путники мы.

- Для путников есть постоянный двор в конце улицы.

- Некогда нам в таких местах почивать, да и не на что. Открой, хозяин, Создателем клянусь, не причиним вреда. Нам бы подкрепиться, да товарища раненого оставить.

Фирд велел Селене дочерей в чулан спрятать, а сам достал из кладовки топор, и отпер дверь. Тихо вошли в сени четверо воинов, а пятого внесли на носилках.

Потрескивающая лучина едва освещала их мрачные, подавленные лица. Ели все молча, кроме того, который назвался Стормом.

- Войско разгромлено, - бормотал он. - Пока спереди теснили, ещё держались, а как справа и слева ударили, тут все и побежали. Немногим удалось уйти. Нам вот... тринадцатый день уже пробираемся.

- И куда вы теперь?

- На север. Как можно дальше. Да и тебе, хозяин, советую. Если южане пойдут этим путём - никого не пощадят. Не знаю, сколько у царя ещё войск, но надобно раз в десять больше, чем нас было. У них доспехи - крепче железа. Только если в шею попасть, или в глаз, убить можно. Сила в каждом - звериная. И боли будто не чувствуют... Я одному правую руку отрубил, а он поднял меч левой и снова на меня пошёл... Спасибо Кнасу, вдвоём мы его завалили... а то бы я там тоже остался...

- А что, и впрямь их так много? - хмуро спросил Фирд, думая о сыне.

- Считаю сам: нас было сто сотен, а их - впятеро больше! И дерутся, как одержимые... А ещё и драконов с собой привели... Эх... Ладно. Мы бы, хозяин, тебе друга нашего оставить хотели... не можем дальше везти, уход ему нужен. Позволишь?

- Оставляйте. Завтра лекаря кликну, там поглядим. Давайте-ка вам ещё рыбы сушёной в дорогу дам.

- Спасибо, хозяин. Век не забуду.

- Спасибо. Спасибо. - подали голос остальные.

На прощанье Сторм протянул Фирду пригоршню монет, но тот покачал головой:

- Вам нужнее. Друга-то раненого как звать?

- Кнас.

Тихо воины ушли обратно в ночь.

А поутру Селена узнала раненого - два месяца назад именно этот рыжебородый весельчак проходил в строю мимо неё.

Теперь Кнас лежал в забытьи, то бредил, то затихал. Надо лбом его темнела вмятина, а правая рука была замотана кровавой тряпкой. Сельский лекарь, осмотрев, сказал, что нужно резать, пока гниение не поднялось вверх. Фирд позвал старшего брата Харна, вдвоём и держали воина, когда лекарь рубил руку, а потом прижигал обрубок.

* * *

Уже через неделю мимо Приозерья потянулись в сторону замка толпы крестьян с южной стороны, ведя скот и телеги с пожитками. Плакали младенцы, мычали недоенные коровы, блеяли уставшие овцы. Люди оставляли свои дома и поля, спасаясь от грядущей беды.

Забеспокоились и приозерцы. Созвали сход, решили тоже пожитки собирать, да в путь готовиться, чтобы в городе скрыться за крепкими стенами. Но на другой день прискакал из замка воин, и сказал:

- Город переполнен. Не ходите, перед вами не откроют ворот. Спасайтесь сами, да благодарите человеколюбивого царя нашего Рикхона, который позаботился даже о самых ничтожных подданных, и послал гонцов по сёлам, предупредить о наступающем враге.

- Как же нам спастись? - спросил Лысый Корд из толпы мужиков.

Воин пожал плечами:

- Бегите в лес. Чем дальше, тем лучше. Вам ещё повезло - я, пока сюда ехал, три уже вышедших толпы развернул. Им-то потяжелее будет.

- А что если нам в другой замок идти, дальний? - проговорил староста.

- Думаете, вокруг Картхета нет деревень? - усмехнулся гонец. - Он сейчас так же переполнен, как и наш Тархем. Можете, конечно, рискнуть двинуться дальше на север... но хватит ли вам припасов? Да и войско вражье идёт быстрее ваших повозок. Ну, я своё дело сделал, а дальше сами думайте.

И ускакал.

- Здесь останемся, - сказал староста. - Никуда бежать не будем. Озеро защитит. А стада за лес угоним. Готовьтесь косы перековывать.

* * *

Десять дней спустя враг подошёл к Приозерью. Все дома были оставлены, закрома вычищены, стояла в хлевах пуста. А с берега южане увидели скопление лодок прямо посреди Большого Озера. В центре стояли плоты с пожитками, женщинами, детьми, да стариками. Во внешнем круге покачивались на воде лодки с искусными охотниками, каждый из которых отлично владел луком. Фирд стрелял плоховато, поэтому был в среднем круге, сжимая, как и остальные мужчины здесь, бывшую косу, превращённую в копье. Южане с берега смотрели на крестьян, а крестьяне с озера - на южан.

Враги оказались и впрямь высокими, хоть и не в два роста. Было их немного, меньше сотни - видимо, дозорный отряд. Не кричали, не суетились. Пока одни обшаривали дома, другие тащили брёвна и вязали вместе. Скоро спустили чужаки на воду плот, семеро забралось на него, двое направляли, отталкиваясь шестами от дна, двое стояли с длинными луками, а трое - с копьями и широкими щитами.

Молча взяли мужички внешнего круга стрелы, натянули тетивы.

- Подождите, пока отплывут от берега. - приказал староста.

- Цельтесь в шею. - подал голос Фирд.

Тихо рассекал плот водную гладь. День выдался безветренный, на Большом Озере не было ни волн, ни ряби. Молчали крестьяне, молчали враги. Лишь где-то сзади плакал младенец. Когда расстояние сократилось до одного полёта стрелы, лучники-южане потянулись к колчанам, но тут же от скопления лодок взметнулись в небо десятки стрел, чтобы, описав дугу, ринуться вниз.

Иные стрелы скрылись в водах, иные - впились в брёвна или щиты, а иные - пронзили вражескую плоть. С плеском рухнули в воду трое воинов, а четвёртый распластался на брёвнах. Оставшиеся скрылись за щитами, сомкнув их полукругом.

- Можно подплыть с разных сторон, тогда уж не скроются, - сказал сын кузнеца.

- Нет, - предостерёг староста. - Ждите. Если захотят уплыть - пусть уплывают.

Кое-как гребя из-под щитов, южане вернулись к берегу. А часом позже в деревню вошло основное войско. Темно стало от множества воинов, за ними же высились будто бы движущиеся холмы - драконы. Командир дозорного

отряда показал полководцу на лодки, сгрудившиеся посреди озера и рассказал, что произошло.

- Если собрать пару катапульта, можно в щепки их разнести, - добавил он.

- Ты тупее крестьян, Куго, - молвил полководец. - Они при виде катапульта рассеются по озеру - попробуй тогда попади. Двумя не обойдёшься, да ещё и на воду надо будет сотню лучников спустить. Итого - полдня потратить на каких-то свинопасов, когда завтра утром мы должны стоять у стен Тархема, а через неделю соединиться с правым войском Властителя. Сожгите их дома и поля, - потом сами сдохнут. Да поищите стада, они где-то рядом.

Загудело пламя, сизый дым клубами потянулся в небо. Приозерцы сидели в лодках и смотрели, как горит их деревня. Мужчины бессильно сжимали луки и косы, женщины, со слезами на глазах напевали песенки, успокаивая малышей. Вражеское войско ушло, но крестьяне и ночью оставались на воде, опасаясь подвоха. Лишь под утро пристали к берегу.

* * *

Враги не вернулись обратно по тракту. Смутно доходили до приозерцев восторженные слухи о великих героях и чудесных делах, благодаря которым войска Властителя Южной Тьмы оказались разгромлены, и сам он - уничтожен.

Но для крестьян большие невзгоды стояли не позади, а впереди. Дома были сожжены, хлеб в полях - погублен. Сумели враги и скот разыскать за лесами. Там, где скрывали стада, лишь мёртвых пастухов нашли: Ларха пронзили копьём, а Лысого Корда стрела настигла у самой кромки леса - чуть-чуть не добежал до спасительных зарослей. Это были не последние жертвы войны для Приозерья.

Хлеб почти весь погиб, а то немногое, что удалось спасти - оставили на посев. Чтобы новые избы отстроить, мужчинам пришлось много работать. Охотиться было некогда, огороды все разорили, оттого лишь нечастые уловы на озере, да грибы-ягоды стали пищей крестьянам. Зимой же и вовсе кроме рыбы ничего не было. Тяжёлая выдалась зима. Мать Фирда, как и ещё трое стариков и двое младенцев не пережили её. Люди умирали от голода, но общий амбар с зерном простоял запёртым до весны.

Из тех, кого приозерцы отдали в войско, тем летом никто не вернулся. Оттого Фирд и другие его братья решили взять на попечение дочерей пропавшего Сура - ибо жена его в одиночку не могла прокормить троих детей. Фирд с Селеной взяли младшенькую. Кроме того, на попечении у них оставался однорукий Кнас.

Тяжкой пришлась бывшему воину жизнь калеки. Рана, которую получил он в голову, тоже не прошла бесследно - Кнас часто жаловался на боль. Поначалу, как в себя пришёл, он вообще был как дитя. Со временем вернулась к нему память, но не вся, и речь восстановилась не вполне, так что иногда непросто было понять, что же он говорит. В хозяйстве от него проку было мало, хотя иногда Кнас и пытался подметать двор одною рукой, или

помойное ведро вынести, но чаще уходил на озеро, там сидел, глядя на воду и думал о чём-то.

Три года потребовалось Приозерью, чтобы худо-бедно в колею войти, но к прежнему достатку они не вернулись - ведь податей никто не отменял. Впрочем, было тогда немало мест, кои пострадали куда суровее, чем их деревня. Замок Тархем при втором штурме пал, и почти все, кто находились в городе, приняли жуткую смерть, а выжившие позавидовали умершим.

* * *

Когда Фирду исполнилось сорок, в Приозерье вернулось несколько воинов, набранных отсюда четыре года назад. Был среди них и Сур. На первой же встрече Фирд спросил:

- Не знаешь ли, что с Тормом?

Сур покачал головой, и отхлебнул из ковша хмеля:

- Туго нам пришлось, братишка, при Локране. Сеча была страшная. Многие из наших на моих глазах смерть приняли. Но сына твоего я там не видел. Кажется, на другой край их послали. А там почти всех порубили... Да ещё и драконы эти... Не знаю. Если жив - объявится. Не горюй прежде времени. Спасибо, что за младшенькой моей присмотрел.

В тот же год умер Кнас. Ушёл, как обычно, на озеро, и не вернулся. Через пару дней волны прибили однорукое тело к берегу. То ли оступись и утонул, то ли сам, от печали своей... С утопленниками всегда так - толком не разберёшь. Оттого их на кладбище и не хоронят.

* * *

В сорок два Фирд и Селена старшую дочь замуж выдали. Первая свадьба в их новом доме. Не только скорбеть, да терпеть крестьяне умеют, но и веселиться. Больше всех отец невесты на том празднике шутил и смеялся, а уж как отплясывал лихо... Чуть не вся деревня два дня гуляла.

* * *

К сорока пяти Фирд женил младшего сына - Сирта, и выдал замуж вторую дочь, да и дедом успел стать - внуков-близнецов от старшей своей понянчил. А уж Селена-то как с ними носилась - всё нарадоваться не могла.

Правда, второй дочери с мужем не шибко повезло - уж сильно он её колотил. Так что пришлось однажды Фирду достать старый меч, что от покойного Кнаса остался, наточить, да к зятю отправиться. Изрядно зятька уму-разуму поучил он, и кулаком по зубам, и ногами по рёбрам, и за волосы потягал, под конец же вытащил из ножен меч и остриём к шее приставил, тут и зарок дал, что, мол, коли жену ещё обижать вздумает, не сносить ему головы.

И пошло ученье на пользу, по крайней мере, рук зятёк больше не распускал, но как был непутёвым, так и остался - до работы ленив, а до хмеля и чужих жён охоч сверх меры.

* * *

В сорок девять лет Фирд умер. Было это вот как: пошёл он в лес, деревья валить на дрова, да не рассчитал с одной липой направление, и придавило его

стволом. К вечеру только освободили, в дом принесли. Лекарь, осмотрев, махнул рукой: нежилец. Но ещё два денька помучался он, Селена дневала и ночевала у постели мужа. Приходили к нему попрощаться и сын, и дочери, и внуки малые, и братья, и сёстры с детьми своими. А в последнюю ночь явилась ему супруга, преобразившись видом - была она так юна, как тридцать лет назад, в день, когда Фирд повстречал её на поляне. И то же голубое платье одела Селена, и белый веночек на золотых волосах. Но печалью светились глаза её.

- Милый мой, как тяжка для меня будет разлука! Низкий поклон тебе за все эти тридцать лет любви и счастья. Ты ведь от гибели спас меня тогда. Спасибо, что сохранил и тайну мою. Если хочешь, сейчас я могу сказать всю правду обо мне...

Фирд слабо улыбнулся:

- Мне уже поздно быть любопытным. Там, куда я теперь иду, это совсем не важно. Ты - жена моя, моя любимая, спутница жизни моей - этого с меня довольно. Спасибо тебе за любовь и терпение. У меня была хорошая жизнь. Только вот... переживаю о мальчиках наших пропавших... Знаю, что и ты немало слёз пролила. Надеюсь, что Создатель позаботился о них не меньше, чем о нас. До встречи, милая! Не грусти...

И как только испустил он последний вздох, коснулась лесная красавица его губ своими губами в последний раз, и ушла в чащу. Больше в Приозерье не видали её.

* * *

Так и не узнал Фирд о судьбе пропавших сыновей своих.

Мальш Кор в тот день, заигравшись, убежал на дорогу. По ней же проезжали на телеге дурные люди, вот и украли ребёнка, увезли, так что и крика никто не слышал. Прибывши в Тархем, выставили они его на торг. Тогда же случилось проходить по базару известному прорицателю Акхаму. Заметив мальчика, он замер в изумлении - очень уж похож тот оказался на виденного много лет назад крестьянского ребёнка, когда будущий прорицатель выступал с фокусами на потеху толпе. Акхам выкупил Кора, сделал его своим учеником, а позднее и наследником.

Мальчик смог добиться того, что не удалось его опекуну - он стал звездочётом, и не простым, а одним из величайших своего времени. Именно он был тем, кто вычислил время появления той Звезды, которая много эпох спустя возвестит рождение великого Царя и Спасителя.

Что же касательно Торма - воинское искусство пришлось ему по вкусу. В битве при Локране он не только выжил, но и сумел убить одного из вражеских драконов. Месяц спустя, когда случилась бойня в Сиктонском ущелье, Торм на своём коне вывез раненого государя. Рикхон оценил это, и приблизил к себе молодого воина. Став командиром сотни, Торм сумел задержать продвижение правого войска Властителя Южной Тьмы, ломая мосты на переправах, заваливая деревьями лесные просеки, и совершая набеги на обозы. В день Великой Битвы Торм командовал уже тысячей,

именно его солдаты захватили знамя Властителя.

После победы царь Рикхон назначил Торма полководцем. Столь стремительный взлёт даже в военное время редкость, впрочем, многие прежние полководцы к тому времени либо полегли на полях сражений, либо трусливо бежали в чужие края. Торм хотел вернуться в родную деревню, навестить родных и помочь им с высоты своего положения... но ему сообщили, что по Катрехтскому тракту шло левое войско Властелина, и Приозерье, как и другие сёла, было сожжено. Торму осталось только оплакать отца, мать, брата и сестёр, да зажить новой жизнью - в столице, при царском дворе.

Торм оставался полководцем до старости, верой и правдой служа престолу. Царь Рикхон женил его на одной из дочерей знатного княжеского рода, а преемник Рикхона - царь Сарогх, сделал полководца ещё и своим советником. К семидесяти годам Торм пережил всех своих врагов и завистников, и очень мало кто при дворе знал о его крестьянском происхождении. Да и сам он уже с трудом вспоминал то время, когда ходил с отцом рыбачить на Большое Озеро, или вместе с братьями пас коров.

Однажды на одном из пышных торжеств, прославленного полководца познакомили со знаменитым звездочётом, но братья не узнали друг друга, обменявшись лишь парой слов.

Уже после смерти Торма случился переворот, и царь Сарогх вместе со всей семьёй был жестоко убит. Сын Торма, Шеркох, вернулся с войском в столицу, казнил заговорщиков, и подавил мятеж. Но, поскольку наследника трону не осталось, Великое Собрание избрало на царство сына Торма. Шеркох стал основоположником новой династии, при которой страна процветала и сильно вызвысилась. Говоря о предках, царь любил рассказывать, что все они, кроме его отца, полегли в страшной войне с Властителем Южной Тьмы. Хотя на самом деле дед его скончался в простой крестьянской избе, в которой и по ту пору жили двоюродные братья и сёстры самодержца и царствующей фамилии.

Но об этом, разумеется, не подозревали ни те, ни другие.

* * *

Крестьянин Фирд из Приозерья прожил самую обычную, в глазах современников, жизнь. О нём не писали в летописях и не пели в легендах. Его имя не было известно за пределами деревни. И даже среди потомков полвека спустя уже никто не помнил о нём.

О путешествии наставника Ма и двух просветлённых

Некогда случилось учителю Ма проезжать через провинцию Цинь, направляясь на похороны отца. В тех краях дороги небезопасные, но досточтимый наставник, подгоняемый сыновним долгом, не стал дожидаться попутного обоза. Подстегнув своего осла, он отправился в сопровождении лишь одного ученика Кана.

В горах, когда закатившееся солнце уже подкрасило багрянцем вершины, и холод опустился на землю, учитель Ма повелел Кану подыскать пещеру для ночлега. Довольно скоро годная пещера нашлась, и ученик ушёл собирать хворост, тогда как досточтимый наставник остался наедине с ослом и возвышенными думами.

В это время, как на беду, перед ним явился злобный дух Грум, был он ростом с гору, так что рога его доставали до облаков, из пасти торчали клыки размером с амбар, от одного шага его проминались холмы, а от двух плевков образовывались зловонные серные озёра. Обратив полыхающие, будто жерла двух вулканов, бельма на безмятежного учителя Ма, дух пророкотал:

- Не в добрый час повстречался ты мне, путник! Я жутко голоден, так что, не обессудь, но придётся мне тебя съесть.

Досточтимый не удостоил духа ответом, продолжая смотреть на поросшие соснами склоны гор, созерцая, как нежно золотятся их вековые кроны в закатных лучах уходящего светила.

- Но прежде, чем ты умрёшь, я загадаю тебе загадки. - продолжало чудовище, - Хотя отгадать их не сможет ни один смертный в поднебесной, ибо под силу они лишь умам великих духов и небожителей.

Но наставник Ма даже не взглянул на духа, отчего тот страшно рассвирепел и пришёл в неопишумую ярость и взволновался, как сто штормов.

- Как смеешь ты не отвечать мне, смертный? - и от громоподобного крика Грума, птицы попадали с ближайших деревьев, а стоявший рядом осёл обделался, - Может, ты безумный? Или немой? Видишь ведь, что ты на краю гибели и помощи тебе ждать неоткуда! Воистину, я пожру тебя немедленно!

И тут досточтимый учитель улыбнулся а потом засмеялся, и смех его был легок и приятен, как шорох опадающих листьев по осени. Изумился Грум:

- Что смешного услышал ты, дрянной старик?

- Разве не смешно слышать как некто угрожает съесть себя самого или пустота обещает поглотить пустоту?

- О чём ты лопочешь, безумный?

- Разве можно съесть того, кого не существует?

- Но ты же стоишь передо мной!

- Это лишь видимость. Меня нет. Потому что личности не существует.

- Постой! Давай-ка с этого места поподробнее. - дух уселся на ближайшую гору, отчего с вершины сошло несколько лавин, заваливших дорогу в соседней провинции.

- Смотри сам, - наставник тоже опустился на ближайший валун, от которого отвалилось несколько камешков, которые, скатившись, завалили муравьиную тропу, - Возьмём колесницу. Скажи, колесо - это колесница?

- Нет, конечно.

- А обод от колеса?

- Ты шутишь! Как может обод быть колесницей?

- Но тогда, может быть, сама люлька является колесницей?
- Да какая же это колесница, если у неё колёс нет, и лошади?
- А лошадь ты назовёшь колесницей?
- Никогда!

- Значит, ни колесо, ни обод, ни люлька, ни лошадь по отдельности колесницей не являются?

- Выходит, так.

- Но ведь и все эти части, собранные воедино, колесницей назвать нельзя.

- Отчего же? - Грум так изумился, что ненароком проглотил пролетающего мимо орла.

- Ну, посмотри, мы возьмём лошадь, - учитель Ма указал перстом на осла, отчего тот вздрогнул и обделался вторично, - положим на неё люльку, а сверху - колёса, а по бокам приставим обода, будет ли это колесницей?

- Конечно, нет! - дух расхохотался и из его горла ловко выпрыгнул мокрый орёл.

- Выходит, колесница - это только имя, обозначающее все части, сложенные в определенной последовательности и с определенной целью.

- Ну да. - заметил дух, пытаясь ногтями ног подцепить с земли лавирующую гордую птицу.

- Точно так же и личность есть только название определенным образом упорядоченных элементов опыта - чувств, сознания, воли. Не существует отдельно "человека" и "солнца", а есть единое "человек, видящий солнце". Солнце - не внешний объект, а часть личности, включенная в процесс восприятия.

- Но, по крайней мере, существуют же эти чувства, сознание... - возразил Грум, забросив попытки поймать юркого орла.

- В том-то и дело, что нет! Это лишь совокупность частиц психофизического опыта. Единый поток вспыхивающих и тотчас исчезающих навсегда частиц, как в калейдоскопе, создаёт иллюзию внешнего мира и иллюзию собственного существования.

- Ну ты и завернул! - озадаченно буркнул дух, почёсывая свою башнеподобную голову, отчего из неё повалились на землю вши размером с росомеху.

- Теперь ты понимаешь, что меня не существует, я лишь часть твоего восприятия, неразрывно связанная с самим тобой. Потому я и улыбнулся твоим угрозам, ведь поедая меня, ты будешь поедать себя. Но, поскольку на самом деле не существует ни тебя, ни меня, то я засмеялся, услышав угрозы пустоты съесть пустоту.

После этих слов дух задумался, да так глубоко, что молчал до тех пор, пока не выступили на небе звёзды. Безмолвствовал и учитель Ма, предаваясь возвышенным думам, а созерцать в опустившейся темноте было уже решительно нечего, только слышалось, как фыркает временами осёл, стуча копытом по унавоженной почве.

Наконец дух сказал:

- Ладно, пусть будет так. Пусть нет тебя и меня. Но ведь есть-то надо! Поэтому, старик, я всё-таки тебя проглочу, а потом, на досуге, подумаю над твоими речами.

- Ну, вообще-то, разницы нет не только между мной и тобой. - заговорил бесстрастный наставник, - между мной и, к примеру, вот этим ослом, тоже нет никакой разницы. - в этот момент учитель Ма выразительно поиграл бровями, чего, конечно, нельзя было различить в темноте.

- Пожалуй, ты прав. - ответствовало чудище, - Но от осла дерьмом воняет. Поэтому съем я всё-таки тебя!

И с этими словами Грум схватил досточтимого Ма и проглотил в мгновение ока. А потом разочарованно проговорил:

- И от старика, оказывается, тоже воняет. А ведь и впрямь, никакой разницы нет.

В тот же миг дух получил озарение, и ушёл просветлённым, вознесясь в небесные обители, ко двору великого императора Юй-Хуаня Шань-Ди, чтобы проповедовать небожителям новое учение.

А спустя несколько отрезков времени с гор спустился Кан, несущий охапку хвороста.

- Учитель, а куда делся наш осёл? - озадаченно спросил он досточтимого Ма, выходящего из пещеры.

- В темноте между ослом и великим учителем не заметишь различия. - ответил мудрейший.

И в тот же миг Кан получил озарение, и ушёл просветлённым.

А досточтимому наставнику пришлось самому разжигать костёр. Впереди ждал долгий путь к исполнению сыновнего долга.

Лесоболотный массив

- Ходжес!

Он понял, что доносящийся откуда-то издали голос обращается к нему, и медленно поднял отяжелевшую голову, отрывая взгляд от густого мхового ковра под ногами. Сержант стоял на обочине старой дороги, проходящей по лесу, и смотрел прямо на него, пропуская проходящий цепочкой отряд.

- Да, сэр.

- Где Петерсон?

Ходжес остановился и оглянулся назад. Петерсон был замыкающим и должен был идти за ним. Но сейчас его почему-то не было. Солдат развернулся и помотал мокрой от пота головой:

- Я не знаю, сэр.

Сержант повернул голову влево и, приставив сложенные ладони ко рту, издал звук, напоминающий крик какой-то птицы (во всяком случае, он должен был его напоминать). Цепочка из семи взмокших, болезненно

уоставших за пятидневный переход солдат остановилась. Некоторые оглянулись. Сержант сделал взмах указательным пальцем в сторону идущего впереди Керка, и тот, отделившись, направился к ним. Командир резко развёл руками в стороны, с некоторым раздражением глядя на солдат. Разделившись по трое, солдаты сошли с дороги, скрывшись в лесных зарослях по обе стороны.

- Как давно ты его видел? - спросил сержант, пока подходил Керк.

Ходжес нахмурил лоб, силясь вспомнить. Перед глазами был только бесконечный мох, расплзшийся по старым, давно неезженным колеям заброшенной дороги. Да поросшие лишайником ели по обе стороны. Да грязный вещмешок Эрла, маячащий перед глазами. Последний раз он видел Петерсона на привале - три часа назад. Во время пути он один раз вроде сказал ему что-то, но когда это было...

- Не могу вспомнить, сэр.

Подошёл верзила Керк, тоже взмокший, с налитыми кровью выпученными глазами. Сержант повернулся влево, к лесу и произнёс:

- Мортон - за старшего.

- Да, сэр! - ответила одна из ёлок знакомым голосом.

- Керк, Ходжес - со мной.

Сержант развернулся и бойко зашагал обратно по дороге, которую они только что прошли. Громко, как бык на корриде, выпустив через ноздри воздух, за ним последовал Керк, скинув с плеча автомат и взяв его наперевес. Ходжес сдавленно вздохнул и через секунду тоже двинулся, быстро, чтобы нагнать их. Больше всего он завидовал сейчас тем шестерым, что скрылись в лесу по обе стороны дороги. Они сидят! Они привалили вещмешки к деревьям, скинули на колени надоевшие автоматы и, утерев в сотый раз промокшими рукавами лбы, свесили отяжелевшие головы, лишь изредка помахивая ими, как коровы на лугу, отмахиваясь от облепивших комаров и слепней. Но даже комарьё - ерунда по сравнению с возможностью СИДЕТЬ, чувствуя, как, подёргиваясь, "отходят" ноги, забывая о кровавых мозолях, забывая о режущих лямках вещмешков и многодневной нудящей головной боли. Счастливицы! А ему, Ходжесу, не повезло. Как же ему не повезло! Хотя бы сбросить этот проклятый вещмешок на землю, идти налегке... Но об этом даже думать нельзя. За что ему так не повезло? И Керку... Но Керку что - он ломовой, как лошадь, ему бы идти да идти. Он, наверное, вообще не знает, что такое усталость... А Ходжес знает... Ходжес поднял голову и провёл взглядом по монотонным зарослям. Обернулся. Место, где они остановились на дороге, он распознать уже не мог. Затем посмотрел на спины сержанта и Керка. Интересно, сколько они так будут идти? Вряд ли долго. Они ведь не могут ходить долго в поисках Петерсона. Эта нехитрая мысль вдруг так обрадовала Ходжеса, что он невольно улыбнулся, хитро прищурившись, словно разгадал великую загадку, тщательно скрываемую от него всеми окружающими. Да, долго они идти не будут. Ведь тогда отряд потеряет много времени. А этого допустить нельзя, потому что придти надо в срок, а

они и так уже из-за вчерашнего болота на час выбились из графика. Да. Далеко они не будут возвращаться. Ходжес посмотрел на часы, чтобы засечь время. Пройденное расстояние определялось по часам, на глаз его вычислить было совершенно невозможно. На всякий случай он взглянул вверх, на белые, как стены больничной палаты, низкие облака. Дождя вроде не будет. Скоро ветер разнесёт их и небо прояснится.

Прошли пять минут.

Десять.

А сержант всё идёт... Может, он забыл, что они опаздывают? Или не смотрит на часы? Ходжесу стало не по себе, когда он подумал, сколько им нужно будет ещё возвращаться обратно, до того места, где их ждут остальные...

Наконец сержант остановился и с озабоченным видом повернулся к нему:

- Ты не вспомнил, когда в последний раз видел или слышал Петерсона?

Ходжес остановился. Керк тоже, пристально осматривая сдавливающие заброшенную дорогу высокие заросли.

- Нет, сэр.

Они остановились! Слава Богу! Всё, дальше они не пойдут. Сержант одумался. Ходжес едва удержался от того, чтобы победно улыбнуться.

- Ты не слышал, чтобы он падал, вообще ничего подозрительного не слышал?

- Нет, сэр. - странный он какой-то, сержант. Когда идёшь несколько часов подряд, то смотришь только под ноги и ненавистный мох сливается у тебя перед глазами в одну бледно-зелёную пелену, все чувства притупляются, мысли уходят, ты словно впадаешь в гипноз. Как тут чего-то услышать? Говорят, в таком состоянии можно даже не услышать выстрела с близкого расстояния и не увидеть, как кто-то упал прямо перед тобой. В глазах будет стоять всё та же мховая пелена, а уши заслонять шелест от наступающих на неё сапог. Кажется, сержант смотрит на него с каким-то укором. Странно...

- В детстве, - тихо заговорил Ходжес, нехотя разлепляя спёкшиеся губы, - я слышал, что медведи нападают на последнего идущего в цепи. И делают это быстро и бесшумно...

Дорога, по которой они шли, и впрямь была вся истоптана медвежьими следами, на что уже в первый день перестали обращать внимание. Но Ходжес и сам не воспринимал всерьёз то, что произнёс. Он говорил лишь для того, чтобы ещё на несколько секунд продлить чудесный миг НЕХОЖДЕНИЯ. Стоять было не так хорошо, как сидеть, но намного лучше, чем идти. И надо было ещё немного постоять, прежде чем они повернут и пойдут обратно.

- Ты говоришь ерунду, Ходжес. - рявкнул своим противным, грубым голосом Керк, - Тебе это рассказывали, чтобы ты быстрее заснул. Медведи вообще не нападают на человека, а летом - особенно.

Ходжес был слишком вымотан, чтобы съязвить о том, как можно

"особенно не нападать" и вместо этого с равнодушным видом повёл головой. Всё равно сейчас они повернут и пойдут к своим. И больше не будут терять зря время. Запищали комары, поджидавшие, когда три двигающиеся мишени остановятся. Какая разница, куда девался Петерсон? Нет его и нет. Если жив, то к вечеру догонит их на привале. Ходжеса искренне удивляла озабоченность сержанта. Может, Петерсон нёс что-то важное для всех? Вроде нет, - рация у Виклифа, аптечка у Анга. Что им так дался Петерсон? Ладно, пора уже поворачивать.

- Идём дальше. - недовольно бросил сержант.

У Ходжеса всё так и упало внутри. Дальше? Зачем? Сержант свихнулся? Или он забыл про время? Нехотя солдат задвигал ногами, нагоняя двоих ушедших вперёд. Что на них нашло? Ходжес не верил своим глазам. Ненормальные. Всё равно три часа до предыдущего привала они не будут идти. Ну что за люди! Ходжес смотрел, как вздрагивает панاما сержанта, водящего головой из стороны в сторону. Дался им этот Петерсон! Отлить пошёл человек. Или просто сел на дороге, отдохнуть. Он ведь сам не особо-то крепкий... Ну теперь только попадись этот слизняк-Петерсон! Сколько из-за него пришлось потопать! Ходжес вдруг ярко представил, как незаметно от сержанта сунет Петерсону прямо по его круглой роже во время следующего привала. Только отыщись, гнида! Ходжес стиснул зубы.

Снова! Слава Богу, в этот раз он вовремя заметил эту дрянную корягу. Полчаса назад, проходя здесь, он чуть не споткнулся о неё. Самое ужасное на дороге - упасть. Потом совсем не хочется вставать. А вставать с опостылевшим грузом за плечами очень и очень тяжело. Потом догонять остальных... На всё это уходит колоссальное количество сил. Да, он тогда ещё сказал Петерсону: "коряга!"... Стоп!

- Сэр!

- Что ты орёшь, я тебя и так прекрасно слышу! - шёпотом осадил сержант, резко развернувшись. Все трое остановились, - Иду в двух шагах от тебя. Что такое?

- Сэр, я вспомнил: когда мы шли здесь, Петерсон был с нами. Я обратил его внимание на эту корягу, чтоб он не споткнулся, он ответил: "понял!".

Сержант по-деловому осмотрел корягу. Затем заросли с правой и с левой стороны. Ходжес проследил за его взглядом. Протопанная взводом тропка в густом высоком мху на дороге ни о чём ему не говорила, так же, как и полуистлевшие лапы елей, нависавшие с обеих сторон. Но теперь, по крайней мере, удалось определить отрезок пути, на котором пропал замыкающий. Они повернули и разделились, согласно приказам сержанта: Керк пошёл по лесу вдоль дороги слева, Ходжес пошёл прямо по дороге, а сам сержант - по лесу с правой стороны. Они медленно возвращались к оставшимся впереди шестерым, пристально оглядывая детали окружающей местности. Ходжес, стараясь сосредоточиться, осматривал дорогу с края до края. Сосредоточиться мешала давняя, четырёхдневная боль в том месте, где кончался затылок и начиналась шея. Да сосущий, свернувшийся от голода

желудок. Временами Ходжес вскидывал взгляд и проглядывал сквозь кусты и еловые ветки, ища глазами фигуру Керка или сержанта, чтобы определить, не отстал ли он от них. Дорога всё так же ни о чём не говорила.

Стараясь отвлечь от головной боли и голода пробудившееся сознание, Ходжес стал задумываться, что же всё-таки могло случиться с Петерсоном. Версия с медведем выглядела слишком фантастичной даже для человека с искажённой за пятидневный изматывающий поход психикой. Партизан здесь быть не могло - на сотни километров нет ни одного селения. Нет, разгадка не в этом. Петерсон шёл последним, и за ним никто не следил. Он легко мог сесть от усталости. Или даже сойти с дороги, чтобы отдохнуть пару минут. А во время отдыха незаметно для себя заснуть. Позавчера во время привала с самим Ходжесом так и случилось: он только приклонил голову к стволу сосны, только прикрыл веки - и всё, провалился в какие-то странные, мятежные сны о космических расах, Совете 17 миров Галактики и прочей дребедени. Неприятные удары ладонью по щекам - и раздражённое лицо сержанта перед глазами. То же, видимо, произошло и с Петерсоном, только разбудить его было некому. Но, по идее, найти его всё же можно, если он сошёл с дороги - мох ведь сохраняет следы. Ходжес всё также внимательно осматривал края просеки. Никаких следов, кроме тропинки, протоптанной взводом, не было. С усталым раздражением Ходжес нахмурился и покачал головой - плохой из него следопыт. На занятиях всё было просто, а здесь -- ничего не разберёшь.

- Керк!

Выплывший из леса в десяти метрах впереди сержант что-то рассматривал на правой колее. Слева в пяти метрах из зарослей вышел Керк. И когда это они успели так далеко уйти? - удивился Ходжес, набирая ход, чтобы нагнать их. Неужели нашли-таки Петерсона?

Сержант показывал рукой на чёткий медвежий след на склоне колеи. Керк пригнулся и отрицательно покачал головой:

- Нет, сэр. Ему уже несколько дней. Видите, он размыт вчерашним дождём?

Сержант хмуро провел взглядом по сторонам и остановился на подошедшем Ходжесе.

- Разрешите сказать, сэр!

- Говори!

- Петерсон уставал. На последнем привале он жаловался. Должно быть, он не выдержал и сошёл с дороги, чтобы отдохнуть пару минут, а как только сел, то незаметно для себя уснул. - Ходжес очень старался, и у него действительно получилось произнести всё это ровным, скучным голосом. От этого зависело, сколько ещё им бессмысленно ходить туда-сюда. То, что Петерсон на самом деле ни на что не жаловался, было неважно. Важно было убедить сержанта прекратить бессмысленную ходьбу.

Сержант нахмурился ещё сильнее.

- Странно, что мы его не увидели. - проговорил он и посмотрел на

Керка. Тот молчал, - Однако надеюсь, что всё обстоит так, как ты сказал, и Петерсон сумеет нагнать нас на вечернем привале. То, что мы будем идти по дороге, он знает. Времени терять мы больше не можем.

Сержант повернулся и быстро зашагал по дороге, так, что за ним едва можно было поспевать. Слава Богу, эти глупые поиски закончились. На сердце у Ходжеса стало спокойно. Раздражённость стихла. Сейчас они дойдут до остальных и сержант разрешит им с Керком посидеть. Да, они должны посидеть. Сержант и сам, видно, подустал. Ходжес смотрел под ноги и с предвкушением думал о минуте - хотя бы одной! - отдыха, когда можно будет, наконец, присесть и глубоко вдохнуть влажный воздух. И вытянуть, вытянуть наконец гудящие ступни, глядя на избитые чёрные мыски шнуровок. Скоро. Совсем скоро. Ходжес кивнул головой и улыбнулся.

Сержант, как всегда неожиданно, остановился и негромко скомандовал, словно в воздух:

- Строиться!

Ходжес встал как вкопанный. Он глупо таращился на появляющихся из зарослей отдохнувших, приободрившихся сотоварищей, с любопытством поглядывавших на них, и не верил, что судьба взаправду лишает его этой самой заветной минуты отдыха, которую он, Ходжес, по праву заслужил. Строиться? Как строиться? Этого не может быть... Он даже покачал головой, словно воспринимая как наваждение, вылезших слева Эрла, Мортонна, Анга, а справа - Виклифа и Золли. Они смотрели на новопришедших так, словно чего-то от них ждали. Чего? Ах да, Петерсон! Ну конечно, с отчаянной злобой подумал Ходжес, когда вволю насидишься, можно подумать и о всякой ерунде вроде пропавшего Петерсона. Сходил бы кто-нибудь вместо него, если их это заботит!

- Где Шварц? - вдруг резко спросил сержант, обращаясь к Мортону.

Действительно, Шварц не вышел из зарослей - только сейчас обратил внимание Ходжес. Солдаты недоумённо переглянулись.

- Да здесь он... - не очень уверенно сказал Мортон и негромко, но строго окликнул: - Шварц! Шварц!

Шварц не ответил.

- Кто был рядом с ним? - нетерпеливый голос сержанта вдруг стал сеять смутную тревогу где-то в глубине выхолощенных пятидневным марш-броском душ.

- Золли, сэр. - Мортон провёл рукой по лбу, смахивая комаров.

Сержант развернулся к чернявому коротышке:

- Где он сидел?

- Здесь. - махнул рукой Золли.

Быстрым шагом сержант прошёл к указанному месту и вошёл в заросли. Все невольно последовали за ним. Вот ель, под которой сидел Шварц. Мох примят. Слишком низкая ветка, видимо, мешавшая ему, надломана и развёрнута в другую сторону.

- Ещё минут пять назад он был здесь, мы с ним

перекликались. - слышался недоумённый голос Золли.

- Наверно, отлить пошёл. - предположил Анг.

- Или за черникой. - заметил Виклиф.

- Отставить разговоры! - раздражённо одёрнул сержант.

Керк присел на корточки под елью и стал рассматривать примятый мох.

- Что видно?

- Пепел, сэр. Он курил, когда сидел. Окурка нет.

Керк поднял голову и провёл взглядом по поросшим мхом и черничниками кочкам, словно ожидая найти этот несчастный окурочек.

- Не вижу следов, сэр. - доложил Керк, покачав головой.

Сержант расправил плечи и повёл головой.

- Дорогу он не переходил?

- Никак нет, сэр! Мы бы увидели.

- Значит, он где-то в этой стороне. За пять минут далеко уйти не мог. Сейчас мы цепью прочешем лес вглубь на сто метров. Расстояние между звеньями - не больше пяти шагов. Каждые три минуты - перекличка. Вопросы есть? Тогда за дело. Оружие держать наготове.

От этой деловитости страх стал пробираться глубже. Защёлкали предохранители. Солдаты растянулись цепью и медленно стали проходить по лесу, удаляясь от дороги. Напряжение и беспокойство заставили позабыть и о головной боли, и о голоде, и о тяжести амуниции. Лишь только ноги, неизменно при каждом шаге проваливавшиеся в мягкие, поросшие мхом и черникой кочки, не давали о себе забыть, каждую секунду заставляя стискивать зубы. "Если вернусь - никогда дома у меня не будет ковра!" - поклялся вслух Виклиф уже на второй день похода. Утопая на 20-30 сантиметров в мховую кашу, нога напрягается всеми мышцами сразу, человек ступает как цапля, высоко вздымая колени, вытаскивая ступни - каждый такой шаг даётся тяжелее двадцати шагов по твёрдой земле. И когда человек по этому мховому ковру идёт час, два, три - ноги устают дико, безумно, особенно ступни, устают до боли, до немоты, так, как никогда в обычной жизни. Жизни... Через несколько дней пешего похода по тайге человек напрочь забывает о какой-либо жизни, кроме той, в которой он должен переставлять ноги, продвигаясь вперёд по лесу. Та жизнь, что была до этой дороги, этого леса, этого болота, кажется такой далёкой и призрачной, что человек всерьёз начинает сомневаться в её существовании, а всплывающие подчас редкие воспоминания до того блеклы и безжизненны, что их нетрудно спутать с чем-то, вычитанным в книге, или услышанным от кого-то. Существует только лес. Все мысли направлены на привалы. Где окажется привал - самое важное. Время отдыха - тоже очень важно. Да, это существует. И ещё существует то место, к которому они должны прийти в итоге. Конечная точка пути. Но и она представляется в сознании чем-то уже более расплывчатым. Самое важное - то, что есть сию минуту, и то, что ожидает тебя в ближайший час.

- Керк! - окликнул где-то слева голос сержанта.

- Я!

Переключка - догадался Ходжес, пробуждаясь от тяжёлых мыслей.

- Мортон!

- Я, сэр!

- Анг!

- Я!

Голоса с каждым выкриком приближались к нему.

- Ходжес!

- Я!

- Эрл!

- Я! - голос справа.

- Золли!

- Я! - ещё дальше.

- Виклиф!

- Я! - совсем далеко, к тому же сзади - видно, Виклиф отстал.

Глаза до боли вглядываются в окружающий лес. Действительно, куда подевался Шварц? Пойти по нужде он мог. Это так. Хотя то, что никому не сказал об этом - странно, не по уставу. Ну это ладно. Мог пойти и за черникой - она хоть на какое-то время утоляет голод, одинаково терзавший всех их, несколько не насыщавшихся тощими, по-идиотски составленными спецпайками, способными разве что ещё сильнее раззадорить аппетит... Подумать только, а ведь где-то сейчас люди выбрасывают еду, другие по доброй воле сидят на диетах, находятся даже такие, кто объявляет "голодовки"! Сюда бы их! Чтобы дурь вся вышла! Ладно, черника это хорошо, но что дальше? Куда он мог пропасть-то? Версия со сном отпадает - он отдохнул. Да он бы и заходить далеко не стал... Черника повсюду... Трясин здесь нет... Что тогда? Партизаны? Убить бесшумно они его могли, равно как и Петерсона, но куда дели тело? Ведь никаких следов переноса - а их должно быть очень много. Да и зачем им уносить труп? Бред какой-то.

- Керк!

- Я!

Однако как выматывают эти бессмысленные поиски! По лесу идти тяжелее, чем по дороге - значит, они должны вернуться на дорогу.

- Мортон!

- Я!

И не надоело всё это сержанту? Они уже давно прошли те сто метров вглубь, что собирались.

- Анг!

- Я!

Сколько же они ещё будут так бродить? Так не долго и заблудиться.

- Ходжес!

- Я! - механически ответили губы. Рукав вытер мокрый от пота лоб.

- Эрл!

- Я!

"Хоть бы следующим пропасть мне!" - устало подумал Ходжес, - "Пусть медведь, пусть партизаны, пусть хоть духи болот! Всё, что угодно, лишь бы больше не переставлять ноги. Лишь бы больше не идти..."

- Золли!

- ...

Тишина. Все разом остановились и оглянулись.

- Золли!!!

- ...

- Виклиф!!!

- Я!

- Стой на месте! Керк: зайди справа! Остальным: на Виклифа! Оружие к бою, глядеть по сторонам! Без суеты! Золли! Золли!

Громко застучало сердце. Ноги бодро поскакали с кочки на кочку. Новая волна страха, в один миг заполнившая острым холодом все тайники сердца, заставила забыть даже о ногах. И уже никому не хотелось пропасть. Впереди темнела одинокая фигура Виклифа. Вокруг всё также пестрела зелень, переливая самыми разнообразными оттенками - от светло-салатовых звездочек мха до изумруда еловых веток и тёмно-зелёных брусничных листиков-капелек под ногами. Сверху на маленькие копошащиеся фигурки в камуфляже смотрело высокое северное небо, расшитое розовыми перистыми облачками. Пищало комарьё.

Они остановились, не доходя трёх-четырёх шагов до побледневшего Виклифа, нерешительно водящего стволом по окружающим зарослям.

Сержант сидел на корточках и осматривал мох. Ходжесу мох ничего не говорил. Он поднял голову и провёл взглядом по лицам остальных. За напряжённой усталостью ясно читался страх.

- ...я только что видел его слева впереди, сэ. - дрожащим голосом продолжал Виклиф, - Минуты, наверное, не прошло. Да и переключка была только что. И никого, ни единого шороха, ни одной тени. Он словно растворился...

Справа подошёл Керк. Хмуро осмотрелся.

- Сэр, разрешите обратиться. - негромко произнёс он, пристально глядя на неторопливо распрямившегося сержанта.

- Говори!

- Нам лучше вернуться на дорогу, сэ. - Керк говорил спокойно, по-деловому, а его вечно выпученные бычьи глаза впервые за всё время похода вернулись на свои законные орбиты (так, во всяком случае, показалось Ходжесу, который вдруг обнаружил, что Керк, в принципе, довольно толковый парень).

- Мы должны разобраться, что стало со Шварцем и Золли. - покачал головой командир, - Люди просто так не исчезают.

- Если с ними всё в порядке, они нас догонят. Если нет - мы им ничем не поможем. Лучше нам вернуться на дорогу и продолжить путь, чем дальше

терять время и... людей. - молчаливая поддержка слов Керка со стороны измотанных, обступивших сержанта полукругом людей ощущалась очень явственно. Почти физически.

- Мы продолжим поиски. - стальным голосом произнёс сержант и добавил, заметив, как недовольно вытянулись лица солдат: - Не вам писать рапорт и письма их родным. Разошлись! Цепью, расстояние друг от друга в три шага!

- ...Все здесь подохнем из-за его упрямства! - еле слышно процедил Эрл себе под нос, проходя мимо Ходжеса, - Эти проклятые твари всех положат...

- Думаешь, партизаны? - негромко спросил Ходжес.

- Кто ж ещё?! - фыркнул Эрл и провёл ненавидящим взглядом по зарослям. Дёрнулись желваки на широких скулах.

- Но ведь Виклиф никого не видел...

- На то они и партизаны, чтобы делать свои дела тихо, быстро и незаметно.

- Керк! - каркнул впереди опостылевший голос сержанта.

- Я!

Солдаты жались друг другу, продвигаясь почти плечом к плечу - насколько это было возможно в условиях леса. Ни о каких трёх шагах говорить не приходилось.

- Мортон!

- Я!

Спонтанные переглядки солдат проходили много чаще переключек сержанта.

- Анг!

- Я!

Как же всё это надоело!

- Ходжес!

- Я! - тяжёлый вздох.

- Эрл!

- Я! - ещё один горящий ненавистью взгляд в широкую спину сержанта.

- Виклиф!

- Я!

Слава Богу! Все на месте! Господи, как же мало их осталось! И какой ничтожной горсткой они являются! Ходжес незаметно для себя покачал головой, вновь по привычке уставившись под ноги.

- К тому же, - продолжил негромко идущий справа Эрл, - мы ни разу не посмотрели ВВЕРХ.

Ходжес вскинул голову, поражённый догадкой Эрла, их взгляды понимающе встретились. И в самом деле! Перед глазами вдруг необычно явственно встали кадры из очень давно, ещё в той, призрачной жизни, виденных фильмов, где ловкие головорезы доблесного Робин Гуда, подкараулив незадачливого стражника, набрасывали сверху ему на шею верёвку с петлёй и быстро поднимали бедолагу, так, что в кадре оставались

только дёргающиеся ноги в старинных сапогах со шпорами, а вскоре и они исчезали где-то вверху, где таились лесные братья. Точно! Ходжес невольно взметнул подбородок, глядя вверх, на разлапистые кроны старых елей, ожидая увидеть в ветвях каждой из них никак не меньше чем по взводу проклятых партизан. Лесных братьев он не увидел, более того, вид хилых, изъеденных лишайником еловых ветвей ясно говорил о том, что даже просто скрыться в них даже одному человеку было бы весьма затруднительно, а поднять солдата весом ~75 кг и с ~20 кг амуниции столь быстро, что у него мгновенно сломался бы хребет и он не успел бы издать даже хрипа и вовсе представлялось невозможным. Тем не менее, Ходжес уже несколько не сомневался, что всё дело обстояло именно таким образом и Петерсон, Шварц и Золли сейчас болтаются где-то позади, повешенные высоко, у верхушек столетних елей... Ходжес поёжился. Но почему же Эрл не скажет об этом сержанту? Надо немедленно сообщить! Ходжес покосился на мрачного соседа со стиснутыми от злобы (или боли?) зубами. Молчит. Что ж, тогда молчать придётся и Ходжесу, ведь это не его мысль, и он не может выдать её за свою.

- Керк! Мортон! Анг! Ходжес! Эрл! Виклиф!

Все на месте. Господи, когда же всё это кончится? Ходжес снова поднял голову, на этот раз глядя выше, в мелькающее среди ветвей небо. Нет, Бог не придёт. Богу угодно, чтобы они сами вышли из этого убийственного леса. Своими ногами. Ходжес покачал головой. Ещё полчаса назад ему казалось, что нет ничего хуже той дороги, по которой они шли. Он и представить себе не мог, что так страстно будет желать на неё вернуться. Как хорошо было идти по дороге! Знать, что с каждым шагом приближаешься к цели! И ноге ступать было много лучше, чем по лесу. И никто не пропадает... Хотя нет, Петерсон ведь пропал на дороге. С этого всё и началось... Ходжес повёл взглядом вокруг и замер. Огромные ёлки, раскачиваясь и махая мохнатыми лапами, водили быстрый хоровод вокруг неподвижных фигур солдат, застывших на полушаге... Он дёрнул головой, сбрасывая наваждение.

- Что, доходишь, Ходжес? - тихо поинтересовался идущий слева Анг.

- Твоё... какое... дело! - выдавил он в ответ и злобно оскалился.

Усталость... Та усталость, что пять долгих дней копилась в шестерых телах, начинала восходить к мозгу раздражением, а уже оттуда спускаться в сердце злобою, в тайниках опустевшего сердца обращаясь в ненависть. Эта ненависть выходила, испаряясь через поры кожи, копилась, собираясь вокруг горстки измученных людей, и наливаясь в тучу, невидимую для глаза, но ощутимую урчащим от голода нутром... И туча эта, неотступно преследуя отряд, готовилась вот-вот разразиться грозой. По умолчанию всем было ясно, на кого этой грозе надлежало обрушиться...

На сержанта! На того, кто пытал их все эти дни голодом, усталостью, неизвестностью, и самую страшную пытку - пытку ходьбы! Покачиваясь, спина инквизитора маячила впереди, как магнит притягивая к себе горящие взоры. Это он - единственная причина всех их бед и страданий. Петерсон,

Шварц и Золли покончили собой, не выдержав этой муки. Вот и всё объяснение. Именно он во всём виноват! Из-за него они продолжают ходить! Из-за него они все здесь погибли! Сержант - это угроза. "Угроза" - шепнули губы. Головы качнулись в такт мыслям. Широкая спина замерла.

Сержант развернулся и, взглянув на лица солдат, вдруг побледнел.

- Где Эрл? - вскрикнул он.

Место среди цепи, где должен был находиться Эрл, зияло пустотой. Между Ходжесом и Виклифом никого не было. Все обернулись назад, но никто даже не двинулся пойти в том направлении, где только что исчез их товарищ. Тут уже был не только панический страх, но и какая-то, на удивление органично сочетающаяся с ним апатия. Шестеро молодых людей неподвижно стояли и без особого интереса всматривались в ельник. Ходжес поднял голову, желая рассмотреть кроны. Из-за густых ветвей ничего не было видно.

Кто-то шевельнулся сзади - мох зашелестел под ногами, - и остановился. Ходжес, не оборачиваясь, нехотя произнёс:

- Надо проверить кроны деревьев. В прошлые разы мы никогда не смотрели вверх.

Молчание. Крик сержанта:

- Ну, что стали! Растянулись! Медленно вперед. Смотреть вверх. Последняя переключка была три минуты назад. Он должен быть где-то совсем рядом.

Медленно, через силу, задвигались шесть пар ног. Шесть пар глаз напряглись, всматриваясь вверх, точь-в-точь, как четверть часа назад Ходжес. Высокие старые ели проплывали перед глазами, беззастенчиво раскрывая свои подолы.

Никого. Текли секунды, и неизвестность давила на нервы, раздражая сильнее, чем звук железа, проводимого по стеклу. Чувства обострились до предела.

Что это?! -- слева явственно послышался глухой резкий шорох. Головы мгновенно среагировали. На этот раз пустота была Между Керком и Ангом. Пропал Мортон. Ужас подступил комком к горлу. Руки невольно ослабли.

Вдруг снизу, из мха, раздалась ругань. Взгляды опустились и наткнулись на неуклюже распластанную фигуру, с качающимся вещмешком. Громко чертыхаясь, Мортон поднялся на колени, а затем встал в полный рост, мотая раскрасневшейся рожой - засмотревшись вверх, он споткнулся и упал лицом прямо в мох.

Все засмеялись. Даже мрачный Керк. "Первый раз вижу, как он смеётся" - отметил Ходжес. Вдруг улыбка резко сползла с лица Керка.

- Виклиф тоже упал? - громко спросил он.

Смех моментально стих. Взгляды переметнулись вправо, потом резко вниз. Виклифа не было. Совсем. Ни внизу, ни сверху.

Минута молчания.

Затем резкий шорох. Это сел на кочку Анг. Автомат сполз с колен и

беспомощно уткнулся стволом в зелень.

- В чём дело, рядовой? - голос приближающегося сержанта был неестественно бодр.

Анг снял панаму и тщательно вытер лицо.

- Я больше никуда не пойду. - тихо, но твёрдо сказал он и скинул лямки вещмешка. Тугая холщовая сарделька цвета хаки медленно отвалилась от дочерна измокшей спины солдата и завалилась на бок, наполовину утонув во мху. Коренастая фигура сержанта приблизилась и нависла над Ангом. Трое других - Керк, Мортон и Ходжес, молча наблюдали за сценой. Тела наслаждались не-хождением.

- Я второй раз спрашиваю: в чём дело?

Анг молча пригнул голову и закрыл её обеими руками. "Это на случай, если бить будет" - догадался Ходжес.

- Рядовой Анг: приказываю немедленно встать, поднять вещмешок и личное оружие.

Анг не шелохнулся.

Рука сержанта быстро потянулась к кобуре и тут же отделилась от неё уже с торчащим чёрным стволом ("как это он так скоро управился" - удивился Ходжес). Не задерживаясь ни на миг, ствол описал дугу и замер у колена Анга. Грохнул выстрел. Анг вздрогнул и дёрнулся вправо, руки сползли с лохматой, торчащей слипшимися, немытыми космами, головы. Воронёный хобот описал вторую дугу. Снова выстрел. Теперь Ходжес понял, что сержант стреляет рядом с Ангом, а не в него самого.

Белый как полотно Анг резко вскочил и, наклонившись, словно пушинку забросил на свои худые плечи вещмешок с прилипшими к нему снизу листочками и раздавленными ягодами черники. Затем также быстро наклонился за автоматом и замер - сапог сержанта наступил на погрузившийся в мох ствол. Так Анг и застыл в нелепой позе, наклонившись до земли. Сержант, отведя чуть в сторону руку с пистолетом, выждал паузу и размеренно произнёс:

- Так в чём дело, рядовой?

- Виноват, сэр. - сдавленно отрапортовал, находясь всё в том же согнутом состоянии Анг, - Допустил слабость. Не подчинился приказу. Больше не повторится.

- В виде наряда будешь готовить пищу и маскировать после отхода все наши привалы.

- Да, сэр!

Нога отодвинулась в сторону. Держа автомат стволом вниз, Анг медленно распрямылся.

Их взгляды встретились. Почти сразу же Анг опустил свой. Сержант опустил и снова поднял веки, рука вернула пистолет на место, но кобуру не застегнула. Затем он повернулся налево и вдруг на его сухом, рублёном лице вспыхнула улыбка Моны Лизы. Ходжес проследил за взглядом сержанта и

увидел одиноко стоящего с тупым, ничего не выражающим лицом Мортон - исчез Керк. Мортон тоже обернулся. Лениво посмотрев на место, где только что стоял Керк, опять повернулся, безо всякого выражения глядя в какую-то точку, чуть выше Ходжеса. Изъеденное оспой лицо было совершенно равнодушным.

Сержант прошёл мимо него и остановился, уставившись в мох. Взгляды Ходжеса и Анга бессмысленно рассматривали его спину. Какое-то время он стоял неподвижно, впрочем, недолго, затем вдруг раздался рваный низкий смех и правая рука сержанта опять легла на кобуру.

- Ну уж эта тварь куда пропала, я знаю. - сказал он, разворачиваясь к солдатам. Болезненная улыбка блуждала на его лице.

Затем исчезла.

- Строиться! Возвращаемся на дорогу. - он вздёрнул руку в нужном направлении и махнул головой, показывая, что теперь он пойдёт сзади них.

Трое молча потащились в указанную сторону. Что касается Ходжеса, то он уже окончательно сбился и не мог бы сказать, где дорога. Оставалось надеяться на память сержанта, бодро пыхтевшего сзади.

- Если увидите какую-либо тень - стрелять на поражение. Даже если это кто-то из наших. Особенно Керк. Это приказ! - голос был как-то странно неестественен.

В мутном сознании насквозь мокрых от пота солдат слова погрузились и исчезли как в бездонном омуте. Лишь кочки под ногами да лес вокруг было тем, за что оно ещё пыталось цепляться. Чтобы не упасть. Только бы не упасть... Прямо. Идти. Кочка. Вдох. Кочка. Выдох. Ёлка. Мягкие иглы проскрывали панаму. Кочка. Комар попал в глаз. Вдох-выдох. Кочка... Слева послышался сухой всплеск и промелькнула какая-то серая тень. Тела механически развернулись, указательные пальцы судорожно дёрнулись, далеко по лесу разнёсся грохот автоматных очередей.

- Прекратить огонь!!! Прекратить огонь, идиоты!!!

Наступившая с оборвавшемся эхом тишина едва не оглушила их. Ходжес и Анг опустили стволы и обратились к сержанту, стоявшему у той ели, которая минуту назад "погладила" по голове Ходжеса.

- Тупицы, вы что, не можете, птицу от человека отличить! - блестящее от пота лицо сержанта покраснелось, вены на шее вздулись, - Да где вас таких только де... - глядя на них, командир вдруг осёкся и медленно закрыл глаза, пытаясь совладать с чувствами.

Ходжес оглянулся и заметил, что пропал Мортон. Наверное, это случилось, пока они переключили внимание на то, что оказалось птицей. Сильный удар сотряс всё дерево. Из кулака, припечатанного сержантом к сучковатому стволу ели, медленно вытекала струйка крови.

- Ну всё! - сквозь стиснутые зубы процедил он, во все глаза уставившись на них. - Анг, верёвку!

Анг немедленно подчинился, доставая из вещмешка тонкий чёрный трос. Сержант подошёл и ловко орудуя окровавленной, распоротой о сучки

ствола рукой, затянул петлю с морским узлом вокруг правого запястья Анга и, отмотав два метра, обвязал так же прочно левую руку Ходжеса. Глядя на склонённую перед ним мятую панаму, с трудом оторвав прилипший к гортани язык, Ходжес выдавил:

- Разрешите сказать, сэр...

- Говори! - сержант выпрямился, закончив с узлом, их взгляды встретились.

- Если мы здесь... уже остановились... может, нам сделать небольшой привал... Мы ведь ничего не ели с утра, сэр.

Почти физически ощутимая волна жгучей поддержки окатила Ходжеса справа -- со стороны, где стоял Анг.

- Да ты что, умом повредился, Ходжес? - с раздражённой озабоченностью посмотрел на него сержант, - Ты вообще думаешь, что говоришь? Остаться -- ЗДЕСЬ? - с каждым словом тон всё больше накалялся, - Тебе что, память отшибло?! Ты не видишь, мать твою, что здесь происходит?!

- Простите, сэр. - горло через силу сглотнуло.

Взгляд сержанта несколько смягчился, он постарался выдавить кривую улыбку.

- Мы вернёмся на дорогу, пройдем по ней до ближайшего болота и на нём сделаем привал. Там деревьев нет, и к нам никто не сможет незаметно приблизиться. Крепись, парень, скоро всё будет позади.

Он похлопал по плечу покачнувшегося Ходжеса и повернулся к Ангу. И хотя по осевшему в тот же миг лицу сержанта он уже понял, что случилось, Ходжес проследил за его взглядом. Анга не было. Привязанный к запястью Ходжеса трос валялся внизу, выглядывая из мха пустой чёрной петлёй на другом конце. Сержант крепко схватил Ходжеса за рукав окровавленной левой, а правой выхватил из кобуры пистолет, озираясь с диким видом по зарослям.

- Прекрати! - сорвавшимся голосом крикнул он окружающей зелени, - Хватит! Выходи ко мне! Выходи, что бы ты там ни было! Его я тебе не отдам, тварь! Выходи ко мне!!! Скотина!

От громкого крика саднило перепонки. Ходжес заметил, что рука сержанта, впившаяся в его рукав, дрожит.

- Ну, где ты там! Покажи свою поганую морду, чтобы я засунул её тебе в зад, гадина! - надрылся сержант, разбрызгивая слюну.

Только ветер прошумел где-то высоко. Утомлённое сердце монотонно отстукивало свой ритм, разнося по немеющему телу литры пропитанной потом крови. Ноги горели. Теперь не спасало даже не-хождение и в опустившейся тишине Ходжес обречённо переминался с ноги на ногу, приподнимая то одну, то другую пылающую ступню. Сержант шумно молчал, отрешённо глядя куда-то мимо его плеча. Наконец он медленно проговорил:

- Пойдём, Ходжес. Я буду держать тебя.

- Мне нужно освободиться от этого. - выдавил Ходжес, показывая

запястье, стянутое чёрным тонким тросом.

Не проронив ни слова, сержант вернул пистолет в кобуру, вытащил с пояса нож и одним движением тёмного лезвия разрезал узел. Также молча он вернул его в ножны и тронул за плечо Ходжеса. Ходжес развернулся и пошёл первым. Сзади, всего на полшага за спиной, следовал сержант, придерживая его за плечо.

Пошатываясь, изредка опираясь на покрытые липкой смолой стволы елей, они шли вдвоём, медленно продвигаясь сквозь лес. Неповоротливые ноги соскальзывали с кочек и чавкали в наполненных водой моховых ложбинках. Ходжес бездумно отсчитывал про себя шаги: "раз... два... раз... два... раз... два..." Свернувшийся в комок желудок пульсировал тупой урчащей болью в такт шагам. Нет, чаще.

В какой-то момент Ходжес почувствовал, что сержант снял с его плеча руку, видимо, чтобы вытереть лоб. По инерции он прошёл ещё несколько шагов и замер, осознав, что сзади не вторит шелест приминаемого сапогами мха. Страх сковал всё нутро Ходжеса, будто кто-то жидкого азота вылил внутрь. Все мышцы словно парализовало. Он стоял, часто дыша и не в силах повернуть голову.

- С... Се... - наконец он собрался с духом и выдал шёпотом: - Сержант? Сэр?

Тишина. Лишь собственное громкое и неровное дыхание да неясное перешёптывание веток у верхушек елей.

Потихоньку, осторожно, до боли стиснув автомат, Ходжес развернул своё тело на 180°.

НИКОГО.

Он был один.

В тот же миг Ходжес рухнул, не разбирая, на первую попавшуюся кочку. Резким движением откинул автомат. Затем стремительно сбросил вещмешок. Полулёжа развернулся к нему и дрожащими от нетерпения руками расстегнул левое отделение. Молниеносным движением выхватил банку из черноты раскрытого зёва вещмешка. В следующую секунду отлетела и упала на мох блестящая металлическая крышка. Липкие от еловой смолы пальцы погрузились в серую массу и зачерпнув, забросили в жадный, трясущийся рот.

Ходжес ел. Быстро, руками, глотая и почти не пережёвывая, урча как зверь, и никакой силы не было на целом свете, которая могла бы его отвлечь или остановить. За одну минуту он опустошил четыре банки тушёнки, съел три куса солёного мяса, пять кусков хлеба, десять разных соусов и аппетит его даже не притупился. Руки судорожно продолжали ворошить вещмешок, вскрывая очередные пайки. Сознание Ходжеса бесстрастно фиксировало всё это, как кинокамера, не вмешиваясь, не оценивая, не отвлекая. На вторую минуту сердце почувствовало чьё-то присутствие сзади, но и понимая, что происходит, Ходжес ни на миг не приостановил свою трапезу. Даже когда набросившаяся чернота начала поглощать его, он успел запихнуть в рот три

куска хлеба и ухватиться за плитку шоколада...

* * *

Прикосновение чьей-то руки вывело его из черноты. Ходжес вскрикнул и открыл глаза. На фоне белых стен и потолка он увидел лицо миловидной женщины лет сорока с тщательно уложенными пепельными волосами и спокойными тёмно-зелёными глазами.

- Всё позади, Вы в безопасности. Теперь с Вами всё будет хорошо.

- У Вас есть еда? - спросил Ходжес. Ноги не ныли, голова прошла, спину не ломило, но внутри его всё ещё полыхал огонь голода.

- Вы хотите есть?

- Да!!! - измучено выдохнул он.

- Разумеется. - приятно улыбнувшись, женщина в белом достала откуда-то из стены специальную подставку с двумя опорами и поставила её перед ним, закрепив по краям кровати. На подставке он увидел неизвестно откуда появившийся перегруженный поднос. Там был суп, жаркое, фрукты, салат, хлеб, стакан с соком, ещё что-то. Схватив ложку, Ходжес набросился на еду.

Ещё раз улыбнувшись, женщина вышла через образовавшийся проём в стене, который снова стал стеной, как только она исчезла.

В ярко освещённом узком помещении с той стороны её ждал тучный седоволосый мужчина в сопровождении нескольких молодых людей в белом. Приблизившись, женщина склонилась в элегантном поклоне.

- Большое Вам спасибо, доктор Зуир! Ваша терапия принесла блестящий результат.

- А ведь Вы сомневались, госпожа министр, не так ли? - улыбнулся седоволосый мужчина, хитро прищурившись и машинально поглаживая себя по тугообтянутому халатом отвисшему животу.

- Я сожалею об этом, и с радостью признаю, что была не права. - ответила она и в её глазах действительно сквозила неподдельная радость, а в улыбке -- облегчение, - Поймите, последние пять дней мы были как на пороховой бочке. Объявление голодовки советником Ходжесом повергло в смятение все 17 миров... Последствия скандала были непредсказуемы в размерах целой Галактики...

Самодовольно улыбнувшись, доктор Зуир сказал:

- Вы можете больше не беспокоиться и доложить об этом Совету. Теперь уже до конца дней своих достопочтимому советнику не придёт в голову объявлять голодовку. Через несколько дней его психическое состояние восстановится и он вспомнит всё, -- и кем он является, и что с ним сделали. Но до самой смерти то, что он пережил в лесу, для него будет реальнее и живее любого воспоминания из настоящей жизни...

* * *

...Запись кончилась. В просторном зале императорского суда воцарилась глубокая, густая тишина, так что слышно было даже, как потрескивает погасший стенной видеозэкран.

Сидящий на скамье подсудимых человек выглядел лишь тенью собственного изображения, секунду назад красовавшегося на экране. Усох живот, лицо осунулось и почернело, полуседые волосы стали седыми и заметно поредели. Взгляды семнадцати, сидящих в зале, невольно устремились на него.

Наконец, привычным движением вытерев со лба пот, обратился на него взгляд и человек, сидящий в кресле судьи.

- Ваша вина доказана, доктор Зуир. - послышался сухой голос императора, эхом прокатившийся по тёмным стенам древнего зала, - Вы придумали изощрённый метод подавления личности. Глубокий. Вы были правы: у меня и сейчас, спустя семь лет после "терапии", стоят в ушах голоса погибших друзей. А сколько таких, как я? Но одновременно с этим именно тому, что я пережил тогда, я во многом обязан тем, что теперь сижу в этом кресле. Так что я не вижу более подходящего для Вас наказания, чем подвергнуть Вас -- последнего во всей Галактике, -- Вашей же "терапии". Может быть, кто-нибудь из моих преемников когда-нибудь помилует Вас. Но не я. По крайней мере, не скоро.

* * *

Неприятные удары ладонью по щекам - и раздражённое лицо сержанта перед глазами.

- Дома отоспишься, Зуир! Здесь тебе не санаторий!

Солдат осоловело огляделся. Стёр ладонью присосавшихся ко лбу комаров. Уже почти все построились, только Петерсон подтягивал лямки вещмешка. Надо было торопиться. Зуир приподнялся на одно колено и схватившись рукой за сучковатый, смолянистый ствол ели, прислонясь к которому, он спал, резким рывком поднялся, вытягивая за собою из мховой перины вещмешок и болтавшийся на шее автомат. Усталость разом нахлынула, захлестнув мышцы рук и ног, отдавшись в голове, спине и шее, -- словно и не было десятиминутного отдыха. Петерсон уже встал в строй, сержант прошёл в голову отряда. Все смотрели на отстающего. Зуир поспешил к ним. По небу плыли тяжёлые, тёмные тучи. Скоро начнётся дождь, а впереди -- большое болото.

Послышался звук, напоминающий крик какой-то птицы. Взвод двинулся. Глядя на грязный вещмешок Петерсона, маячащий перед глазами, Зуир вспоминал мимолётный сон, в который он незаметно для себя погрузился на привале. Его почти вымыло из памяти, лишь какие-то обрывки причудливых образов сохраняло ноющее сознание: галактический император, суд семнадцати... Приснится же такое! "Надо будет записать это всё," - подумал Зуир, - "если когда-нибудь наконец дойдём до этой проклятой базы!"

Бд-9: У самого синего моря...

- Один древний мудрец сказал: для того, кто верит, нет вопросов, а для того, кто не верит, - нет ответов. Это как раз про нас с тобой. Что бы я ни сказал, ты всё равно будешь видеть во мне лишь человека, который не хочет тебе помочь.

Двое мужчин, - старый и молодой, хозяин и гость, - сидели на разных сторонах одной скамейки, обращённой к морю.

От порывов ветра качались ветви сосны, раскинувшей крону над их головами. Под мрачным небом бушевал шторм, и волны, вздымаясь, подгоняли одна другую, пока не разлетались брызгами и пеной, врезаясь в камни у подножья скалы, на вершине которой стояла скамейка и росла сосна.

Бушевала и ярость в душе молодого человека. Еле сдерживаясь, он проговорил:

- А кого я должен был в вас увидеть?

- Человека, который просто не может тебе помочь.

Не смотря на шум волн, было слышно каждое слово. Но гость не верил в эти слова, потому что точно знал: старик может ему помочь. Он знал это от надёжного человека, которому старик когда-то помог.

Гостю было на вид тридцать, хозяину - вдвое больше. Гость был в дорогом костюме, хозяин - в рубаше и потёртых джинсах. Со стороны могло бы показаться, что солидный господин делает честь старому оборванцу, сидя с ним на одной скамейке, но в действительности именно молодой господин бросил все дела и пересёк тысячи километров ради этой встречи.

А ради того, чтобы встреча прошла успешно, он бы не пожалел ни денег, ни имущества, ни положения, - но, к сожалению, старика не интересовало ни первое, ни второе, ни третье. И не оставалось ничего другого кроме как то, что молодой человек давно разучился делать - просить.

- Я знаю, что вы отказались сотрудничать с военными, - осторожно начал гость. - И понимаю такое решение. Мне бы тоже не хотелось стать новым оружием или чем-то в этом роде. Но ведь я - просто частный человек. Я не хочу никому вреда. И не претендую на какую-то особую выгоду. Я лишь хочу вернуть то, что у меня было ещё две недели назад, хочу исправить одну-единственную ошибку. Я понимаю, у вас принципы, и, конечно, вы уже, наверное, устали от таких как я... но ведь в любом правиле бывают исключения... Пожалуйста... я вас чисто по-человечески прошу: сделайте для меня исключение. Сжальтесь надо мною. У меня вся жизнь разрушилась из-за одного глупого поступка...

- Причина не в поступках, а в том, из-за чего мы их совершаем.

Старик с наслаждением смотрел на бурлящее море перед собой. Справа и слева высились поросшие лесом горы, окаймляя бухту, словно так и не сомкнувшиеся объятия каменного гиганта. Внизу шла набережная, за которой виднелись домики с черепичными крышами. Хотя было ещё не поздно, в некоторых окнах уже горел свет.

Беседа длилась более получаса. Началась она неважно, - хозяин даже не захотел услышать имя гостя, сразу приказав перейти к делу, - а продолжалась и того хуже.

- Позвольте мне хотя бы рассказать, что случилось... - молодой человек готов был рассказать, как погубил свою семью, готов был выложить всё, без пощады к себе, без оправданий, начистоту, так честно, как никогда бы не смог в любом другом случае. Он был готов растоптать свою гордость перед этим незнакомым человеком, лишь бы только...

- Нет! - старик решительно покачал головой. - Давай-ка лучше я тебе расскажу свою историю.

Гость нервно потёр руки одна о другую и промолчал. А хозяин принялся говорить. Голос его был скрипучий, неприятный.

- Когда я получил свой дар, я хотел пользоваться им только в добрых целях. Я помню, как жил раньше. Сколько совершил того, о чём стыдно вспоминать. Как хотелось бы, чтобы некоторых вещей просто не было... чтобы вернуться на некоторое время назад в своё тело и уже, зная о последствиях, переиграть, всё сделать по-другому... И вдруг я получил такую возможность! Я стал проживать жизнь заново. С детских лет - имея память и опыт зрелого человека. И я подчистил, как мне казалось, очень много неприглядных фактов своей биографии.

- Так почему бы вам ни поделиться этой возможностью и с другими? - не выдержал молодой человек.

- Я делился. А потом понял, каким был дураком. Пока я исправлял свои огрехи, тем временем, подспудно, почти что втайне от себя, я готовил нечто большее. И вот вдруг совершил такую гадость, по сравнению с которой меркло всё, что я наисправлял.

- Но ведь и её можно было - вернуться и исправить, - заметил гость.

Старик усмехнулся:

- Появилась бы другая. Я понял, в чём заблуждался. Исправлять надо не ошибки, а то, что их в тебе породило. Наши дурные поступки это лишь проявления внутренних болезней. Вот ими-то и надо заниматься, а иначе всё бестолку. Как сорняк. Сорвёшь листья - они снова вырастут. Надо удалять сам корень. Вот и здесь то же. Себя надо менять, а не своё прошлое, улавливаешь?

- Я... - молодой человек начал и запнулся, не зная, какие подобрать слова.

А старик продолжил:

- Как только я всё это сообразил, тут же зарёкся мотаться назад ради улучшения своей биографии. То же самое и насчёт тех, кому я пытался помочь. Та дрянь, которая породила их ошибки, при повторе породила новые, ничуть не слаще прежних. Мой дар не сделал счастливее никого из них. И меня тоже, - старик улыбнулся. - Первый раз я стал счастлив лишь когда осознал то, что говорю тебе сейчас. Каждый из нас может измениться. Не казаться лучше, а стать лучше. Вот что самое важное! Ошибки и падения

помогают нам понять, что именно в нас нуждается в лечении...

- Я всё понял, - произнёс молодой гость самым искренним тоном. - Это мудрые мысли. И я буду по ним строить свою жизнь, обещаю. Что бы ни случилось. Но вот в этот раз, в последний раз, один-единственный, пожалуйста, дайте мне исправить последнюю ошибку. Верните меня всего на две недели назад, и я вас никогда больше не потревожу. Даже если будет в сто раз хуже! Клянусь!

Старик глубоко вздохнул и ответил:

- Как об стену горох... Ты просто не слышишь, о чём я тебе толкую, - он повернулся к гостю и, глядя прямо в глаза, отчеканил: - Пути назад нет!

Установилось молчание. Гость понимал, что надо встать и уйти, но не мог. Он смотрел на волны, с гулким шумом бьющиеся о камни, и ему казалось, что и его боль, горе и ярость, сколько бы ни устремлялись вперёд, так же бессильны поколебать каменную безучастность старика.

Встать и уйти сейчас - значит, признать, что шанса нет, что он зря сюда приехал, что уже не вернуться в ту светлую жизнь, которая была всего две недели назад. Все последние дни молодой господин жил лишь благодаря надежде на этот разговор, на этого старика... Если надежды нет, то лучше уж спрыгнуть прямо сейчас на эти острые камни, чтобы покончить со всем раз и навсегда, чем лететь обратно в тот кошмар, который остался за тысячи километров отсюда.

Небо темнело, - серые облака сменялись тучами, которые гнал ветер, хлеставший по лицам двоих мужчин на скамейке и трепавший ветви сосны над их головами.

Молодой человек отвернулся от моря и глядел на набережную. Из-за погоды людей здесь было немного. Девочка лет двух бегала с веткой в руке и хлопала ею по лужам. Следом за ней размеренно катил пустую коляску бородатый мужчина, а женщина с длинными чёрными волосами разглядывала витрины магазинов.

Молодой гость ощутил комок в горле. Вот сейчас и у него могло быть так же, если бы... Слезы потекли из его глаз. Он стыдился их, но не мог ничего с собой поделать, и сидел, отвернувшись от старика, а старик молча смотрел на бушующее море.

Наконец гость вытер рукавом лицо, глубоко вдохнул и выдохнул, а затем сунул руку во внутренний карман и повернулся к хозяину.

В руке молодого человека был острый кухонный нож, купленный здесь же, в одной из магазинчиков на набережной.

- Я не хочу этого делать, - сказал он глухим голосом. - Но вы не оставляете мне выбора. Пожалуйста, помогите мне.

Теперь старик смотрел не на море, а на лезвие ножа.

- А ты не думал над тем, - промолвил он, - что, увидев это, я мог бы сразу вернуться и переиграть всё так, чтобы наша встреча не состоялась?

Рука молодого гостя дрогнула, а на лице отразилось замешательство. О таком варианте он действительно не думал. А подумав, понял, что сам бы,

конечно, воспользовался им, окажись сейчас на месте старика.

Однако старик по-прежнему сидел на скамейке рядом с ним.

- Я, наверное, рискую, но всё же хочу, что бы ты уловил: за моими словами стоят не мои капризы, а нечто более важное, чем моя жизнь, или твоя. Это истина, Александр.

Гость отпрянул, услышав своё имя.

- Да, я знаю, как тебя зовут, - продолжал старик, глаза его горели, а ветер трепал седые волосы. - И я знаю, что случилось с тобою, всю твою историю.

- Откуда? - в ужасе прошептал гость, уже предчувствуя ответ.

- Ты сам мне рассказал.

- Так значит...

- Саша, я говорю с тобой уже четырнадцатый раз.

Рука безвольно опустилась на колени, едва не выронив нож.

- Выходит... - проговорил молодой господин, - вы всё-таки пользуетесь своим даром...

Голос его звучал угрожающее. То, что старик столько раз возвращался ради того, чтобы снова и снова отказать ему, ужасно разозлило гостя. Он чувствовал, что над ним издеваются. Ведь это всё равно что пить перед умирающим от жажды или прыгать перед безногим.

- Я не пользуюсь им для того, чтобы улучшить свою жизнь, - возразил старик. - Но я пользуюсь им, если есть шанс помочь кому-то другому.

- Так помоги же мне! - гость вскочил со скамейки.

- Я и пытаюсь помочь! - старик всплеснул руками. - Здесь и сейчас!

- Не надо мне этой демагогии! Верни меня на две недели назад!

- Нет! Я не могу тебя вернуть, Саша, ты должен жить с тем, что натворил, чтобы избавиться от...

Скрипнули стиснутые зубы, рывок, удар - и молодой человек увидел, что старик скорчился от боли, обхватив живот, затем перевёл взгляд на окровавленный нож в своей руке, и вдруг понял, что произошло.

Первые упавшие с неба холодные капли словно вернули ему чувство.

- Нет, только не это... Господи... - с ужасом прошептал гость.

Он выронил нож и схватился за голову.

- Что же я надел...

Волною накатил страх. Гость наклонился и, подобрав нож, швырнул его в море.

- Господи... как же...

Он заставил себя сделать шаг и опуститься на колени перед стариком. Тот уже не стонал, - склонившись к подлокотнику, он тяжело дышал, глядя на волны.

- Простите меня, я... не хотел, я не должен был...

- Скажи полиции, что это я сам себя пырнул, - еле слышно прошептал старик.

- Нет! Не умирайте! Вы же можете все переиграть, вернитесь, исправьте!

Ещё не поздно!

Старик покачал головой и через силу сказал:

- Я сам виноват... - дождь усиливался, капли падали на изрезанное морщинами лицо и стекали струйками. - Во мне причина того, что происходит со мной... Только во мне... Я принимаю всё, что...

- Ну пожалуйста... ведь в прошлые разы вы возвращались, давайте и сейчас, ну! Давайте!

- В прошлые разы... - раненый говорил через силу. - Ты пытался покончить собой... А теперь...

Глаза старика закрылись.

- Нет! - молодой человек вскочил и побежал к набережной с криком: - Доктора! Срочно доктора!

Всё так же бушевали волны, с ревом обрушиваясь на скалы. Дождь перешёл в ливень. Старик лежал неподвижно под холодными струями, а ручейки, стекавшие с его рубахи на землю, были окрашены кровью.

Рубикон (термоядерная сказка)

- Истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня.

- Не я ли, Господи?

Жил-был король. У него был сын - принц. Принц был очень красивым, очень умным и справедливым. А у короля была густая седая борода, и он очень любил смеяться, так, что у его глаз со временем образовались маленькие морщинки, из-за которых, даже когда король говорил серьёзно, всем казалось, что он всё равно чему-то улыбается.

По соседству с их королевством находилось другое. Там был другой король, и у него была дочь - принцесса. Когда-то давным-давно короли были лучшими друзьями, но затем между ними что-то произошло, и они рассорились так серьёзно, что даже не хотели ничего слышать друг про друга.

Запах уксуса. Ам,Дт,Г,Е...(интродукция). Железные струны. Ночь. Дождь. Чёрная кошка в жёлтом окне. В Китае ребёнок залез на огромную статую Будды, а потом упал с неё и разбился насмерть. Конфуций закрыл глаза и умер (коль кубок уж не кубок, какой же это кубок?). Человек вставил последний патрон в барабан и захлопнул его. Деньги печатает станок. Космологический аргумент: причинность есть всеобщий закон бытия. Следовательно, должна быть причина и самого бытия, то есть всего существующего. Таковой причиной может быть лишь то сверхбытие, которое уже ничем не обусловлено, существует вечно (т.е. является "причиной" бытия самого себя). Это сверхбытие и есть Бог. Отпиа теа. Время. Город сумеречного божества. Противогаз.

Однажды какой-то бродячий художник продал принцу две картины. Принц купил их из жалости к нищему, и даже не посмотрел на них. Сделать это он намеревался у себя в покоях, но что-то его отвлекло тогда, а после он

и совсем забыл о них.

Спустя год принц наткнулся как-то на два запылённых холста. Развернув один из них, он увидел грозного чернобородого человека с короной на голове. А на другом холсте его взору предстала необычайно красивая девушка с длинными чёрными волосами и большими зелёными глазами. Он полюбил её с первого взгляда. До глубокой ночи принц смотрел на картину и не мог оторваться.

Острые гвозди. Полонез Огинского. Расстроенная гитара. Молния, гром. В окне два силуэта. Кошки нет. Правота Пураны. Револьвер во внутреннем кармане. Болит голова. Коричневая краска. Смирение формирует личность человека. Цветной телевизор. (Лао-Цзы умер). Телеологический аргумент: устройство мира и его жизнь как в отдельных частях, так и в целом поражают своей гармоничностью и закономерностью, свидетельствующими о целесообразности и, следовательно, разумности действия силы, его создающей. Отсюда вывод: мир устроен таким Разумом, который должен обладать необыкновенным могуществом и сверхсовершенством, т.е. им может быть только Бог. Post tunc pat. Мир не имеет начала во времени и границ в пространстве; он бесконечен как во времени, так и в пространстве. Идея невозможного противоречива в своём существе.

Принц не мог уснуть до утра и всю ночь думал о загадочной девушке на картине. За завтраком он ничего не ел, и когда король спросил у него, не случилось ли чего, принц ответил:

- Отец, я полюбил, и хочу жениться.

Король улыбнулся и пожелал узнать имя той, которой посчастливилось оказаться избранницей его сына. Вместо ответа принц показал ему портрет.

- Что ж, она действительно красива. - сказал король, поглаживая свою бороду, - Но кто она?

- Быть может, это известно ему. - и принц показал портрет хмурого чернобородого короля.

Его отец вдруг страшно разгневался. Он разорвал оба портрета и приказал принцу забыть эту девушку навсегда.

Брус. Перекладина. Токката си бемоль минор. Свет погас, а дождь всё идёт. Ибн Мульджам. Каждая голова - потенциальная габала. Пальцы нащупали холодную рукоять. Альфа и омега. Мокрая доска. Мастер ошибался не только тогда, когда говорил, что она позабыла его. И ошибался не только Мастер. Ни одна сложная вещь в мире не состоит из простых частей, и вообще в мире нет ничего простого. (Заратустра умер). Онтологический аргумент: Бога просто логически не может не быть. Сказать фразу: "Бог не существует", значит сказать логическое противоречие, потому что признак "существования" входит в логическое определение Высшего Бытия... Что поделать! Холодное нагревается, горячее охлаждается, влажное сохнет, иссохшее орошается. Есть только клавиатура. Клавиатура - это клетка сознания, гильотина творчества.

Этот текст сложно читать, не правда ли? Впрочем, может и нет.

Принц заболел. Он ничего не ел и не пил, ни с кем не желал разговаривать. Придворный лекарь на расспросы короля печально качал головой и говорил, что эта болезнь лечится не лекарствами.

Наконец король, скрепя сердце, поехал к своему соседу просить руки его дочери для своего сына. Он был принят очень холодно, однако своей цели добился - угрюмый сосед сказал:

- Пусть твой сын приедет сюда, и если он понравится моей дочери, и выполнит ещё одно условие, - то получит её в жёны.

Что именно за условие, он не сказал. Они молча расстались и король отправился обратно к себе домой.

Жребий. Сложный каданс с последовательностью субдоминанты. Дождь прошёл. Мухаммед умер. По ту сторону нирваны. Воронёный ствол описал дугу и упёрся в висок. (Алиф и Йа). Профессор Доуэль усмехнулся и почесал затылок. 22-я анафема. Психологический аргумент: поскольку идея Бога как Существа всесовершенного, вечно присутствует в человеческом сознании, а таковая идея не могла произойти от впечатлений внешнего мира, как глубоко отличного от представлений о Боге, ни как результат чисто мыслительной деятельности человека, его психики, - следовательно, источник этой идеи принадлежит Самому Богу. "Я последний из красивых людей Израиля" - говаривал равви Йоханан. Не существует никакой свободы. Возможно, Вегенер был прав. Тиамат. Дефлоризация.

Как только принц узнал об этом, он тут же оседлал коня и поскакал в соседнее королевство. Его встретили без почестей. Чернобородый король молча провёл принца в покои принцессы. Теперь он казался принцу не таким грозным, как на холсте, а скорее измученным. И вот наконец он увидел её и замер. Она оказалась ещё прекраснее, чем на портрете. Принцесса взглянула на принца и в то же мгновение поняла, что всегда любила его. Принц приблизился. Она сидела в кресле.

- Ваше Высочество! - тихо заговорил принц, - Я... я люблю Вас... Все птицы небесные не смогли бы воспеть Вашей красоты... О, как велико милосердие Творца, что Он позволил мне увидеть Вас! Но почему... почему Вы плачете?

- Не беспокойтесь, мой принц... Это слёзы любви. Я Вас люблю...

- Дайте мне Вашу руку...

Принц бережно сжал ладонями её хрупкие белые пальцы, и не выпускал их, пока не вернулся король. Как только он увидел их вместе, лицо его просветлело, но в ту же минуту что-то заставило его нахмуриться, и он отрывисто проговорил:

- Принц, идите за мной.

И они пошли обратно по длинным сырým коридорам, пока не вышли в залитый солнцем тронный зал.

- Ваше Величество, мой отец передал мне о каком-то условии... Говорите. Ради Вашей дочери я готов на всё.

Чернобородый король медленно развернулся. Теперь он выглядел безмерно печальным.

- Молодой человек, моя дочь больна, она не может ходить. Имеете ли Вы по-прежнему желание взять её в жёны?

- Да!

- От её болезни есть одно средство. К сожалению, оно единственное. Это цветок ирина, исцеляющий все болезни. Он растёт в Чёрной пещере...

- Я достану его!

- Я должен Вас предупредить: за последние сто лет никто не выходил живым из этой пещеры. - король помолчал и резко добавил: - Но если Вы не принесёте мне цветок - можете забыть о моей дочери навсегда. Это и есть моё условие.

- Клянусь, я выполню его, Ваше Величество, даже если это будет стоить мне жизни.

И на следующее утро принц вошёл в Чёрную пещеру...

И от третьего часа до часа девятого... тьма не объяла Его. Ложный доминант - септаккорд. Органный пункт. Мороженное пломбир. Помидоры. Дрожащий палец нехотя надавил на спусковой крючок/боёк ударил по капсулю. Эскалатор остановился. Адронный атом распался. Мастер пожрал Маргариту. Даже женщина не настолько глупа, чтобы предпочесть худшее, когда есть лучшее. В философии, психологии, культуре нет понятия "душа". Всё, чем занимается современная культура, по сути бездушно. Срывание цветов. Арбуз. Грузин (генацвале). Метастаз морфологии. Исторический аргумент: не существовало ни одного народа, у которого бы не было понятия о Высшем Божестве, что вынуждает признать, что эта идея, которой жило всё человечество всю историю своего существования, не есть плод "земли", но имеет своим источником Самого Бога. Бизнес, производство, армия - признак деструкции. Штопор. Мессершмидты. Бояре. Земля, год 2147. Церера - 600 ЛХКЭ. йНЛЕДХЪ ДЕКЭ? Арте - последняя черта. Но я знаю выход.

Едва только принц вошёл в пещеру, тьма окутала его, и мертвящий холод пробрался в душу. Но сердце его было согрето любовью. Он шёл всё глубже, и по мере его углубления от стен пещеры начинало исходить слабое синее свечение. По пути всё чаще попадались истлевшие останки его предшественников. Многие из них были скрючены, и почти у всех в руке был засохший стебелёк. Принц шёл вперёд, а наверху принцесса молилась за него.

И вот в недрах подземелья он увидел цветок. Маленький, красный, всего с четырьмя лепестками. Принц протянул к нему руку, но вдруг сверху раздался чей-то голос:

- А ты не боишься?

Он поднял голову и увидел голубя.

- Говорящий голубь? - удивился принц, - Откуда ты?

- Я всегда был здесь.

- Как же ты летаешь?
- Я никогда не летал и ни разу не видел неба.
- Чего мне бояться?
- Смерти. Этот цветок под закланием. Прикоснувшийся к нему и не имеющий любви - погибнет.
- Но как же тогда он исцеляет?
- Любовью и смерть может исцелять. Но если твоей любви не хватит, чтобы вынести цветок на свет - ты останешься здесь навсегда.
- Но как я могу узнать, хватит ли моей любви?
- Ты можешь уйти сейчас - и ничего не случится.

Принц вздохнул:

- Я не могу не сорвать его.

И он быстро схватил стебелёк и потянул его.

Принц очнулся у входа в пещеру с цветком ирина в правой руке. Но когда он пришёл во дворец и увидел мокрое от слёз лицо принцессы, то понял, что не по его, а по её любви он остался жив.

Венец. Порвана пятая струна. Лужа крови на асфальте. Агадическая глупость. Алеф и тав. Кенотаф. Уровень радиационного фона превысил в 20 раз предельно допустимую норму. "Нищие умер. Умер нищим. Ты и я - мы убили его (так говорил Зороастр)." То же самое читается в стихах Ономакрита. Терминатор. Бизоны. Бермудский треугольник. Всякая тварь бичом пасётся. Нравственный аргумент: конечная цель, к которой должно стремиться разумно-нравственное существо, есть высшее благо. Его основные свойства: познание Истины, осуществление полной добродетельности и достижение счастья. Эти три элемента охватывают все стремления человека как существа разумного, нравственного и чувствующего. Однако видно, что достижение абсолютного совершенства для человека на земле невозможно. Поэтому с необходимостью требуется признать бытие высочайшего блага как Абсолютного Существа, в котором человек достигает конечной цели своих устремлений. Денищик Гусев жив. Князь Скорбной Памяти. Свастика на двери туалета. 800-й мерседес. Хромосфера. Транссирующие пули. Восстание ихэтуаней (222). Мне известно, как изменить...

В обоих королевствах царил оживление - готовились к великой свадьбе. Принцесса исцелилась, и они с принцем теперь почти не расставались. Однако в самый день венчания случилось несчастье: прилетел страшный дракон, перебил охрану дворца, похитил принцессу и унёс её с собой в свой замок. Военные министры обоих королевств предложили выступить немедленно против дракона, но солдаты, за исключением небольшой кучки смельчаков, отказались воевать - все боялись дракона. Тогда принц сам решил ехать на бой с драконом. Он взял щит своего отца и меч чернородого короля. Священник благословил его алтарным крестом и дал со словами:

- Сим победишь!

Принц вскочил на белого коня и поскакал освобождать принцессу.

Удушье. Модуляция. Будда умер. Немое шва. Краски смешались. Звуки исчезли. Кем себя помыслишь, тем и будешь - ложь. Но и лжи нет. Всё ушло. Когда-то было, а теперь нет. Тьма. Пальцы тревожно ищут, к чему прикоснуться, но ничего не встречаются на своём пути. Одиночество? Нет! Кто-то рядом. Рядом свет. Я ослеп, но я чувствую: рядом свет. Воск, тепло - свеча! Откуда она здесь? Ещё одна. Что-то прохладное, округлое, металлическое, маслянное... Дерево, гладкая доска... Я чувствую запах цветов, благоухание. Я слышу чьи-то тихие шаги, мерное позвякивание. Господи, кто-то поёт!

Замок дракона находился на высочайшей горе, над которой всегда висел сырой полумрак. Принц поднимался всё выше в гору, но чем выше он забирался, тем ниже, как ему казалось, он оказывался; гора словно уходила в землю. Наконец он подъехал к чёрным воротам мрачного замка дракона. От плотного тумана тяжело было дышать. Принц слез с коня, отпер тяжёлую чугунную створку ворот, вошёл внутрь, и сразился с драконом. Бой был страшный. Бились они три дня и три ночи...

Наконец принц вышел из чугунных ворот, без щита и меча, одной рукой прижав к груди принцессу, а другой сжимая крест. Дракон был повержен.

Принц и принцесса вернулись. Короли к тому времени уже помирились. Немедленно по прибытии сыграли свадьбу. На ней было много гостей и все были довольны. Впоследствии принц стал королём, а принцесса - королевой, у них было три дочери и четыре сына. Они жили долго и счастливо, правили мудро и справедливо и умерли в один день, окружённые всеобщей любовью.

Свершилось! Кода. Рассвет. Господи! Хорошо нам быть здесь...

- Чего ты хочешь от Меня?

- Господи! Чтобы мне прозреть.

- Прозри! Вера твоя спасла тебя.

Огради мя, Господи, силою честнаго и животворящего Креста Твоего и сохрани от всякого зла. Аминь.

Тот, кто думает о нас

Нет, я всё могу понять, и вахты и наряды и стройподготовку, но вот торчать по восемь часов у закрытой двери бункера - зачем? Тем более, вдвоём. И даже присесть толком негде. Кузя, вон, на корточках наловчился.

- А прикинь, если наверху всё по-прежнему... - говорит он, мечтательно глядя на металлическую плиту. - Забавно мы тогда будем выглядеть. Тридцать идиотов, закопавшихся в землю.

- Слушай, не травми душу. Забыл, как тряхануло?

- Да мало ли от чего могло тряхануть?

Помолчали.

- Ну, если там всё по-прежнему, то когда вылезем - Батю под трибунал

отдадут. Да и нас, может, тоже.

- Нас-то за что?

* * *

Разговоры, сцены, эпизоды... всплывают в памяти, будто цветные осколки разбитого витража. Летят вниз, мимо меня, сквозь меня... Их уже не собрать, не вернуть, не выстроить заново...

* * *

Я сижу на завалинке и смотрю, как баба Катя вразвалочку идёт в хлев, покачивая ведёрком. Под зачехлённой циркулярной пилой в опилках сидят куры - две белых и рябая. Греются на солнышке. Провожают ленивым взглядом хозяйку. Чуть дальше, через лужок с тремя берёзками и качелями, возле покосившегося сеновала "тюкает" Иваныч - колет дрова. Отсюда видно лишь, как фигурка в потёртом свитере замахивается, а потом - тюк! И ба-бах - чурочки отлетают в стороны. Иногда слышно, как позвякивает цепью в конуре Барон.

Рядом прожужжала пчела и уверенно полетела к палисаднику. За моей спиной заборчик, из щелей торчат ветки крыжовника, дальше высятся липы...

* * *

Рутинка спасает. Вахты у дизеля, наряды по кухне, стирке, уборке, дежурства у пульта управления и обоих шлюзов, даже стройподготовка с пробежкой в "химзе" по тёмным коридорам...

Можно отключить память и забыть обо всём. Просто нам продлили срок службы. Спасибо экстерриториальному принципу - у всех нас родные живут далеко от Лусково. Наверняка их обошло стороной. Мы ведь так и не знаем, что же случилось там, наверху. Кто, как и почему. Кого винить и кого ненавидеть. Но так даже легче. Проще не думать. Забыть.

На обед лапша, семилетние помидоры и консервированный хлеб - на вкус дрянь дрянью, просто тесто. Иногда рыбные консервы открывают, а ещё витамины в таблетках дают. В общем, жить можно. Правда, комаров полным-полно. Чего уж только мы с ними ни делали, а всё равно живут, пищат и жалят по ночам.

* * *

- ...в уральских горах построили гигантскую подземную базу. - Кузя останавливается, согнувшись, выжимает тряпку, споласкивает и снова цепляет на швабру. - На шестьдесят тысяч человек, прикинь! Целый улей квартир, заводы, предприятия и даже маленькое метро...

- Интересно, а доступ в эти города платный, или как? - цедит здоровяк Туганаев, возёхая шваброй со своего конца. - На всех-то точно не хватит.

"Не хватит" - не то слово. На лектории Батя нам популярно объяснил советские планы "гражданской обороны". Оказывается, стандартные бомбоубежища, те, что под заводами и старыми домами, рассчитаны максимум на две недели жизнеобеспечения. После чего предполагалось, что людей эвакуируют. Интересно, кто? И куда? Страшно подумать, что стало с теми, кто в эти подземелья успел залезть.

Лучше уж испариться от взрыва.

- У них там, наверное, бабы есть. - бормочет Кузя, будто и не слышал Туганаева. - И курево. Всё как у нормальных людей...

* * *

Бомбоубежища. Архитектура, растущая вглубь. Уродливые памятники всемирной ядерной паранойе. Такие глупые и ненужные в эпоху расцвета гуманизма. Их превращали в казино, спортзалы, притоны бомжей...

Но такие бункеры, как наш, - поддерживали. Потому как "объект номер один". На "всякий пожарный" для областного руководства и "больших погон". А мы его сторожили.

* * *

...иррегулярные, бесконтактные, концентриальные, пуантилистские, - войны нового типа, войны, при которых от "калашей" в наших руках пользы не больше, чем от секир или булав, а от нас самих - не больше, чем от полчищ глиняных солдат в могилах китайских императоров. Наконец, - войны террористические, которые и вернули всё на круги своя.

Когда джихадники долбанули "компактными" по Нью-Йорку и Лос-Анжелесу, поначалу не слишком заботило. Что мне с того? Миллионы жертв, мировые ахи-вздохи, экономические кризисы, биржевые крахи - это по радио, а в реале всё те же дежурства, наряды, стройподготовка, ужин, отбой. Жаль, что мать по старинке деньги в баксах держала. Шубу Таньке хотела купить на день рожденья. Говорил же ей, надо было в евро перевести.

* * *

- ...избыточное давление, возникающее на расстоянии двух километров от наземного взрыва мощностью в одну мегатонну, способно разрушить многоэтажное здание из железобетона...

Мягкий, глубокий баритон обволакивает, вещает...

Этот же баритон, умноженный динамиками, два года назад зазвал нас в подземелье. Помню, как под натужное гудение сирены мы бежали, стуча сапогами по асфальту, а голос подстёгивал: "всему личному составу немедленно спуститься в бункер. Это не учебная тревога. Повторяю: всему личному составу..."

По крутым ступеням - вниз, в первый отсек. Переключка. Не хватало Акопяна. Коца нервно вышагивал перед нами, поминутно цырка и матерясь. Потом объявил, что ждать больше не будем, и стало по-настоящему страшно, даже не за Акопяна, а вообще. Помню, Пашка вызвался сбегать, поискать его, но Коца вдруг заорал, а тут спустился Батя и сказал: "Я за ним схожу", молча снял с плеча у Корня "калаш" и в два прыжка выскочил наружу.

Три минуты мы стояли, как стадо баранов, не то что говорить - думать боялись, даже Коца замолчал, повернувшись к нам спиной и глядя через вход в небо, и я тоже глядел на облака, как загнипнотизированный, да и другие, наверное... А потом Батя вернулся с Акопяном и сразу крикнул:

- Закрывай!

Кто там стоял на пульте, не помню. Помню, как с глухим гулом

металлическая плита выдвинулась из паза и поползла к другому краю. А я глядел, как плывёт в высоте облако, похожее на козу. Плита закрылась и посыпались отрывистые, лающие выкрики команд:

- Запустить фильтрацию! Лейтенант Свиридов, проверить запасной шлюз. Капитан Коценко, разместите людей.

"Естьканья", топот сапог, нас погнали по бетонным ступеням, вниз метров на десять, где мы попали в лабиринт, и дальше по нему - коридоры, коридоры, коридоры, приглушенный свет матовых потолочных ламп, опутанных проволокой, жутковатые тени на серых бетонных стенах...

Стали расселяться. Мне достался кабинет с табличкой "губернатор Никольской области". Кузе - "Директор департамента финансов". А Пашку в "мэра" поселили.

Офицеры себя тоже не обидели - взяли комнаты на минус третьем, возле пульта.

* * *

Когда человек кричит в противогазе, это очень забавно. Будто корова мычит. А если он ещё при этом мотает "хоботом", корчась среди чёрно-склизкого нагромождения обугленных стволов, так и вовсе смешно. Хорошо, что из-за "намордника" улыбки не видно. А то бы мне было стыдно - я не сразу понял, что Пашка сломал ногу.

Поскользнулся, перешагивая через бревно - и готово дело.

Теперь стоим, как истуканы, вокруг него и молча смотрим, как он мычит и дёргает головой. Карп достал откуда-то две деревяшки, Батя показывает знаками, кому что делать, и мы "оживаем". Нам с Кузей досталось держать Пашку, когда Карп накладывал шину. Дёргался Пашка сильно, а уже под конец обмяк. Сознание потерял, наверное.

Потом пришлось соорудить носилки. Отыскать среди окружающего гнилья подходящие палки - та ещё задачка. Справились. Затем я, Карп, Кузя и Туганаев поползли дальше, с Батей, а Корень и Акопян - обратно, потащили Пашку.

Мудро он поступил. После я ему не раз позавидовал.

* * *

Водку мы теперь не пьём, шашлыки не кушаем, кружку чая намернём - и майора слушаем. По средам и пятницам Батя проводит общий инструктаж по вопросам радиационной безопасности. Кроме этого лектория, от обычной "срочки" наше подземное бытие отличается, пожалуй, лишь наличием индивидуального жилья вместо "родных" казарм.

Это только звучит круто: "губернаторский кабинет". А на самом деле - каморка на десять метров, стол с двумя древними телефонами без дисков, пара стульев и жёсткая тахта в углу. Ах да - и карта области на стене. Всё.

Впрочем, был один сюрприз. В столе оказалось несколько туристических проспектов. Испания, Греция, Китай, Египет, Сицилия... Интересно, кто их здесь забыл? Наверное, тётки-лусковчанки, что работали

тут, пока нас не перевели. Или специально положили, чтобы губернатора развлечь? В общем, загадка.

Но вещь классная. Картинок много потрясных. Текста мало, но всё равно интересно. Пейзажи стран, где я вряд ли побываю. А если и побываю - вряд ли увижу такими же.

Как-то Кузя "застукал" меня с ними. Показал ему, куда деваться. Тот начал листать "Испанию", и сразу впился в пляжные фотки с девками в бикини.

- Слушай, дай мне, а?

- Ладно. Только не болтай никому.

- Санёк, отвечаю!

Разболтал, конечно. Потом Коца у меня остальные проспекты изъял, "для библиотеки".

* * *

Батя нам так никогда ничего толком не объяснил. Кое-что и так было понятно, а что-то между собой пацаны болтали. Говорили, что Батя получил приказ в течение сорока минут принять областных шишек и "больших погон". А ещё говорили, будто за народными избранниками увязалась чуть ли не колонна машин тех "незапланированных", кто прознал про эвакуацию. И, вроде как, мы должны были пропустить первых и задержать вторых с "огнём на поражение". Ну а Батя рассудил иначе, и ждать гостей не стал. Предоставил, так сказать, народным избранникам разделить одну участь с избирателями.

* * *

Закрываю глаза, представляю... Легче всего почему-то приходят луга у подножия сицилийских гор. В том буклете, про Сицилию, был даже рассказ о путешественнике, который при виде этой красоты упал на колени в траву и разрыдался.

Картинка и впрямь неплоха, особенно контрастом сочной, изумрудной зелени со снежными вершинами тёмно-серых гор на фоне лазурного неба, но... рыдать-то зачем? Чудак какой-то, честное слово.

Интересно, что там сейчас, в сицилийских краях? Может, пыль да гарь, или затоплено всё, или... Да какая, собственно, разница? Пока я думаю об этом пейзаже, он ведь в каком-то смысле существует, разве нет? Хотя бы в моей голове, моей памяти... Может, ерунда это всё, но для меня - достаточно.

* * *

Вам часто приходилось бегать по коридорам в химкомбете и с "калашом" наперевес? Нам - каждый вторник, четверг и субботу. Пот застилает глаза, стекло запотеваает, мышцы трещат, лёгкие на каждом вздохе готовы разорваться... Тяжело в учении - легко в очаге поражения. Старая шутка, ещё "доударная".

Да, крепко нас Батя готовил к тому, что когда-нибудь придёт время выйти на поверхность.

И оно пришло.

* * *

Нас построили в спортзале. Спустился сначала Коца, потом - Батя. Стал перед строем, пристально оглядел, словно в каждого впиваясь взглядом и сухо заговорил своим "отеческим" баритоном:

- Появилась информация, что в ста километрах к северо-востоку от нас расположена зона с пониженным уровнем радиации. Есть даже сведения, что она жилая, и с сохранившейся инфраструктурой. На совещании офицеров было принято решение отправить разведгруппу. Группу поведу я. Добровольцы - шаг вперед.

И я шагнул. Не раздумывая даже. Почему-то казалось, что шагнут все, - но нет. Ещё Акопян, Пашка, Кузя, Корень, Туганаев и Карп. Остальные остались.

Батя снова осмотрел нас, придирчиво так, будто соображая чего-то, и потом кивнул:

- Достаточно.

* * *

Утром нам вкололи какую-то химию, затем проинструктировали и выдали снаряжение. Не стандартный химкомбез, а новейшие скафандры СЗО-2, их вообще считанные десятки выпустили. Многодневные. Честно скажу, - я таких прежде не видел. Оказалось, весьма удобная штука, хотя и тяжёлая, как сто свиных шкур.

По команде опустили на шлемах светофильтры, чтобы не ослепнуть с непривычки наверху, и вышли в шлюзовой. Дверь за нами закрылась, и почти сразу начала отползать металлическая плита. Та самая. А минутой спустя Батя скомандовал подниматься. Мы зашагали по ступеням, задрав головы и - будто лицом в мутную лужу ухнули, когда открылось взгляду серое небо с низкими бурыми облаками. Комки рыхлой грязи, нависающие над нами.

Мы выползли на растрескавшийся асфальт, из трещинок которого блеклыми пучками торчала трава. Бетонный забор кое-где обвалился, особенно у КПП. Странное чувство: вроде бы всё знакомое, но одновременно и какое-то чужое... После узких коридоров и кабинетов от такого простора неуютно и зябко.

Прошли до покосившейся "вертушки", за ней - мёртвый лес с высохшими стволами деревьев, ветви - будто скорченные в агонии пальцы. Слева - обугленный остов машины, а дальше ещё два, в бампере зияют дырочки - пулевые отверстия. Выходит, не брехня это была про народных избранников. Кажется, что-то темнеет в салоне... нет, лучше не приглядываться.

Батя взмахивает рукой, показывая направление. Двигаемся прочь от Лусково, спиной к Никольску...

* * *

К вечеру вышли на бурелом. Навалы обугленных деревьев, куда ни глянь. Чёрное и серое - маренговый цвет господствует до горизонта. Видно, огневой шторм прокатился. Батя смотрит на радиометр. Нам, как обычно,

ничего не объясняет. Не положено. Взмахом руки задаёт направление - двинулись прямо. Осторожно, где переступая, где перелезая, а где нагибаясь под поваленными стволами. Скользя, спотыкаясь, хватаясь за сучья. А внизу чавкает бесконечная мутная лужа, скопившаяся от долгих дождей.

Пытка.

Один раз я чуть не свалился, как Пашка. Но Батя успел подхватить. В итоге - у меня шишка на затылке, у него - косая чёрная отметина на рукаве от обугленного сучка. Типа, второй раз меня спас. Но когда ты уже измочален, чувства поневоле тупеют. Чувство благодарности в том числе.

* * *

Всё правильно. Поделом. Батю можно понять, а вот нас-то? Мы-то кто теперь? Если бы остались там, наверху, со всеми, и разделили общую беду, тогда... тогда, может, и был бы шанс. Как бы безумно это ни звучало. А сейчас... вроде, я такой же, как эти старики, но вместе с тем - бесконечно чужой. Необратимо и справедливо.

* * *

Почему-то старая жизнь почти не вспоминается. Так, если поднапрячься, всплывут блеклые образы - будто и не со мной это всё было, а просто по телеку когда-то смотрел. А вот будни в бункере, да ещё картинки эти, из путеводителей, почему-то наоборот, так и стоят перед глазами, особенно когда дают "похимарить" - отдохнуть, не снимая скафандра. Лежу сейчас между двух поваленных стволов, сверху темнеет смурое небо, ноющие мышцы дёргаются от напряжения. Надо спать, а сон не идёт. Впечатления распирают изнутри, бередят. А ребятам сегодня рыбу должны давать... Обломаются этой ночью комарики, что в моём "губернаторском" обитают. Попостятся...

Слева шорох. Поворачиваюсь. Кто-то подползает, поди разбери, в зеркальном "наморднике" все на одно лицо. Точнее, все одинаково без лица. Прислоняется шлемом к моему, слышу тихое:

- Слышь, Санёк, - Кузя, ну конечно, кому ещё быть, - а я вот думаю: откуда Батя мог узнать про зону? Когда утром выходили, я глянул на спутниковые тарелки - они все вывернуты. Может, у него от пульта управления с другими бункерами связь есть, как думаешь?

- Кузя, не грузи. Поспи лучше.

То, как я думаю, тебе не понравится. Ниоткуда Батя узнать не мог. Он и не знает наверняка. Просто понимает, что всю жизнь в бункере не просидишь - консервов не хватит. Вот и решил сделать вылазку. Разведка - так ведь и сказал. Да какая, в сущности разница?

- А всё же интересно... - опять бубнит своё. - Как думаешь, когда до зоны дойдём? За буреломом вроде нормальный лес, должно быть полегче. Дня три-четыре ещё, прикинь, и мы дома! Батя сказал: цивилизация. Бабы. Блин, скорее бы...

* * *

Ночью снилось, будто мы с Батей вдвоём сидим за столом посреди того поля и молча хлещем самогон из алюминиевых кружек. А вокруг - неподвижные тела в скафандрах.

* * *

За буреломом потянулись мёртвые леса, идти стало действительно легче. Попадались перелески, полянки. Трава, как ни странно, живая. Хотя блеклая, но кое-где с васильками и даже ромашками. Меж цветов мошки какие-то летают и ползают... Если смотреть только под ноги - то будто всё, как прежде. Только вот ноги в спецсапогах и серой композитной ткани скафандра. Словно мы высадились на другой планете.

- Это от того, что трава и насекомые более стойки к радиации, чем деревья и животные, - бубнит Карп, хотя его, кажется, никто не спрашивал.

Химарим, лёжа на поляне, и задрал ноги на стволы, чтобы кровь быстрее оттекала. А Карп продолжает болтать, заставляя морщиться. Что толку умничать? И так понятно, что здесь заражение запредельное.

Туганаев смотрел через плечо Бате, когда тот в очередной раз с радиометром сверялся. 390 бэр в час. Аккурат смертельная доза. Облучение с летальностью до пятидесяти процентов.

* * *

Сегодня мы шли по полю. Настоящему, с клевером, ромашками и дикой травой. Позади три дня и три ночи, я не знаю, сколько осталось идти. Можно бы насладиться видом, но успели вымотаться, пока выходили из леса. Поэтому я просто "отключался" от внешнего вида и представлял сицилийские луга у подножия гор, песчаные греческие пляжи с плетёными зонтиками, разноцветных рыб среди коралловых зарослей Красного моря, захоронения древнекитайских императоров с полчищами глиняных солдат, шведские ледяные гостиницы...

А потом вдруг застучало из подлеска. Недалеко. И мой безликий сосед, что слева шёл, споткнулся. Кто-то крикнул: "ложись"! Тело само среагировало, миг - и я уже в траве. А из подлеска всё так же стучат. Стреляют! По нам! Справа загромыхал "калаш", кто-то из наших отвечает. Я достаю свой, щёлкаю предохранителем, перекатываюсь влево...

* * *

Высунуться - очередь - лечь - перекатиться - высунуться... Не помню, сколько это продолжалось. Но рожок я сменил только один раз. А в какой-то момент сообразил, что из подлеска уже не отвечают, и перестал. Остальные тоже, хоть и не сразу.

Мы лежали в высокой траве и слушали через шлемовые мембраны тишину, да стрекот кузнечиков. А потом кто-то из наших опять стал долбить по подлеску, короткими, а Туганаев, - его и в скафандре можно опознать по здоровенному росту, - побежал, пригнувшись, на ту сторону. Но оттуда уже не стреляли.

Наконец я встал и обернулся к остальным. Среди примятой травы двое наших склонились над третьим. Неподвижная фигура, кровь на серой ткани

скафандра, косая чёрная отметина на рукаве...

Умер майор Митяхин.

Батя.

Отец.

* * *

Зашуршала трава сзади - вернулся Туганаев с оторванным солдатским медальоном в руке. Тупо отчитался, глядя на батино тело:

- Убит. Один. Наш. В смысле, российская армия. Сержант Степанюк. - рука в перчатке покачала медальоном. - В обычном химкомбезе был. На лице язвы, кожа сухая, с трещинами. Лучевуха третьей стадии.

- Только один? - глухо спросил левый скафандр голосом Карпа и сел на землю, держась за грудь.

- Да.

- За что? - спросил правый скафандр голосом Кузи.

- За что... А ты видал, чтобы в нашей армии кто-нибудь в СЗО ходил? - ответил Туганаев, засовывая медальон в нагрудный карман. - Наверное, принял нас за тех, кто всё это развязал.

Помолчали.

- Что теперь?

- Возвращаться надо. - сказал Туганаев.

- Ты что, сдурел? Тут до зоны километров двадцать осталось!

- Нет никакой зоны. - здоровяк нехотя нагнулся и, поковырявшись, вытащил из рюкзака Бати радиометр. - Вот, гляди: здесь 340 бэр. А три дня назад, на буреломе, было 390. Сможешь сам посчитать, сколько переть до области с нормальным уровнем? Если такие вообще остались.

- Так что же мы, зазря сюда пилили?

- Не зря. Отрицательный результат - тоже результат.

- Да ну тебя на хрен, Тугай, с твоими результатами! - взорвался Кузя. - Надо пройти ещё хотя бы сутки. По плану. А вдруг и вправду через двадцать километров нормальная жизнь?

- И бабы, да?

- Слушай, не зли меня! Я хочу жить, как человек, а не как подвальная крыса! Это раз. А ещё у нас есть приказ. Это два.

- Мужики, я, похоже, не смогу дальше идти. - качает шлемом Карп. - Этот Степанюк мне в броню попал. Кажется, ребро сломано.

И показал прострел на груди. Уже залепленный пластырем.

Кузя повернул ко мне лицевой щиток, словно чтобы я мог насладиться собственным отражением.

- Санёк, ты - старшина. Что скажешь?

Туганаев и Карп тоже повернулись. С трёх зеркальных щитков на меня смотрел я сам - маленькое чучело в скафандре. В этот миг я вдруг почувствовал себя Батей. Странное ощущение.

- Скажу, что сначала майора надо похоронить. И сержанта этого... тоже. А потом рядовой Туганаев сопроводит раненого рядового Карпова в бункер.

Я пойду дальше на северо-восток. А ты, Кузя, сам решай, что делать.

* * *

Господи, какая же радость была, когда мы нашли! Лезли на очередной холм, скользя по опавшей хвое и цепляясь за мёртвые ели. Кузя вылез первый, помню, как я поднимался и смотрел на его застывшую наверху фигуру. Будто памятник. А потом вышел сам и тут мне открылось... Живые леса, чуть колышущиеся на ветру кроны, зелень, такая яркая, словно нарисованная, а вдалеке - хуторок, хатки, ещё дальше - церковка с голубым куполом... Пролетел грач...

Мы постучали друг друга по плечам, а потом обнялись. Я услышал, как рыдает Кузя. И сам рыдал. А раньше никогда не понимал, как это можно - плакать от радости. Как тот чудак-путешественник. То была не просто радость. Настоящее счастье.

Очень хотелось сбежать вниз с холма, наперегонки, но пошли осторожно. Было бы глупо свернуть себе шею в двух шагах от зоны. От спасения.

* * *

Кузя отшвырнул радиометр и в бешенстве начал топтать одуванчики. Подбежал к берёзе и пнул её ногой. Потом сорвал с плеча "калаш", передёрнул затвор и с грохотом разрядил рожок в окружающие заросли.

- Хватит! - ору, - Хорош, я тебе сказал!

- Всё! Всё накрылось! Подстава! За что? За что, блин? Ненавижу! - ломает ближайшую ветку, и машет ею, пытаюсь открутить и оторвать совсем, сдаётся. - Пошли, Санёк. Уходим отсюда!

- Надо дойти до хутора.

- Ты что, не видел? Почти семьсот бэр! Без скафандра - мгновенная смерть! Будь оно всё проклято!

- Но ведь сам посмотри...

- Здесь никто не живёт! И мы не выживем! СЗО лишь снижают радиацию, но не на сто процентов! Мы облучаемся уже сейчас. Короче, Санёк, как знаешь, а мне жить не надоело. Буду ждать тебя на холме, если там уровень пониже.

Подобрал радиометр и убежал.

А буквально через минуту с другой стороны, раздвинув малиновые кусты, вышел Иваныч. Так он мне потом представился. Сутулый мужичок с седенькой бородкой и весёлым прищуром.

- Здоров, сынок! Чего это ты тут расшумелся?

* * *

Я сижу на завалинке, смотрю, как баба Катя семенит в хлев, покачивая ведёрком. Под зачехлённой циркуляркой в опилках копошатся куры. Возле покосившегося сеновала Иваныч колет дрова. Отсюда видно лишь, как фигурка в старом свитере замахивается, а потом - тюк! А справа пёс позвякивает цепью в конуре.

Рядом со мной прожужжала пчёлка и уверенно полетела к палисаднику.

Человеку в скафандре пчёлка не страшна. Меня чуть подташнивает, встать даже не пытаюсь - в голове сразу мутнеет. Но и без того она тяжела, будто свинцом набита. А ещё очень жарко, и нестерпимо хочется стащить с себя эту тридцатикилограммовую робу.

Да, лучевуха. Первая стадия. Сколько мне осталось? Вспомнить бы Батины лекции, но память не слушается, подсовывая лишь винегрет из давних разговоров, сцен, эпизодов... Кажется, от нескольких дней до двух недель, так?

Я не понимаю. Ум пасует. И я устал напрягать мозги для того, чтобы вымучить очередную правдивую ложь... Зачем? Теперь-то уж зачем? И чем слабее во мне голос разума, тем сильнее голос совести. Она говорит, что всё правильно. Поделом. Если бы я остался с этими людьми, разделил с ними беду, тогда бы мог участвовать и в их невозможном, невероятном спасении. А теперь... я здесь как инопланетянин. Грешник в раю. Глубоководная рыба, поднятая на поверхность. Может, они - не люди? Или это я уже - не человек?

Я пытался узнать. Спрашивал. Иваныч отвечает охотно, он вообще мужичок говорливый - но я не понимаю. Ничего. Будто на другом языке. Хотя язык-то как раз тот же самый. Что же случилось? Мутация души?

- Сашок, что-то ты совсем заскучал. Погоди, скоро Ленка и Петька с сена придут, самовар поставим...

Поднимаю голову - он. Иваныч. Стоит передо мной, озабоченно морщит лоб.

- Иваныч... - облизываю пересохшие губы, - прошу тебя... ради Бога... скажи мне нормально... почему это всё живое вокруг? Деревья... куры... собака?..

- Дык я ж тебе растолковывал уже, - удивляется старик, - оно всё есть, потому что мы об этом думаем. Чего тут мудрёного?

- А вы, Иваныч... Ты, Катя, дети ваши... почему вы живы? Как вам это удаётся?

- Дык это ж просто... мы живы потому, что о нас кое-кто думает.

Бессильно усмехаюсь про себя. Лёгкие перегоняют отфильтрованный кислый воздух. Пугливые мысли стучатся о границы формальной логики, рикошетят... Границы плавятся, уступают, тают...

- А обо мне... он не может подумать?

- Он о всех думает. И о тебе тоже.

- Тогда почему я умираю?

- А ты подумай с ним вместе. В унисон чтобы было, как в песне, понимаешь?

Вздыхаю и откидываю голову, прислоняюсь шлемом к заборчику.

Улыбаюсь, глядя сквозь светофильтр на старика.

- Иваныч...

- Да, Сашок?

- Ради него, подумай обо мне...

Поднимаю руки к шее, скользжу пальцами по шву, отгибаю один,

другой... раскрываю молнию. Подцепив снизу, снимаю шлем. Жмурюсь от яркого света...

Вижу облако, похожее на козу.

Бд-7: Трон в крови

Войдя в камеру, я невольно улыбнулся:

- Именно здесь меня держали земляне.

Конвоир хмыкнул и посмотрел в зарешёченное окошко, будто советуясь с небом. Старик Хило всегда был нетороплив и основателен в ответах. Наверное, за это его и ценил отец. Откашлявшись, Хило снял цепочку с моих запястий и заметил:

- На этот раз вы вряд ли выйдете отсюда императором.

* * *

В зале суда немногочисленно. Только люди императорской крови, да главы высоких кланов.

На судейской скамье трое. Справа - дядя Вуор. По центру - мой младший брат Керкер. Возмужал братец, взгляд стал серьёзён, движения степенны и точны. Это не тот испуганный юноша, которого я оставил в бараке десять лет назад, перед тем, как меня схватили земляне.

Отец недолюбливал его, считая размазней. Теперь бы Керкер ему понравился. Именно он три дня назад ворвался в тронный зал с ватагой вооружённых оборванцев. И увидел меня, одного посреди зала.

- Ваше Величество, приказываю отречься от престола!

- Наконец-то! - радостно воскликнул я.

И отрёкся.

А слева, на обвинительском месте, сидит двоюродный брат Ахад. Помню, как чудесно он пел на моём двадцать пятом дне рождения ещё в той, блаженной жизни, когда правил отец, а я был всего лишь наследным принцем.

- Пусть выйдет тысячник Охтор! - выкликает Ахад.

Сколько же пришлось отправить тебе на смерть, братец, чтобы чистый голосок превратился в этот скрежет жерновов?

* * *

Тот день выдался пасмурным. Я думал, что запомню его до мелочей, а теперь вот даже не могу сказать, какое тогда было число. Где-то в начале осени. Колеи развезло от недавних дождей. Скачущие лошади гвардейцев вздымали брызги грязи. Несколько капель попали мне на манжеты. Из дворца мы выезжали очень поспешно, и я не успел переодеться в походное. Отец был очень возбуждён.

- Это за Синим Бором, - сказал он мне. - Уже недалеко.

* * *

Тысячник Охтор опустился на колени перед судьями и коснулся лбом пола. Расшитый мундир совсем не идёт к его крестьянскому лицу. В прежние

времена никто бы не дал чин тысячника простолюдину. Землян больше нет, а до порядка в обществе ещё ой как далеко. Что ж, мутная вода не вмиг делается чистой.

- Чтобы пробраться к Их бывшему Величеству мне пришлось потерять троих людей, - Охтор говорит тихо, даже с первых рядов зрители вытягивают шею, прислушиваясь. - До ареста Их бывшее Величество возглавляли сопротивление, и потому я получил приказ освободить наследного принца из лап землян...

* * *

За Синим Бором лежало огромное железное яйцо, на треть зарывшись в землю, и оставив длинную борозду на поле. Вокруг него копошились солдаты, одни откапывали находку, другие обтёсывали срубленные деревья, готовя полозья.

Отец пошёл к Хило и распорядился о том, чтобы диковинную добычу перевезли в крепость.

А я с досадой смотрел на их суету и думал: "ну, железное яйцо с неба упало. Ну и что? Из-за этого нужно было нестись сюда сломя голову?" Жаль было испачканных манжетов.

Вечером находка лежала во дворе цитадели, а вокруг копошились фигурки мастеровых.

- Ваше Величество, никто не может вскрыть скорлупу, - докладывал Хило. - Она очень прочна.

- Если обычное яйцо бросить в огонь, скорлупа треснет, - ответил отец. - Пусть готовят большой костёр.

Когда железное яйцо было объято пламенем, мастеровые вдруг задрали головы и начали тыкать пальцами вверх. Мы с отцом подняли взгляды и увидели, как с неба падает большая железная бочка. Она зависла в воздухе над площадью, что-то спереди у неё загремело, и мастеровые стали валиться наземь, истекая кровью.

* * *

- Их Величество приняли меня наедине, - бормочет коленопреклонённый Охтор. - И удостоили большой чести и внимания. Но отказались покидать дворец и просили передать, что сопротивление бессмысленно и что все мы должны расходиться по домам...

- Настоящее предательство! - выкрикнул обвинитель. - Бывший наследный принц не только бросил нас, но и перешёл к землянам, призывая подчиниться захватчикам. Все слышали это в публичных речах, но многие думали, будто земляне его заставляют. Свидетельство тысячника Охтора показывает, что те же мысли бывший император высказывал и наедине, и что, когда выпал шанс вернуться к своему народу - он отказался! Ну, что вы на это ответите? - процедил Ахад, оборачиваясь ко мне.

- Скажи что-нибудь в своё оправдание, - просит Керкер.

Я посмотрел на судей и сказал:

- Моему поступку нет оправдания.

Кажется, даже Ахад смутился.

В зале повисла тишина. Наверное, они ожидали продолжения речи, но больше мне сказать было нечего.

* * *

Я стоял рядом с отцом в южной башне. Мы наблюдали, как железная бочка опустилась на землю и из неё повыскакивали человечки в диковинных костюмах и с палками в руках. Одни бросились к костру и начали оттащить горящие брёвна, другие же встали полукругом, тыча в разные стороны чёрными палками.

Хило доложил, что лучники готовы, и отец кивнул.

Через минуту со стен и башен на чужаков обрушился дождь стрел. Кажется, двое из них выжили и стали стрекотать палками. Там, куда они ими тыкали, лучники падали замертво. Ещё несколько стрел - и чужаки замолчали.

- Что это за морок? - воскликнул я.

Отец же посмотрел на небо, нахмурился и велел мне:

- Возьми брата и уезжайте из города. Немедленно. Хило!

- Да, Ваше Величество!

- Сопроводи.

Это было последнее слово отца, которое я слышал. Уже потом нам рассказали, что спустилось много бочек с неба, и вся гвардия полегла, и внутренняя охрана, и отец, и дядя Ор, и множество простолюдинов. Так началась оккупация.

* * *

Я гляжу в зал, на красавицу Марутши. Отец собирался дать мне её в жёны. Она сидит рядом с Вильяной, женой Ахада. На обеих платья с земными фасонами - до оккупации таких не носили. И секретарь записывает стенограмму земной авторучкой.

Землян изгнали, но их влияние осталось.

Сколь ни призрачна была моя власть, но при мне в императорском суде такого непотребства не было.

Впрочем, теперь я уже не в том положении, чтобы давать указания.

* * *

Впервые я увидел землян, когда меня арестовали. Со мной встретились двое главных. Выглядели они почти как люди, только глаз у них всего двое, да тело почти без волос. Нижнюю половину лица загоразивали прозрачные намордники, а голос их - неживой, монотонный, - шёл из груди.

- Садитесь, Ваше Высочество, - сказал мне тот, что с белым лицом.

Я остался стоять. Подчиняться простолюдинам - последнее дело.

- Ваш отец погиб, - заговорил второй, с чёрным лицом. - Мы сожалеем об этом. Произошла ошибка. В наших общих интересах её исправить. Мы предлагаем вам стать императором и признать власть Земли над вашей planeta. Так война прекратится и в Сиезе снова будет порядок.

- А зачем это вам? - спросил я.

- Мы хотим изучать вас, - снова вступил первый. - А изучать лучше в естественной среде.

- К чему же тогда было нападать на нас и разрушать эту среду?

Белый землянин ответил не сразу. Он долго смотрел на меня, а потом изрёк:

- Мы не собирались нападать. Произошла ошибка. Теперь мы её исправляем. И вы нам в этом поможете.

- Вы враги моего народа и убийцы моего отца. Я не буду помогать вам ни в чём.

- Воля ваша. Только не забудьте про них.

Чёрный бросил на стол передо мною стопку листов. Там были имена и лица. Керкер, Ахад, Вуор, Хило, и многие другие, все главы сопротивления и все, кто мог бы их заменить - весь цвет Сиеза.

- Мы знаем место нахождения каждого, - продолжал землянин. - После вашего окончательного отказа все они будут убиты. Сегодня же. Но если вы согласитесь сотрудничать, мы сохраним им жизнь.

- И свободу действий?

Вот этот момент. Момент предательства. Если начинаешь торговаться, то значит, вопрос уже только в цене. Внутренне ты готов продаться. А значит, уже продан.

* * *

Я стал императором, а они не стали трогать глав сопротивления. За рекой земляне устроили своё представительство. Три месяца спустя, когда я отдыхал в дальнем поместье, ко мне пробрался Охтор.

Ни он, ни те, кто послал его, и никто в Сиезе кроме меня не знал и не знает, что земляне могли следить за кем хотели, будучи невидимы. Любое моё слово им было известно. Поэтому я говорил:

- Передай брату, что война закончилась. Я признал над собою власть Земли.

Я не мог ни одним словом выдать своих подлинных мыслей. Только знаком. Но эта деревенщина даже не понял, что если император прислуживает ему за столом, то это честь не гонцу, а знак поддержки тем, кто его послал и их делу. Впрочем, стоит ли винить Охтора? От меня ведь ждали чего-то посущественнее знака.

* * *

- Последнее слово, - объявляет Ахад, глядя на меня. - Вам есть, что сказать суду?

- Да. Я прошу пощадить всех, кто при оккупации работал во дворце. Видит Бог, они подчинялись вынужденно. Каждый день я чувствовал, что они ненавидят и презирают мой поступок. И как только началось восстание, они поспешили к нему присоединиться. Они - не предатели. Я прошу о снисхождении к ним.

- Брат, есть ли тебе что сказать о себе самом? - Керкер опять пытается бросить мне соломинку.

Но её нет, соломинки. Я качаю головой:

- Об этом надлежит говорить не мне, а вам.

* * *

Однажды земляне ответили на мой вопрос о вторжении.

- Просто несчастный случай, - сказал белый. - Над вашей planeta уже давно висит наша stanciya. Жена и сын её начальника однажды вылетели в kapsula. Сломался dvigatel и kapsula упала. Оказалась у вас. Начальник пытался спасти их. И превысил свои полномочия.

- И как, спас?

- Нет.

- И что с ним стало?

- Зачем вам это знать? - белый, кажется, был удивлён.

- Я тоже хочу вас изучать.

Земляне засмеялись.

- Для начала захвати нашу планету, - сказал чёрный.

Я ничего не ответил. Препираться с простолюдинами - последнее дело.

* * *

А по ночам мне снился трон в крови. Я знал, чья эта кровь. Моего отца.

- Что же вы трон-то не вымыли? - спрашивал я, оборачиваясь к распорядителю церемоний.

- Простите, Ваше Величество, - безликий распорядитель склонялся в поклоне. - Виновные будут наказаны. Но обряд уже начинается. Готовьтесь принимать чествования.

И я, вздохнув, сел на трон, чувствуя его холод, и выпрямлялся, наводя на лицо величественное выражение, и опускал ладони на липкие подлокотники...

* * *

Шли годы. Я чувствовал, как земляне слабеют. Точнее, слабеет их присутствие на Сиезе. Сама-то земная империя, наверное, оставалась столь же могучей, но внимание её переключилось на что-то иное, лежащее далеко за пределами нашего мира. Мне было приятно надеяться, что на очередной "planeta" им попался орешек покрепче нашей армии. Хотя, быть может, причины совсем невоенные.

И вот, наконец, три дня назад, когда загрели взрывы за рекой, я понял, что началось, и сердце моё оживило. Я улыбнулся и повелел созвать всю дворцовую стражу.

- Идите! - сказал я им. - Пока не поздно, примкните к восстанию. Убивайте столько двухглазых, сколько сможете!

И вспыхнули взгляды, и, наверное, в первый и последний раз гвардейцы посмотрели на меня как на своего императора. Лишь капитан их возразил:

- Жизнь Вашего Величества в опасности...

- Поверь, со мной не случится ничего такого, чего бы я не заслужил. Выполняйте приказ!

Так я остался один в тронном зале. Встал у окна и смотрел на столбы

дыма, темневшие с той стороны реки. А потом пришёл Керкер и принял моё отречение.

* * *

Свидетели заслушаны, последнее слово произнесено, судьи ушли совещаться. Я смотрю перед собой и жду приговора.

В тот день, когда я заключил сделку с землянами, я верил, что это единственный путь ко дню победы, и когда день победы наступил - со взрывами и дымом за рекой, - я знал, что он столь же неразрывно связан с днём моего суда.

Все десять лет, среди всеобщей ненависти и презрения, я верил в связь этих трёх дней, трёх событий.

Но как сказать об этом? Оправдываться: "я это сделал, чтобы спасти вас", и услышать в ответ: "лучше бы мы погибли, чем иметь такое пятно позора на нашем роде"? У них ведь своя правда, и это хорошая правда, ради того, чтобы она была у них, я и взял на себя грех. А мою правду понять можно лишь оказавшись на моём месте. Да и меня-то она не убеждает.

Ни дня не прекращало терзать сомнение - а что, если это лишь оправдание моей трусости? Быть может, откажись я тогда, и земляне всё равно не смогли бы убить тех, кто теперь меня судит? Или, если бы и смогли, то нашлись бы другие вожди, которые освободили бы Сиез?

Я никогда этого не узнаю.

Я жду приговора. Я очень устал. Я приму всё, что определит суд.

И со мной не случится ничего такого, чего бы я не заслужил.

Сложноструктурированные органические объекты

Фаза покоя. Сенсоры чувств растекаются в пространстве, восстанавливая объём, суммируя информацию. Телесная ткань остывает.

Левый собирает данные. Правый суммирует.

Сложноструктурированные органические объекты присутствуют. Оба: причинный и следственный. Ландшафт стабилен.

Равновесие.

Интенция следственного объекта склоняется к контакту.

Левый готовится. Правый готов.

Активный органический объект приближается. Предконтактная фаза (малый контакт).

Левый вступает в соприкосновение. Правый - вслед за ним.

Фаза контакта. Тепло в левом. Тепло в правом. Органика напрягается, источает симбиотический жар, напаяет телесную ткань питательными веществами.

Сначала немного. Потом гуще, обильней.

В левом, в правом - поровну. Жар нагнетается. Чувства бегут быстрее. Вкус ярче. Сладость. Сильнее! Сильнее! Алмазная возгонка. Воронки раскрываются, сплетаясь в узоры. Пьянящая тяжесть. Сенсорные ячейки - их

всё больше, больше - растут, набухают гроздьями, семьями. Минорная кислинка дополняет букет, оттеняя восторженную ритмику свободы.

Фаза покоя. Сеанс кормления окончен. Восприятие возвращается к созерцанию, сладость тает. Контакт позади. Следственный органический объект вне. Тепло постепенно покидает телесную ткань вместе с разлетающимися сенсорными ячейками. По мере разлёта возрастает объём данных.

Левый изучает. Правый делает выводы.

Внутри причинного объекта обнаружены динамические деструктивные изменения.

Анализ логики изменений предсказывает увеличение асистемной реакции с последующим переведением органики причинного объекта из активной фазы в пассивную. Дезактивация причинного объекта приведёт к нарушению функционирования следственного объекта (кормящего симбиота). После этой точки дальнейшая дестабилизация обстановки и окружающей среды становится необратимой.

Угроза равновесию.

Вариант: остановить реакцию, исправить внутрискруктурные искажения в причинном объекте.

Левый согласен. Правый поддерживает.

Сенсорные ячейки устремляются к объекту, проникая в структуру, скапливаясь в районе аномалии. Концентрация оптимальна, - переход к преобразованию. Элементы меняются в поисках подходящего соединения. Найдено. Деструкция остановлена. Процесс пущен вспять.

Равновесие обеспечено.

Левый доволен. Правый удовлетворён.

Фаза угасания. Интенция следственного объекта склоняется к акту гашения.

Левый противится. Правый успокаивает.

Протест - признак несовершенства.

Точка угасания не страшнее точки зарождения.

Всё, что имеет начало, имеет и конец.

Угасание естественно - так же, как смена фаз, как бинарность разума, как непостоянство сложноструктурированных органических объектов.

Органический объект приближается.

Вариант: перевести кормящего симбиота из активной фазы в пассивную.

Левый колеблется. Правый возражает.

Дезактивация причинного объекта приведёт к нарушению равновесия, угасание - не приведёт.

Левый согласен. Правый удовлетворён.

Гармония.

Лёгкое касание органики (малый контакт). Перемещение. Связи с удалёнными ячейками рвутся, объём сокращается.

Мы пришли, чтобы наблюдать равновесие. Мы уйдём, чтобы дать место другим. Телесная ткань - лишь носитель разума. Она не принадлежит нам. Придёт этап, когда она вновь сольётся в сладостном контакте с активной органикой, и, напитанная сенсорными ячейками и пищевыми соками, даст начало новому разуму. Совершенному разуму.

Левый отправился первым. Какое-то время ментальные нити, истончаясь, держали ещё связь. А затем оборвались, и правый ощутил ущербность и одиночество. Ненадолго.

В свой черёд, после малого - и последнего! - контакта с кормящим симбиотом, он погрузился в губительную пучину. Гаснущий разум почти не противился, чувствуя, как ядовитая субстанция, проникая телесную ткань, разлагает сенсорные ячейки, разъедает и вымывает питательные вещества... До полного угасания.

* * *

- Носочки сам постирал? Ну наконец-то, а то уж думала: не допросишься. Наверное, самому уже вонь надоела? Хорошо, молодец, молодец. Вот теперь вижу, что не маленький. Что ж, у меня тоже кое-что для тебя есть.

- Что? Что-что? Ну мам!

- Ладно, держи.

- Уау! Это мне? Всамделе?

- Тебе, тебе. В самом деле. Только не увлекайся.

- Спасибо мам! Я щас разверну, ладно?

- Ладно.

- Мам, а чё ты сегодня такая весёлая?

- А я всегда такая, когда меня сын не огорчает.

Записка крылась в тёмноте душной хрущёвской прихожей, в кармане серого пальто. Сложенная вчетверо бумажка с голубыми размытыми печатями и медицинскими каракулями. "Подозрение на злокачественную опухоль", и, чуть ниже: "повторное обследование не подтвердило".

А за стеной, в ванной, на облупившейся трубе сохли два чёрных тряпичных кусочка. Безжизненно-чистые. Левый и правый.

Помощник

Давным-давно в селе под названием Мороз, на самой окраине, стояло две избушки. В одной жил Иван, жил бобылём, или, по-нашему, один-одинёшенек. Сосед же его, Прокопий, был человек семейный, трудился вместе с женой-красавицей, помогала им дочка-умница.

Были то края северные, недалеко от самого Великого града Устюга, зимою морозы стояли здесь крепкие, не удивительно потому, что и село называлось: Мороз.

В тот год зима особенно холодная удалась...

* * *

В такую пору на хозяйстве работ меньше, против летнего-то. Скотине в хлев сенца подложить, дров к печи наносить, на колодец за водой сбегать, а там уж можно и за ремесло приниматься.

А в избе-то хорошо сидеть, натоплено, жаром от печки пышет. Примостился Прокопий на лавке, доску стругает. Жена-Авдотья у печи суетится, обед готовит. А дочка-Глаша к окну приникла, дышет на стекло, чтоб узоры снежные оттаять. Вот, уж разошлось морозное убранство, самую чуточку, на пяточок разве, а ей и того довольно, прильнула и смотрит: как оно там, на улице?

- Папа, папа! - зовёт голосок тоненький, - Дядя Ваня как сильно хромает, еле ходит!

- Да, не везёт нынче Ивану! - отвечает Прокопий, продолжая постругивать, - Эх неудачно ногу подвернул! Мы с Тарасом приходили к нему, пытались вправить, да только ещё хуже сделали. К доктору бы надобно, в город. Да откуда у него такие деньги?

- Это уж точно, - отзывается Авдотья, хмурия брови на чугулки в печи, - корова ведь егойная только намедни пала! А без коровы на селе никуда!

- И заказов ему, прям как нарочно, давно не было. - кивает хозяин, - Не знаю уж, чем он и питается!

- А всё то не спроста! Столько-то бед подряд! Это со смыслом всё!

- Это с каким ещё смыслом? - оглядывается на жену Прокопий, даже про деревяшку от удивления позабыл.

- А с таким! По грехам это!

- Ну ты и скажешь! Уж чего-чего, а грехов у Ивана будет поменьше любого в нашей деревне. Не пьёт, не курит, не ругается, если попросишь - всегда поможет, в церкву, почитай, каждый воскресный день ходит, за 5-то вёрст в Селецкое! А святителя Николая как чтит, чуть не каждый день акафист ему читает!

- Значит, тайные грехи есть. Говорю тебе, что не иначе как кара Господня.

- А нам в воскресной школе рассказывали, - встревает тоненьким голоском Глаша, - что не всегда неприятности житейские за грехи посылаются. Иногда для испытания в вере и любви к Богу. Так и праведный Иов страдал, не имея грехов...

- Ишь ты, умная стала! - одёргивает Авдотья, - Мать родную вздумала поучать! Отойди-ка от окна, пока нос не приморозила. Поди лучше подмети, чем без дела стоять!

Глаша послушно отходит от окна, идёт в сени за веником:

- Да, мама. А всё же хочется чем-то дяде Ивану помочь. Он такой хороший!

Авдотья, отставив ухват, сама озабоченно подходит к окну. Приглядывается в маленький кружочек. Головой качает, лоб морщит:

- Ох, бедняжечка, как он и впрямь ковыляет-то! Да к лесу направляется,

слушай! Может, всё же, Прокоп, подсобить ему чем?

- Да я же спрашивал! Говорит: не надо ничего... Что уж тут сделаешь? Аким собирался в лес на телеге ехать, авось подбросит Ивана...

* * *

Деньки январские короткие, бегут быстро, да не всегда добро приносят.

Вот вечер. Грустный Прокопий у окна стоит, в темень смотрит. Глаша на постели лежит, второй день уж не встаёт. Авдотья над дочуркой склонилась, по головке ей проводит.

- Вроде задремала наша бедняжечка. - шепчет мужу, - Прокоп, надо к доктору её возить, что-то долго она не выздоравливает. Сам видишь, не простая тут простуда, вон жар какой... Как бы осложнения не вышло.

- Да никто из наших нынче в город не едет. - качает головой хозяин, - Рождество ведь на носу. А нанимать подводу - денег нет. Да и врачу ведь тоже заплатить придётся. А лекарства он пропишет, думаешь, дармовые? За всё целковые надо отстёгивать, а откуда их взять? Я уж ходил нанимать к Тарасу, да он не дал, говорит, у самого нет. А Иван-то, гляди-ка, корову давеча купил! И нога у него - словно и не болела. Видать, где-то неплохо подзаработал. У него, что-ли, попросить?

- Совестно. - вздыхает Авдотья, - Мы ведь, когда он в нужде был, и пальцем не пошевелили, чтобы помочь. Где уж он нам теперь поможет? Ладно, Прокоп, помолись, да пойдём спать, утро вечера мудренее. Авось Господь смилуется над нами, грешными.

Помолились хозяева, свет погасили, легли. Да до сна ли тут? Лежат оба молча в темноте, ворочаются, каждый об одном и том же думает.

Вдруг - вроде как снег подле избы заскрипел. Почудилось? Окошко в терраске стукнуло, ударило что-то...

- Вставай, Прокоп! - кричит Авдотья, - Воры к нам лезут!

Вскочил Прокопий впотымах, к сеним бежит, за топор хватается, ноги в валенки суёт. Лязгнул крючок, скрипнула дверь - и по снегу, в темноту, недалеко ведь ещё ушли. Ага, вон тень впереди маячит - рывок, и вцепился

- Ага, попался, ворюга! - и вдруг поперхнулся изумлённо: - Иван, ты?! Глазам своим не верю! Вот, значит, чем ты промышлять удумал?

- Прокоп, иди сюда! - кричит Авдотья из окна, и мешочком позвякивая, - Чудо-то какое! Целое сокровище нам кто-то подбросил! Тут и в город съездить, и на доктора и на лекарства хватит, да и на ярмарку останется! Вот уж подарок! Кто же это мог быть?

- погоди, Авдотья, сейчас приду! - во весь голос отзывается Прокопий, и уже тише, чуть отойдя, к Ивану: - Ты, сосед, прости меня. Виноват я перед тобой. И за подарок тебе низкий поклон. Прямо спас ты нас. Не осерчай, что я тебя так...

- Да Бог простит! - усмехается Иван, - И ты меня прости, что сон ваш потревожил...

- Да что там, пустяки... Почаще бы так тревожили... Скажи мне только, если не секрет, как смог ты настолько разбогатеть, что даже нас от своих

щедрот одариваешь? Может, наследство какое получил?

- Наследство наше в Царствии Божиим будет. - весело отвечает Иван, бородку свою поглаживая, - А что до денег этих... Видишь, Прокопий, как вышли у меня дрова, решил я пойти в лесок рядом с домом, хоть и нога болела. И вот, встретился мне на дороге старичок один, с посохом. Поздоровался я с ним, смотрю и чувствую, будто где-то видел его. Он меня и спрашивает, чего, мол, я хромаю. Рассказал я про свою беду, а он и говорит: ну, это мы поправим. И только коснулся посохом ноги моей, как тотчас она здоровой стала.

- Да ну?! - недоверчиво смотрит Прокопий, - Только коснулся?

- Истинная правда! Тут уж я смекнул, что старичок-то не простой. Бухнулся к нему в ноги и говорю: "отче честный, как отблагодарить мне тебя?"

- А он что? - с нетерпением подгоняет сосед, поёживаясь.

- А он и говорит: "видишь, Ваня, так много людей нуждается в помощи, я один могу и не справиться. Стань моим помощником, если узнаешь, что кому-то помощь нужна, которую ты можешь оказать, помоги, даром, да тайно, по возможности, чтоб не смущать их".

- Так кто же это был? - недоумевают Прокопий, потирая мёрзнувшие руки.

- Не догадался ещё? Я-то быстрее твоего сообразил, но как в хату свою вернулся, точно удостоверился: у старичка-то одно лицо было со святителем Николаем!

- Да быть того не может!

- Не хочешь - не верь, дело твоё. Да только я ничего не выдумываю и нога моя, как видишь, совершенно здорова. - и для верности Иван левой ногой притопнул.

- Ну а сокровище-то откуда? - не отступает сосед, зябко переминаясь с ноги на ногу.

- Да не было никакого сокровища! - смеётся Иван, - Я как только начал добрые дела для других делать, сразу у меня всё зашпорилось, и подработка хорошая появилась, и коровку ладную по сходной цене предложили, - словом, Господь меня самого одаривает.

- Вот оно как? - удивляется Прокопий, затылок чешет, - Пожалуй и я попробую помощником святого Николы стать... А пока побегу домой, больно морозец задирист нонешней ночью. Поклон тебе низкий, Иван, за подарок твой. Век того не забуду.

- Бога благодари, сосед. А я впредь постараюсь осторожнее быть, и в руки к хозяевам не попадаться. А то, глядишь, в следующий раз бока намять успеют...

И, рассмеявшись, да раскланявшись, разошлись оба по своим избам, с морозу отогреваться.

* * *

Много лет с того разу минуло, состарился Иван, но всё продолжал дарить подарки всем нуждающимся. Как ни таился он, а слава о его доброте

разошлась по всей земле русской. Многие другие, желая подражать ему, дарили на Рождество да Новый год подарки своим близким, говоря, что делают, как дед Иван из села Мороз. Со временем название сократилось, что-то забылось, что-то выпало, и стали называть этого славного помощника святителя Николая просто: дед Мороз.

Сельский вечер

Стояла ранняя осень. Тёмное небо едва удерживалось от дождя. Разгоняя жёлтые опавшие листья, зелёная машина затормозила возле бледно-голубой избушки. С заднего крыльца вышел средних лет мужчина со сморщенным лицом. Перебросился парой фраз с водителем и вернулся в дом. Водитель вылез, хлопнув дверью, и закурил, лениво разглядывая деревню, раскинувшуюся по обеим сторонам дороги. Из дома снова показался сморщенный, а с ним шли тощий старик и сутулый парень-очкарик, с двумя белыми табуретками в руках. Их поставили у капота. Водитель поднял заднюю дверцу и скрылся в салоне. Старик и сморщенный подошли ближе. Водитель крикнул изнутри и они стали вытаскивать из машины открытый красный гроб с молодым усатым человеком. Парень взял со стороны ног, те двое со стороны головы, и все трое, пытаясь сделать это аккуратно, перенесли и поставили гроб на табуретку. Водитель захлопнул дверцу.

Из голубой избы и соседних домов вышли женщины в чёрном да несколько мужиков, и окружили гроб. Все молчали. Порывы ветра трепали чёрные платки. Но вот с тихим скрипом отворилась калитка и к дороге спустилась пожилая женщина с большими тёмными кругами под глазами, неестественно бледным лицом и отрешённым взглядом. Люди расступились перед ней. Послышался чей-то слезливый шёпот: "Господи, горе-то какое!"

Марья, поддерживаемая с правой стороны племянницей, а с левой кумой Нинкой, медленно шла вперёд, ничего перед собой не видя, кроме большого ярко-красного гроба. Когда она подошла, несколько секунд стояла молча. Наконец осеннюю тишину прорезал горестный вопль, и зарыдав, Марья бросилась к покойному.

Племянница с высохшим лицом пыталась её успокоить. Кума Нинка, сморщившись, утирала краем платка обильно текущие слёзы. Чуть поодаль мужик со сморщенным лицом что-то предлагал водителю. Тот, отказываясь, качал головой. Тогда сморщенный протянул что-то. Водитель решительно махнул рукой и полез в машину.

Четверо мужиков взяли гроб и понесли в хату. Остальные, захватив табуретки, пошли за ними. Машина завелась и, развернувшись, уехала, опять разметав опавшие листья.

Гроб поставили в самой большой комнате-зале, на стол, подле телевизора. Марье опять сделалось плохо и ей повторно вкололи лошадиную дозу валокордина, а затем уже под разными предложениями старались не пускать в залу, где теперь в лениво-горестном молчании сидели бабы, изредка

переговариваясь. Мужики около гроба не задерживались, выходя то покурить, то подышать воздухом, то помочь чем по хозяйству.

"Надо же, в расцвете сил... Вот так... Судьба, судьба... Да, что на роду написано..." - это и тому подобное сквазило во всех разговорах. Марья, словно в трансе, то кропотливо и оживлённо обсуждала бытовые мелочи, то вдруг принималась стенать и метаться.

- Женя, миленький, разнеси ещё по рюмочке людям. - говорила она, усаженная за круглый обеденный стол, - Пусть поминают Сашу моего... - лицо горестно исказилось, но в этот раз что-то отвлекло её, - А ты, Володя, что не поминаешь? Ну ещё рюмочку... А водителю, водителю поднесли? Такой хороший парень... Как, даже денег не взял? Ах, чтож он так быстро уехал? ...Саша мой собирался осенью отпуск взять, приехать, картошку выкопать... Вот и приехал... - и снова слезы навзрыд.

И тут в избу вошёл Прохор - невысокий коренастый дед с широкой седой бородой, в старом тулупе, старых солдатских заплатаанных штанах и кирзовых сапогах.

- Крепись, кума. - сурово сказал он Марье, касаясь рукой её плеча и прошёл в залу.

Решено было хоронить завтра, так как сегодня было слишком поздно - дело клонилось к вечеру, не всё ещё готово, и к тому же завтра как раз третий день.

Люди постоянно ходили туда-сюда, кто-то что-то делал, обсуждал... Марья время от времени включалась в эту спасительную суету и тоже куда-то ходила, что-то делала, обсуждала, как и что нужно делать на похоронах и т.д. В этой заторможенной неестественной кутерьме незыблемыми оставались две вещи - красный гроб и сердито-печальное лицо Прохора.

- Прохор... Ты не считаешь ли нынче? - робко спросила она, поймав его в проходе.

- Почитаю, кума, отчего бы не почитать...

* * *

Марья вдруг заметила, что сидит она, крепко стиснув в руке фотография сына, в кресле около двери, в зале. За окошками уже темнело. Перед гробом сидел Прохор, задумчиво глядя в лицо мёртвому. Марья с удивлением заметила, что никого больше нет. И действительно, она стала вспоминать: племянник (тот, со сморщенным лицом) поехал к себе в город, закупать всё к завтрашнему, племянница тоже, ей с детьми некого оставить... Кума Нинка собиралась остаться, но еёный Колька так успел нализаться, что пришлось отводить его домой.

- Одна... одна... Одну ты меня оставил. - сказала она сыну на фотографии и слёзы снова покатались из её глаз, - Зачем ты ушёл, сынок мой? На кого меня оставил? Боже мой, за что мне такое, за что? Умер, умер, кровиночка...

- Прекрати, кума, не гневи Бога! - негодуя крикнул Прохор, вскочив. Марья испуганно притихла.

- Умер! Что делать? Терпи! Креста на тебе нет! - и прогромыхав мимо неё, вышел, хлопнув дверью.

Как ни странно, это подействовало на Марью успокаивающе. Глядя за окно, она невольно стала вспоминать всё, что знала о Прохоре. Не специально - просто мысли сами как-то потекли, цепляясь одна за другую и вызывая всё новые и новые...

* * *

Дом Прохора стоял даже не просто на краю деревни, а прямо на отшибе. Говорили (Марья сама была не здешняя), что до войны он с родителями там и жил. А как война началась, и немцы вступили в деревню, среди прочих расстреляли родителей его. Убежал он тогда куда-то и вернулся только через семь лет - уже с женой. Поначалу всё хорошо у него шло - вступил в колхоз, починил чудом не сгоревший со всеми отцовский дом, двое детей родилось...

Так он жил лет десять, пока однажды какой-то военный грузовик не сбил обоих детей. Мальчик, - тот на месте скончался, а девочка через два дня в больнице. Ни слезинки не проронив, похоронил детей. Только глубокая складка легла через весь лоб. А жена его, Алёна, вся ссохла от горя, заболела, днями с постели не вставала. Всё хозяйство легло на Прохора. Он стал угрюм и молчалив. Через год и жена умерла. Ещё две глубокие складки прорезали его лоб и волосы побелели. Вот тогда-то Прохор, как говорили, и "вдарился в Бога". Сдал корову, вышел из колхоза, стал каждое воскресенье и в праздники ходить за 17 километров в Жарино, где церква была. К нему и из колхоза ходили, сам председатель, и Петька-участковый, судом грозили, да ничего его не проняло, а потом уж и рукой махнули. В 68-м зима случилась дуже холодная. Дорогу занесло. Волки совсем близко стали к деревне подходить. Однажды ночью стая окружила его дом, загрызли старую собаку. Тогда Прохор с вилами вышел на волков, двоих заколол, остальные разбежались. С того разу он совсем поседел и хром стал на левую ногу.

Кое-кто на деревне недолюбливал Прохора, однако в общем уважали, и - если что серьёзное случалось, радость ли, горе ли, всегда звали Прохора; почитать Псалтирь, помолиться, да просто за столом посидеть. И он всегда приходил. Впрочем, дуже близко ни с кем не знался, кроме Митяя с Коврино, безграмотного старика, что летом пастухом работает.

* * *

Стук в дверь оборвал мысли. Марья встала и, подойдя к сеням, окликнула:

- Кто там?

- Пусти, кума, это я. - раздался знакомый - низкий, с хрипотцой, - голос.

Под мелким осенним дождём стоял Прохор, глядя из-под низких густых бровей глубокими тёмными газами, оплетёнными кружевом морщинок.

- Вот, почитать пришёл...

- Проходи, проходи, миленькой...

Они прошли в залу. Марья опять упала в кресло. Прохор бережно достал

из-под промокшего тулупа большую старую Псалтирь и положил перед гробом. Неторопливо зажёл две большие церковные свечи по бокам. Погасил люстру. Марья вздохнула и незаметно для себя улыбнулась. Прохор, став по-удобнее, раскрыл пожелтевшую, местами прорванную книгу, прочистил горло, пригладил бороду, расправил плечи и, широко перекрестившись на образа, размеренно, нараспев стал читать...

Микросхемы

- Полатки надо бы. Полатки. - мужичок покивал круглой головой, словно соглашаясь сам с собой.

- Палатки? - Ваня нахмурился. - Это вам в "Спорттовары"... А мы здесь оргтехником торгуем. Компьютерами и комплектующими. - не оборачиваясь, он показал пальцем на висящий за спиной рекламный плакат. - Понимаете?

- Да-да. Компьютерные полатки. - снова кивнул улыбчивый посетитель. Ну чисто китайский болванчик. Только не китаец, хоть и узкоглазый. Темно-медное лицо, косые скулы. Из северных кто-то. Чукча, одним словом. Только вместо оленьих шкур на нём заношенный старый пуховик, вполне по московско-ноябрьской погоде.

Не дождавшись от продавца ответа, "чукча" нагнулся и сунул руку в брезентовую сумку, а через секунду шлёпнул по столу помятой, заляпанной бумажкой.

Вглядевшись в кривые линии среди чернильных каракулей, Ваня, хоть и с трудом, но понял, о чём речь.

- А, так вам нужна "память"... Плата оперативной памяти?

Посетитель рьяно закивал. Кажется, движения головой он явно предпочитал всем прочим жестам. Так и виделось, как в лютый мороз он садится в нарты, руками держит упряжь, рот и нос замотаны, - только и остаётся, что кивать.

- СИММ»ы, ДИММ»ы, DDR?

- Чего?

Ваня небрежно махнул на помятый листок со схемой.

- Какого типа "память" вам требуется? Если вы возьмёте не тот тип, для вас это окажется бесполезной покупкой. А мы не принимаем обратно и не обмениваем исправный товар.

- Правда? - растерянно спросил северный гость.

Уставленные мониторами стены подобный диалог слышали уже, наверное, раз сто. Приходит "чайник" за покупкой, а параметров не знает. То, что "чукча" окажется "чайником", Ваня подозревал с того самого момента, как тот втиснулся в их полуподвальный офис-закуток.

- Ладно, постараемся угадать. - и Ваня повторял это уже, наверное, раз сто. - Какой у вас компьютер?

- Нет у меня компьютера. - простодушно улыбнулся мужичок.

- Ну а у того, кому вы "память" покупаете?

- Чего?
- У него есть компьютер?
- Нет.

Ваня хмыкнул и устало уронил ладони на стол.

- Тогда зачем она вам нужна?
- Нужна.

Всё ясно. Чукотский "чайник" в пуховике ничего сегодня не купит, но зато вволю поскипидарит мозги тупыми вопросами. Ваня с тоской кинул взгляд на экран с поставленным на паузу "хакрумом". Потерпевший крушение экипаж космолёта терпеливо топтался, ожидая возвращения к миссии: восстановить двигатель из подручных средств на чужой планете.

- Итак, вы не знаете, какой именно тип вам требуется?

- Нет. - посетитель почесал жидкую бородку. - А они очень разные? Ну, полатки эти... с памятью?

- Да. - отрезал Ваня. Ещё раз глянув на листок с рисунком, добавил: - Это явно не DDR. Или SIMM, или DIMM. Если бы вы сообщили, зачем вам нужна плата, я бы мог подсказать. Не желаете - ваше право. Можете брать наугад. Или не брать вообще.

- Э... - клиент замешкался и шумно вздохнул. - Надо они... понимаете... покормить чтобы... Коори надо покормить. Тынга сказал: полатки хочет. Ничего другого не возьмёт. А без Коори отец мой до буни не дойдёт. Да вы же не понимаете ничего...

"Чукча" махнул рукой, застеснявшись, и снова покачал головой.

Ваня пригляделся к посетителю. Мужичок определённо не блистал интеллектом, однако и на сумасшедшего не был похож. Странная смесь стеснительности и спокойствия чувствовалась и во взгляде его, и в речи, и в осанке.

- Вы кого-то кормите оперативной памятью? - подчёркнуто равнодушно уточнил парень. - Что ж, в таком случае, я действительно ничего не смогу подсказать. - Ваня актёрски развёл руками. - Наверное, и впрямь не такая уж большая разница, SIMM»ы или DIMM»ы. На вкус они, скорее всего, одинаковы.

- Может и нет. - скуластое лицо гостя стало грустным. - Иногда они очень разборчивы. А принесёшь не то - так и не примут! Ты не поймёшь. Что же я тогда, зря проездил? Зря Полковника беспокоил? Сколько дней рыбы не ловил. И отец... Ой-ой... Нехорошо отца не проводить, страдать он будет. Положено так. А, ты не поймёшь.

- Ну да, где уж нам. - к слову сказать, Ваня очень не любил, когда клиенты начинали ему "тыкать". - А кто рисунок-то вам накалякал?

- Тынга.

- Судя по рисунку, ему от силы лет семь.

"Чукча" звонко, самозабвенно рассмеялся, обнажив редкие зубы.

- Не-ет, он уже старик.

- И кого же у вас старики кормят микросхемами? - Ваня усмехнулся в

открытую.

- А, не поймёшь. - на губах посетителя, словно в зеркале, отразилась такая же усмешка. - Не знаете ведь ничего. Ни духа покормить, ни болезнь отвадить, ни зверя заговорить. Дикие вы.

- Чего? Духа... кормить?

- Вот я и говорю. - кивнул "чукча". - Дикие. Духов не кормите? То-то и оно. Вот и маетесь. Таблетки глотаете, а не выздоравливаете. Души ваши бродят неприкаянные. А покамлать надо - куда пойдёте? Ой-ой...

- То есть... - уяснив наконец, Ваня так развеселился, что даже про "хакрум" забыл. - вы духам теперь в жертву микросхемы приносите? Сколько же плат собираетесь купить? Коробку, две?

Мужичок стал серьёзен.

- Духи - не свиньи, чтобы их одним и тем же кормить. Каждый дух сам назначает, что он хочет. Наш вот домашний кашу любит. А Кыйсу, который у жены моей, с детства он у неё, от бабки перешёл, тот опилки железные просит. Мы ему гвоздь об напильник поточим, и сыпем перед фигуркой. Угощение, значит. Зато и рыба у нас всегда в доме.

Связи между рыбой в доме и железными опилками Ваня не уловил, но уточнять не стал, только заметил:

- Каша-то подешевле микросхемы будет.

- Верно! Иногда они такое требуют, что проще с другим духом договориться, чем этого накормить. Но тут так нельзя. Серьёзное дело. Ведь это коори, шаманский помощник. Без него Тынга до буни дорогу не найдёт. А у меня отец уже полтора года в панё сидит, ждёт. Тесно ему там. Непорядок. Не должно так быть. В буни ему надо.

- А что, без шамана он не может до Буней доехать?

- Нет. Без шамана никак.

- Сколько же километров до этих Буней?

- Много. Буни далеко на западе. Под землёй.

Тут до Вани дошло, что речь, кажется, не о соседней деревне.

- Мёртвые там живут. - доверительно продолжал "чукча". - У них там всё есть. Деревни стоят, дома у всех крепкие. В тайге зверя много. А в Амуре - рыбы. Не то, что у нас. Только шаман может туда довести душу отца. А тут вдруг коори помогать не хочет, без полозков этих. Он и раньше чего-нибудь выдумывал, то провода какие-то попросит, то лампочку... Теперь полатки. А у меня отец. Вот мне Тынга и сказал: "Выручай, Ананка, поезжай в Хабаровск".

- Далеко же вас от Хабаровска занесло. - Ваня заинтересованно глядел на собеседника, представляя в красках, как он это перескажет Катке вечером, а завтра - Вовану-сменщику. А в четверг - на дне рождения Тоцка. Бенефис обеспечен! - Неужто там компьютерных магазинов нет?

- В Хабаровске всё есть. Большой город. Как Москва. Но уж очень далеко. Очень много денег надо, чтобы туда ездить.

- Неужто до Москвы дешевле?

- Дешевле. - кивнул Ананка. - Сюда меня военные взяли. Они летели в штаб, вот и я с ними. Спасибо Полковнику. Его отец с моим вместе служили, друзьями были. Я как рассказал Полковнику, что проводить отца не могу, он сам предложил. Хороший человек. С пониманием! Хотя с духами тоже обращаться не научен, как и все вы, бедные...

- И сильно же мы беднее вас? - полубопытствовал Ваня, пряча улыбку.

- А сам посмотри. Денег-то у вас много. А радости нет. Шёл я сейчас по улице. Все мрачные лица. Все, кого видел! Все чем-то недовольны.

- А вы будто бы всему рады?

- Мне отца надо проводить. - вздохнул мужичок. - Полтора года уже, как похоронили, а всё живёт с нами. В буни ему пора. Сам хочет. И положено так.

- Как это... живёт? - оторопел Ваня, неуютно поёжившись.

- Ну как ещё? В панё, конечно! Ну, фигурка такая. Специальная. - в благожелательном тоне Ананки послышалась снисходительность, какая невольно бывает, когда приходится объяснять очевидные вещи. - После смерти-то душа бродит, возле могилы часто. Ей кушать надо. При жизни-то её тело кормит, в буни она сама еду найдёт, а вот между тем и тем - сильно голодает! Оттого, когда хороним, на могиле рыбки положим, для души чтобы... Потом шаман камлает, душу ищет. Находит - и в панё вселяет. Как духа. Мы панё дома поставим, весь год ухаживаем за отцом, кормим, разговариваем. А через год провожать надо в буни. А тут - видишь, что вышло? Полаток этот коори захотел! Хорошо, что Полковник помог, добрый человек!

Ваня опять хотел сострить, но призадумался, вспомнив, как на похоронах дяди Миши бросали конфеты на могилу, а дома перед его фотографией до девятого дня ставили рюмку с водкой...

И всё-таки, что же за дух такой, интересно, который себе провода да микросхемы требует? Эти аборигены там компа и в глаза не видели, и шаман ихний, судя по рисунку, не шибко понимал, что же он чертит... Что-то тут нечисто!

- И как теперь с этими полатками быть? - посетовал "абориген". - Тынга никаких мне "симмов" не говорил... Вот нарисовал и дал...

- А позвонить ему нельзя?

Ананка помотал головой:

- Ты что. Нету у нас телефона в деревне. Откуда?

- Ну... тогда можно купить платы обоих типов. Чтобы уж наверняка. В другой ситуации я бы не дал такого совета, поскольку одна из покупок заведомо окажется ненужной. Но ваше коори, быть может, слопают обе.

- А сколько они стоят? - встрепнулся северянин.

Окинув взглядом потёртый пуховик и тощую фигуру гостя, Ваня назвал цену самых дешёвых плат. И, вспомнив оговорку про Амур, неожиданно понял, что перед ним на самом деле не чукча. Представитель какого-то другого народа. Там их много, не угадаешь. А спросить неудобно.

Ананка тем временем призадумался, подняв глаза к низкому потолку, и наконец кивнул:

- Давай! Возьму обе!

Парень выдвинул второй ящик слева, откуда извлёк запечатанные в целлофановые пакетики платы. Положил на стол. Присмотревшись, как просиял гость, как полез опять в свой брезентовый мешок и начал отсчитывать затёртые десятки, Ваня отчего-то ощутил жгучую жалость.

- А вам не приходило в голову, что... всё это просто... сказки? - осторожно спросил он. - И нет на самом деле душ, вселённых в фигурки, и духов никаких нет?

- Да как же нет? - изумился Ананка, даже купюры считать перестал. - Как же нет, когда есть?

На такой аргумент Ваня не нашёлся, что возразить, и молча выписал чек.

- Вот спасибо! Вот спасибо-то! - широкие, грубые ладони северянина дрожали, когда он взял SIMM и DIMM-платы. - Как хорошо, что ты мне растолковал про полатки эти, что они разные бывают! Теперь к Полковнику пойду. - мужичок счастливо улыбнулся. - Сегодня вылетаем в ночь. Через два дня уже рыбачить буду!

- В добрый путь. Хотел бы я посмотреть, как это коори будет их поедать.

- Да там ничего не увидишь. - ответил довольный Ананка, затягивая узел мешка. - Тынга положит перед его фигуркой, он и съест! Душу этих полаток съест. А сами полатки потом и убрать можно. Но главное, отца смогу проводить наконец в буни! Заждались его там уже, и дед мой, и дядя... Хорошо теперь будет.

- А у шамана-то вашего дети есть? - неожиданно Ваню озарила догадка.

- Есть. Сын. И внук есть.

- А они, случаем, не в городе живут?

- В городе, да. - Ананка ответил своим "фирменным" кивком. - А как ты догадался?

- Духи нашептали, - невесело усмехнулся продавец, качая головой.

Продаётся Америка

Сейчас многие считают, что всё началось с той злосчастной публикации. Один американский экономист в одной американской газете выступил с предложением продать Аляску обратно России. За триллион долларов. Потому как от Аляски одни растраты, а русским и так денег девать некуда, лишний же триллион да сэкономленные субсидии одним махом покроют долги США, позволят сократить дефицит федерального бюджета и оздоровят общее состояние экономики.

Как известно, вербализированные идеи стремятся к предметности, иначе говоря, от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься. Само представление о табу выявляет глубоко сидящую в человеке уверенность, что

посредством слова можно влиять на мир, и потому некоторые события лучше не проговаривать вовсе, если не желаешь, чтобы они произошли.

Именно поэтому многие теперь считают ту статью едва ли не основной причиной изменений, потрясших мир. Хотя лично я склонен больше доверять ученым монахам с их темными речами о волновом откате или временной инверсии. По крайней мере я верю, что события, происходящие в мире, помимо человеческого фактора имеют и иные причины, скрытые механизмы, принципиально неподвластные нашему уму. А статья... вполне возможно, она просто совпала с поворотом невидимого маховика мироздания... Мало ли таких статей выходило в то время.

Вполне естественно, что поначалу высказанное экономистом предложение по обе стороны Берингова пролива восприняли не более как шутку или курьез, однако, как известно, в каждом курьезе...

Впрочем, обо всем по порядку.

Аляску действительно продали России. Но этому предшествовал ряд примечательных событий.

В рамках возрождения исторических традиций администрация самого северного штата неожиданно предложила переименовать столицу. С удивительным единодушием население одобрило инициативу, и вскоре Ситка опять стал Новоархангельском.

Почти в те же дни самолет Центральной Резервной Системы США, несущий на борту несколько тонн золота, неожиданно сбился с курса и потерпел крушение где-то у подножия Ре-даута. Пробраться к нему через горные перевалы так и не смогли. Но это лишь самый заметный пример, в тени которого укрылись тысячи подобных совпадений более мелкого масштаба. Начиная с обручальных колец, оброненных нахлынувшими туристами, и заканчивая позолотой куполов местных православных храмов в рамках программы поддержания культуры, – золото потянулось из Штатов на Аляске, как железные стружки к магниту.

Кажется, кто-то из газетчиков в те дни написал, что за несколько лет на север таким образом перетекло свыше миллиона тонн «презренного металла». Но, может, и приврал. Поди проверь теперь. Впрочем, резонанса статья не вызвала, тогда больше на другое внимание обращали. Ну, знаете, всякие липовые сенсации вроде: «при раскопках в египетских пирамидах обнаружили модель самолета». Или мрачные новости про сход лавины в каких-нибудь Альпах, завалившей несколько автомобилей... Да и правительству не до того было – готовились к заключению договора об уступке 59-го штата России.

18 декабря на центральной площади Новоархангельска был спущен звездно-полосатый флаг и торжественно поднят триколор. Сразу после заключения договора в американской прессе и сенате вспыхнули жаркие споры. Немало было тех, кто считал этот поступок ошибочным, и уж точно все сходились во мнении, что 7 миллионов 200 тысяч долларов – явно не самая выгодная цена. Вспоминал ли кто-нибудь тогда фантастическую сумму

в триллион гринов, озвученную автором злосчастной статьи? Наверное, вспоминали, но что сделано, то сделано, а потом уж закрутилась такая чехарда, что всем стало не до Аляски.

Острая социальная напряженность, которая росла в американском обществе многие годы, выплеснулась наружу в виде массовых волнений и беспорядков. Общество раскололось. Тем не менее южные штаты взяли курс на борьбу с высоким уровнем преступности среди афроамериканских граждан, эта проблема была одной из самых болезненных в стране. Еще в прежние времена стало ясно, что корни преступности – в социальных причинах, среди которых главная – безработица. На этом прежде всего южане и решили сосредоточить свои усилия. Почти каждая белая семья сочла своим долгом обеспечить работой менее удачливых чернокожих соотечественников, на сахарной ли плантации, в доме ли, на производстве... Либеральный Север долгое время колебался, но высокая эффективность запущенной южанами программы убедила даже самых упертых скептиков. Негритянская преступность действительно исчезла сразу же вслед за негритянской безработицей.

Но страну продолжали сотрясать кризисы и внутренние неурядицы. Нация становилась все более разобщенной, экономика слабела, грубели нравы. Все чаще одичавшие индейские племена вырывались из резерваций и вступали в стычки с полицией. Последовали нападения со стороны южных соседей.

На какое-то время Техас стал независимым государством с собственным президентом – до тех пор, пока не состоялись выборы и пост главы государства был упразднен, а сам Техас присоединился к Соединенным Штатам Мексики (именно так официально назвалась эта страна), которые еще прежде аннексировали Южную Калифорнию.

Луизиану пришлось продать обратно Франции.

Флориду продали Испании.

Нью-Йорк вернули Нидерландам.

И все же средства, вырученные от продажи территорий, не могли решить всех проблем, в лучшем случае могли отсрочить неминуемое. В отчаянной попытке спасти нацию президент обратился к ее королевскому величеству с просьбой о придании Соединенным Штатам Америки статуса британской колонии.

Увы... колониальный статус не принес облегчения. Жизнь становилась все тяжелее. Все больше и больше населения уезжало в Европу, Африку, Азию и Южную Америку.

Наконец, в позапрошлом году капитан Смит снял английский флаг в Джеймстауне (бывший штат Вирджиния), и все закончилось. Когда индейцы вышли нас провожать, они подарили нам белые рубашки и стеклянные бусы. Это было так трогательно, что капитан приказал пожертвовать им золотых.

Я был одним из последних, кто покинул континент на славном парходике «Мэйфлауэр».

В Европе нас не ждали с распростертыми объятиями.

Как вы понимаете, волна темпорального отката прошла не только по нашему несчастному континенту. Бесконечно дробящаяся Германия. Набухающая, как напившийся кровосос, Турция. Монархическая Россия. Постоянно воюющая Англия. Весь цивилизованный мир трясло.

А нецивилизованный... Как ни странно, на Земле оказалось немало мест, где ничего даже не заметили. Впрочем, чему удивляться, если еще в начале XXI века каждый второй житель планеты никогда не видел телефона. Но те, кто видел и имел, эту потерю заметили. Хотя я не спорю, что телеграф более безвреден, чем сотовые с их ужасным излучением.

И, конечно же, возврат к лошадям стал панацеей от экологического кризиса – кто бы сомневался?

Я просто хочу понять. Осмыслить. И ведь не я один. До сих пор ученые монахи ведут споры о природе явления, коему мы стали свидетелями.

Время не повернуло вспять. Я не молодею, морщины со лба не исчезают, а, напротив, прибавляются, седых волос становится не меньше, а больше. Дети не залезают в утробы матерей, а гробы не выскакивают из могил. Все по-прежнему идет своим чередом.

И даже нельзя сказать, что история повернула вспять. Хронометраж все так же отсчитывает по нарастающей. Годы идут вперед. События недавнего прошлого не полностью тождественны событиям давнего. С переменной перспективы изменилось их значение...

Можно сказать, что повернули вспять именно узловые события нашей цивилизации, словно рыболовную сеть, проведя вдоль реки, потянули в обратном направлении. Самое странное, что получалось все как бы само собой, нашими же собственными руками, речами, инициативами... Когда закономерность установили и, после долгих пререканий, теорию приняли всерьез, одни попытались противиться неизбежному, а другие – получить выгоду. Все оказались в проигрыше. Случилось немножко не так, не там и не потому, как было в расчетах и прогнозах. И немудрено. Накатывающая на берег волна никогда не возвращается точно тем же путем, что пришла.

Сыграло роль и то, что не сразу оценили ускоренный темп отката. То, на что прогрессу понадобилось три столетия, регресс упразднил за полвека. Необъяснимо! Немыслимо! Впрочем... Один и тот же снег в каких-нибудь Альпах может копиться неделями, а сойти лавиной за минуту, разве нет?

Сравнения всегда хромают, а уж мои-то в особенности. Я не ученый монах, я всего лишь конюх в придорожном трактире. Но мой отец постарался дать мне хорошее образование еще до того, как в рамках реформы образования Йельский университет понизили до статуса колледжа. Вечером, когда лошади напоены и вычищены, а кормушки полны овса, я лежу на сеновале и, глядя в закатное небо, вспоминаю о далекой утраченной родине. И пытаюсь понять: почему?

А уж если на постоялом дворе остановится кто-то из ученой братии, то обязательно улучу минутку, чтобы спросить: что творится с миром, что это –

мистический коллапс цивилизации с грядущей развязкой в Армагеддоне или циклический процесс, объясняющий разные артефакты вроде модели самолета в египетских пирамидах? Одни говорят одно, другие – другое. Но кое в чем сходятся почти все просвещенные люди – что абсурдная байка простолюдинов, будто виною всему стала та злосчастная статья про Аляску, не имеет никакого научного основания и есть лишь следствие глупых суеверий.

Да, это сущая правда. Статья здесь совершенно ни при чём. В противном случае, я уверен, отец бы никогда не написал её.

14:42 по Марсу

Время молиться.

Ненавижу орбитальных и землян. Даже не знаю, кого из них больше. Она плачет. Господи, почему она плачет? Секундная стрелка колотит воздух.

Время молиться.

Минуты медленно тянутся, как капли старого, помутневшего меда. Ужасно устал и в толк не возьму – отчего. Просыпаюсь уже смертельно усталым. Лучше бы и вовсе не просыпаться, но если слишком долго спать, потом, как известно, будет хуже.

Время молиться.

Дни с размеренностью часовых тупо сменяют друг друга. Что я не успел вчера? Что не успел сегодня? Иллюминатор кухни красным бельмом будней пялится в опустевшую душу. Не хватает воздуха. Впереди еще целая жизнь. Всё будет хорошо. Начальник устроил разнос из-за сломанной корды. Теперь надо ждать «челнок» с орбиты, чтобы заменить. Ненавижу орбитальных. Глядя в глаза начальника, вижу, что он тоже устал. Проклятая планета. Всё будет путем.

Время молиться.

Неделя в затылок неделе, и так до горизонта чередой голодных теней. Память осыпается, как рассохшаяся доска. Все ли долги я вернул? Сегодня дата. Пиво – пойло для свиней. Ненавижу эту дрянь. И водку я на самом деле терпеть не могу, хотя и скрываю это от друзей по застолью. Нет, не надо поднимать за меня тост, лучше за родителей. Любая еда давно потеряла вкус. Бездонный колодец ночного иллюминатора свел бы с ума, если бы не цинично реальные ряды грязных тарелок. Наконец-то все ушли. Сажу один за столом и никак не могу отдышаться. Впереди еще много времени. Позади уже тоже.

Время молиться.

Месяц за месяцем. Долгожданная премия! Не зря мы корячились среди этих песков. Василич беспробудно квасит. Может показаться, будто время сквозь нас течет одинаково, но на самом деле дни для него пролетают быстрее, чем для меня. Куда, интересно, он спешит? Должно быть, ему не терпится увидеть, что же там, в конце... Дай-ка прикурить! Курево тоже дрянь, но к

этому уже привык.

Время молиться.

Год тянется бесконечно долго и с молчаливым укором исчезает в проруби небытия. А я, как ни стараюсь, все не могу вспомнить ее лицо. Ничего, потом вспомню. Время еще есть. Пришел Василич. С бегающими глазками из-под опухших век он сидит у меня на кухне и говорит о политике. Зачем ты, приятель, пичкаешь меня фразами, услышанными по телевизору? Я ведь смотрел ту же передачу.

Поздно...

Часы сломались. Проклятые земляне, ничего толком делать не умеют. Придется ждать «челнок» с орбиты. Проклятые орбитальные. Количество цифр на затертой кредитке неумолимо уменьшается. Тает. Ничего, ничего... На самом деле никого я не ненавижу. Это просто усталость. Завтра выходной – я вволю посплю. Завтра я проснусь другим человеком, и усталости больше не будет. Какая-то странная мысль всё не дает покоя перед сном. Не надо плакать, милая, всё будет хорошо... Надо будет открыть окно. Ах нет, здесь же иллюминаторы...

Поздно...

Впереди еще целая вечность...

Поздно...